Русский путь

Издается с 2003 года

№ 1 /2003

Ярославль

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью «Редакция газеты «Губернские вести»

Литературно-художественный, общественно-политический и научно-популярный журнал

Тираж бумажной версии 700 экземпляров.

Главный редактор

Евгений ЧЕКАНОВ

Леонид Советников

Спящий куст

* * *

Казалось, уже ни за что и
Не стронуть громаду – а вот
Подмыты пласты и устои
И толщь ледяная плывет.

Ломая края, середины
Оковную мощь сотряся,
Подобьем судьбы – или льдины? –
Она распадается – вся.

Свидетель безумья такого,
Поймешь ли, что ты не во сне
И лучше томиться в оковах,
Чем грезить и петь о весне.

Но ворон, как мельник, смеется!
Чернеют круги на воде
И полною грудью поется,
Уж как никогда и нигде.

Леонид Николаевич Советников родился в Рыбинске в 1955 году в семье работника завода «Полиграфмаш». В 1975 году окончил Рыбинский полиграфический техникум, затем служил в армии, трудился в конструкторском бюро полиграфического машиностроения. В 1978 году, уволившись из КБ, устроился на работу в фонды рыбинского филиала областного государственного архива, одновременно поступив учиться в институт, на филологическое отделение.

Случившееся несчастье (перелом позвоночника с повреждением спинного мозга) потребовало напряжения всех сил, Леонид заново учился ходить. Врачи и родные спасли его, но учебу в вузе пришлось оставить.

Литературным творчеством занимается со школьной скамьи, принимал активное участие в работе рыбинских литературных объединений. Стихи публиковал в коллективных сборниках и периодических изданиях, автор двух поэтических книг. В 1997 году был принят в Союз российских писателей.

Живет в Рыбинске.

© Леонид Советников, 2003.

ЛИСТЬЯ

Были блестящими, слыли гуленами
Листья из юности – я ли
Выдумал, как кружевами зелеными
Свет они дивно пленяли?

Или, с прожилками крыл, небожители,
Нам о любви шелестели?
Листья, и нас уже ветры похитили,
Многих укрыли метели.

Нищая юность! Убогие дворики
С липами возле сараек.
Весело скалятся бедные Йорики,
С листьями ветер играет.

* * *

Дождливое утро. И роща промокла.
Вдруг звякнет струя, будто лопнет струна.
И галочья стая, – звучанья полна,
С каким протирают оконные стекла,
Сорвется с дерев на пустые зады,
На бледность отав, на скупые подзолы.
И ринется ветка сквозь капель узоры
К спокойствию рамы – оконной узды.

И годы пройдут...Как сквозь кальку, невнятно,
Проступит и время и место – среда.
И, узостью жизни охвачен, тогда
Я выйду из дома в зеленые пятна
Дрожащей листвы и скользящей травы,
Как Ной выходил...Бредя мхом и болотом,
Резучей осокой, колючим осотом
И счастьем, с каким не сыскать головы.

* * *

Устал и жить...а все живешь,
Как будто длишь какой-то праздник.
И листьев золотая дрожь
Медлительностью сердце дразнит.

Объяты мысли и трава
Глухой эпохой обветшанья,

Где все красивые слова –
Людской сумбур, прием шуршанья.

Дрожит и лист, и человек, –
А что ты, одинокий, можешь?
Молчишь. И поджидаешь снег,
И сердце вымыслом тревожишь.

* * *

С утра шел снег, и в четырех стенах
Лепился сумрак, подвизался страх,
Как окруженье жизни одинокой.
Но вот внезапно, свой среди своих,
Страх растворился, долгий снег утих,
Явилось поле ясности широкой.

Сияли ослепительно снега!
Так ищешь друга, а найдешь – врага.
Сливались близи, застилались дали...
Как застил свет, как мыслями играл
Иллюзии божественный кристалл,
Какой застой лучи его скрывали!

О, спящий куст! Что видишь ты окрест –
Теченье дней иль перемену мест?
Приучен ждать, копить умеешь силы;
Ты можешь все: корнями землю рыть,
И красоту, и зрелый плод дарить,
И верить – даже на краю могилы!

Но подтверждает снег, что нет пути,
И ты не в силах поле перейти.

* * *

Дорога уводит в старинный алтарь,
В обряд заповедный, где яви готовы
С остатками прежних, где в руку, как встарь,
Даются они, что причастья Христовы.

Узоры мгновений... Все длится обряд,
Сплетаясь в орнамент прозрений и света.
Орнамент строфичен, узор строчковат –
И первое больше волнует поэта.

Пусть собственной яви – пропасть без следа,
Не сбыться... Не так ли на бархатной рани,
Играя с огнем, выгорает звезда?
И нет пепелищ от ее выгораний.

* * *

Никогда мы не свидимся боле
Ни в лесу, ни у речки, ни в поле,
И зеленый цветок не сорвем;
И в зеленых сережках березам,
И с зеленым отливом стрекозам
Не расскажем о счастье своем.

Был избеган босыми ногами
Весь наш рай, что давно под снегами,
Лишь зеленые сосны скрипят.
- Дети, где вы? – Не ведаем сами,
Не в глаза и чужими глазами
Смотрим, как догорает закат.

* * *

Темнело. С воли дул холодный ветер.
И было так, как будто не приветил
Меня мой друг. И ветер выл в груди:
Любви и справедливости не жди
Ни от кого, такого нет закона!

И я уснул. И видел блеск затона
И чей-то взгляд. И бриз береговой
Смирялся, будто лист перед травой.
Шептали камыши, где рощи дремлют:
Не верь себе, пока не ляжешь в землю.

* * *

Нехотя волны, одна за одной,
Аспидный камень у берега моют.
День. За туманной стоит пеленой
Ельник, объятый разлапистой тьмою.

Пасмурный край. Под печальной сосной –
Абрис оградки...С молитвой немою
Плелся старик тут с порожней сумою,
Обомшевая всегдашней виной.

Родина, воля твоя – в овсюгах.
Кто тебя выдумал странной такою?
Оскудевает туман над рекою,
Возится вечность в крутых берегах.

Облачно небо, как будто в снегах.
Йодистый воздух пропитан тоскою.

* * *

Пространством усмиренный снег
  Дремотной ранью.
Чтоб я, усталый раб, прибег
  К его молчанью.

Кусты – подобья пирамид
  В пустыне поля.
Там ветка мумиею спит,
  С живыми споря.

Как будто жизнь ушла во сны,
  Слегла в сугробы –
И нет ни писем, ни весны,
  Ни слез, ни злобы...

ХОРИВ

Глас огненный – ни облика, ни лика –
Одной горы пылающая пика
И облако, воздетое над ней.
Притих народ – от мала до велика,
И патриарх, на посох как калика
Припав, внимает грохоту камней –
Небесных слов. И эха бьют в скрижали,
Пока внизу во мраке стонут дали.

* * *

Не стой, дружок, на паперти,
Душе не все равно.
Уж плоть, не хлеб на скатерти;
Кровь в чаше, не вино.

Песочком лед ступенчатый
Посыпан у дверей.
И мальчик покалеченный
Глядит, как иерей

Справляет службу верную,
О милости моля...
И ждет зарю вечернюю
Плачевная земля.

* * *

Лирика становится цинична,
Если все в ней – лишь предмет всего,
Если звук души и нота птичья –
Только знак бессилья твоего.

Где цари, что цензорами слыли?
Где пророки, что глаголом жгли?
Не достать одних из-под земли,
До смерти других позалюбили.

И в душе, блуждающей в дыму,
И в стране, где пошлое в почете,
Лирика бывает на излете
И почти не слышной никому.

Но бывает!.. Птица в светлой роще
Так звенит, иль речка меж камней? –
Чем безвестней, тем родней и проще;
Чем родней, тем тише и грустней.

КАМЕНЬ

Шумят века, поют ветра
И завтра будет, что вчера.
И Баальбек возводит Каин
В надежде скрыться от тоски.
И стены башен высоки,
Но давит неотступный камень.

Он, даже вырвавшись из рук
И воплотившись в дальний звук,
Вернется камнем преткновенья!
Настигнут камушком своим,
Не знает мир, что делать с ним –
И отсылает в поколенья.

Покуда камню стать Петром,
Куются молнии, и гром
Гремит, и суша погрузилась
В пучины вод. И в гневе волн
То рычет лев, то мычет вол,
Но в безднах не ночует милость.

Покуда камню лечь углом
В единый храм, в надмирный дом –
Цари младенцев истребляют,
Текут народы, как пески,

И в Мертвом море рыбаки
Все так же сети расставляют.

И снится камню страшный сон,
Что не в пустыне брошен он,
А в вечном пекле – голосящим!
Вот подрастет, вот в ум взойдет –
И мы под ним не свой исход,
А безысходный гнет обрящем.

* * *

Луч, стеклом окна задет,
На лучины стал колоться;
Божья родина – весь свет
До звезды на дне колодца.

Даже если нет звезды -
Свет дойдет, печаль растает...
Как душа, в ковше воды
Дремлет щепка золотая.

* * *

Природа не любит ущерба.
И вот не во льдах, а в тепле
Застыли три веточки вербы,
Тоскуя по доброй земле.

Поверили, видно, бедняжки,
Что полное счастье дано.
Корнями блуждая в стекляшке,
Мечтали попасть за окно.

...Где снег был глубок и печален,
Земля для любви холодна.
Сегодня так много проталин!
И все без стеклянного дна.

ПРОЗА

Алексей
Серов

Злоба ночи

Маленькая повесть

«Кроме того, как я уже категорически заявлял, что хотя я и счастлив, когда пишу, но могу поклясться, что я никогда не писал и не пишу весело; моя профессия милостиво разрешает мне иметь определенную норму невеселых мыслей».

Сэлинджер

«Есть люди, с самого детства своего не знавшие никаких других законов, кроме закона волосатого кулака и потной грубой силы. Эти люди (охотно или нет - но с пониманием) подчинялись действию, казалось бы, вечных, незыблемых установлений - и сами пользовались насилием как простейшим и очевидным способом подогнать этот мир под себя. И если с течением времени человек начинает вдруг понимать, что не все в жизни подчиняется этим правилам, а есть и правила другие, где царит справедливость и любовь - нет ничего лучше, и можно лишь радоваться за него.

Но если, избави Бог, все было наоборот, и правильно воспитанный с детства человек, живя дальше и дольше, постепенно разочаровывается в привитых ему благородных идеалах, а убеждается и видит вокруг себя одну только ложь, преда тельство и ежечасное насилие, и видит, еще хуже, торжество всего этого над добром и любовью - вот когда остается лишь горевать и молиться, ибо трудно дальше придется такому человеку, путь его будет извилист и тернист, и окажется ли он когда-нибудь снова на верной дороге - Бог весть...».

Малоизвестный литератор В., сидя в домашнем кабинете (представлявшем собою слегка отгороженный угол в единственной комнате его квартиры), в задумчивости смотрел на экран монитора. Там мерцали два абзаца небольшого текста - начало нового рассказа или повести. В. собирался высказаться в этом произведении на полную катушку. Время пришло, уже двадцать семь лет, нужно создавать серьезную вещь на конкретном жизненном материале, нужно обретать известность, которой, чего там греха та ить, он давно заслуживает. Публикация в городской прессе его рассказов и благожелательные отзывы местных

Алексей Анатольевич Серов родился в 1969 году в Ярославле, после окончания средней школы работал на заводе, служил в армии, пробовал свои силы в жур налистике. Литературным творчеством начал заниматься в школьные годы.

В 1996 году поступил на заочное отделение в Литературный институт имени Горького, учился в семинаре известного критика и литературоведа Михаила Лобанова, защитил диплом на «отлично». Рассказы и отрывки из повестей публиковал в областных газетах. В 2001 году в Ярославле вышла в свет его первая книга «Семь стрел».

Работает электрогазорезчиком на заводе. Живет в Ярославле.

© Журнальный вариант. Алексей Серов, 2003.

критиков убедили его в этом полностью. Он бросил камень в это стоячее болото. И круги пошли! Правда, как-то слишком быстро успокоились. Что ж, пора открывать миру свое истинное лицо. Пусть все узнают, что этот В., сверловщик с электромеханического завода - не только сверловщик. И не столько...

Он сидел на маленьком детском стульчике, стол был тоже невысок - журнальное шаткое сооружение. Чтобы дотянуться до клавиатуры, руки приходилось просовывать между колен и сидеть, скорчившись, почти сложившись вдвое, колени его торчали в разные стороны, едва не выше плеч. В. был ростом длинен и тощ и очень похож был сейчас на лягушку, готовую слизнуть муху. Прищурив левый глаз, с почти злобным выражением лица он в двадцатый раз перечитывал только что написанное.

Два абзаца подвергались в течение сорока минут беспрерывной правке; последний вариант отличался от первого абсолютно - не оставалось почти ни одного прежнего слова. И эта артподготовка, кажется, не была напрасной - плацдарм на том берегу удалось захватить.

Текст мутировал, мимикрировал, старался отползти в дальний темный угол, но В. был безжалостен. Словно хирург, он резал слова и целые фразы, ампутировал ненужные куски, пересаживал, приживлял новое и смотрел, что вырастет; вытягивал из текста струны жил, больно щипал их, прислушиваясь к ответному звучанию.

Каждый раз, садясь к своему рабочему инструменту, пишущей машинке, он почти не верил, что сможет написать еще хоть одну толковую фразу, а тем более, когда-нибудь закончить весь текст (хотя таких текстов у него уже было немало). И каждый раз, перечитывая готовый новый кусок, он радовался и дивился себе: надо же, смог! Сделал! Ай да я! Он обычно писал вот так: медленно и тяжело, и потому не очень любил это дело; но только им и хотел бы заниматься в жизни.

«Нет, пожалуй, чересчур назидательно, - решил В., снова пробегая глазами по строчкам. - И «бога» слишком много. Скулы у читателя может свести... Впрочем, ведь это не детектив, не обязан я каждой строчкой занимать читателя и обещать ему сладкое. Орел мух не ловит, классики в реверансах ноги перед публикой не ломают... Оставлю пока так, а завтра продолжим».

Он нажал кнопку «Сохранить» и выключил компьютер. Бесцельно посмотрел в смутное окно.

Откуда-то остро попахивало гороховым супом. Литератор повел носом, ища источник запаха, и обнаружил его у себя под мышками. Чертыхнулся, рассмеялся. Почесал давно небритую щеку.

В середине мая время начинает путаться. Вроде еще совсем светло, а уж спать давно пора. Серп убывающей луны висел в небе, словно елочное украшение, вырезанное из тонкой фольги. У В. с луной были довольно сложные взаимоотношения. Иногда она ему помогала, но чаще всего он не мог найти для нее ласкового слова, особенно когда эта сука бывала совсем круглой. В таким дни он чувствовал себя ее безвольной марионеткой и ждал от себя чего угодно - попойки, драки, темных вспышек внутреннего озарения, предательства или подвига. Дней пять назад, когда эта гадина сияла во все небо, В. бродил около полуночи по дальнему пустырю и наткнулся на иномарку с пьяными парнями и девками. Они высунулись из окон и молча рассматривали одинокого странного пешехода, словно редкое животное в зоопарке. Он с готовностью шагнул в их сторону, неся в карманах собственные руки, как железные палки с наваренными набалдашниками. «Что уставились? Знакомы?» Их было пять человек. Ни один даже рта не раскрыл. Убрали в тачку свои морды... Но едва только В. отошел на порядочное расстояние, как почувствовал парализующий прилив запоздалого страха. Повезло... цел остался, поленились, или наглости такой не поняли, повезло. А все эта круглая тварь! И что же ее никто не подстрелит? Ведь сколько на свете хороших охотников! Стреляют, стреляют зря...

В. продолжал беспредметно глазеть в окно. Там тревожно размахивал верхушкой высокий клен, густели сумерки.

Пора было зажигать свет. Но жена уже укладывала ребенка спать. Девочка капризничала, крутилась на постели, никак не могла угомониться.

- Живот болит. Чем-то накормили не тем. Может, рано ей еще сыр давать? - вслух рассуждала жена. Она не особо надеялась получить от мужа ответ, просто так ей было спокойнее. - Ты, когда сыр-то покупал, спрашивал, свежий он или нет?

В. прошелся по ней еще не остывшим взглядом, возвращаясь из других, далеких мест. Опознал, вспомнил. Перевел на свой язык ее сообщение; сообразив, что супруге нужно ответить, перевел обратно:

- Сказали: свежий. Ну, так они и соврут - недорого возьмут.

Жена покачала головой.

- Надо укропу заварить.

В. отправился на кухню заваривать укроп, принес оттуда таблетку активированного угля и дал дочке. Та приглушенно захрустела таблеткой, перетирая ее недавно прорезавшимися зубками, а потом выплюнула черную слюну на воротничок рубашки и заплакала.

- Да-а, ночка будет беспокойная, - сказал В., взглянув на часы. Угольную слюну он вытер платком.

- Нам не привыкать, - зевнула жена, скидывая халат и натягивая коротенькую прозрачную ночнушку. Глядя на ее тело, В. кивнул головой.

- Да уж...

Через полчаса укроп сделал свое благородное дело и девочка заснула усталым сном, но и во сне всхлипывала и тяжело вздыхала. Прикорнула и жена. Она использовала для отдыха каждую редкую свободную минуту. В. постоял в раздумье посредине комнаты, полюбовался на спящих. Какие же они у меня красивые, подумал он. Что большая, что маленькая. Девочки мои... Их дыхание он слышал прекрасно. Как выяснилось за последние полтора года, это была лучшая музыка на свете.

В. опустился в кресло. Ему хотелось спать, но еще не так сильно. Жаль было тратить время на сон, лучше попробовать дописать несколько фраз к начатому рассказу. Подождав десять минут для верности, он встал и направился в свой угол, чтобы запустить компьютер. Уселся на маленький стульчик и привычно просунул руки между колен, потянувшись к выключателю.

Но вместо рассказа он вдруг вызвал из памяти на экран компьютера свой дневник. И гневно, словно кому-то что-то доказывая, стал тыкать пальцами в клавиатуру.

«Чем дальше идет время, тем большее желание возникает иногда - открыть ту единственную, главную книгу, где написана Вся Правда, и прочитать ее, наконец. Но что это за книга и где мне ее взять?..

Сегодня окончательно сформулировал: мою жизнь можно смело назвать «ожиданием выходных». Внешняя, официальная работа мне противна до ненависти, и я живу нормальной жизнью лишь два дня в неделю, по выходным, да один месяц в году, когда отпуск. Я там чужой, и все знают, что я чужой. Уже не могу просто смотреть людям в глаза, словно в чем виноват. Чувствую себя, как Штирлиц в тылу врага. И они это видят. И задают один и тот же безмолвный вопрос: «Какого лешего ты здесь делаешь?» Так имеет ли это смысл? И неужели я должен мечтать о пенсии? Ведь тогда я буду стариком, ни на что не годным. Разве я живу для того, чтобы заработать себе пенсию? Это невозможно! Правда, большинство людей живет именно для этого. Они тратят свою единственную жизнь, чтобы в старости получать мизерные гроши от скупого государства! Господи, как это нелепо. И еще нелепее: один из этих людей - я. Самое правильное, что следовало бы предпринять мне, озаренному этой простой и очевидной мыслью - мгновенно уволиться с работы и заниматься своим настоящим делом, то есть литературой. А насчет пропитания не беспокоиться, как это и рекомендовал Христос. В конце концов,

многие люди годами не получают денег и как-то живут, неужели я не смогу? Однако я прекрасно знаю: в понедельник проснусь по звонку будильника и побреду опять в свой грязный цех, поднимать с колен падшую, словно девка, российскую экономику. Вот единственная светлая мысль, единственное оправдание, которое я придумал своему оскорбительно нелогичному поведению...

А хуже всего, что и в богемной тусовке мне не место, не люблю я это, терпеть не могу. Недавно зашел на выставку одного местного художника. По стенам в умышленном беспорядке криво развешены непонятные картины. Я не смог выяснить, что изображает хотя бы одна из них. Случайно познакомился с автором. Разговорился, сказал, что вот, тоже пишу, только не кистью. Он пьяненький был, такой маленький, все рыженькими бровками моргал да тряс длинной оранжевой бороденкой. И минуты через две вдруг он мне говорит: не пиши прозу. Работай на заводе, делай там что-нибудь, что ты там делаешь?.. гайки точи, что ли. А прозу не пиши, не надо. Не зная ни одной моей строчки, просто так, взял и сказал. Посоветовал. Великий Художник, обороняющий бастион Высокого Искусства от варваров. На Олимпе тесновато, зачем нужны конкуренты? А может, просто пожалел... Нет мне места, нет покоя, Господи! Только дома я еще как-то могу быть собой, а больше нигде.

Люблю утро - когда не нужно вставать в определенное время. Могу с удовольствием подняться в четыре часа и пойти встретить солнце. Чем меньше увижу людей, тем лучше. Город живет своей тайной жизнью. Туман ползает с улицы на улицу, такой густой, что легко заблудиться даже в знакомых местах, в нем вяло киснут фонари, и первые трамваи пролетают привидениями, без единого звука, едва не сталкиваясь друг с другом на поворотах широкими плечами. Чугунные памятники вождям покидают свои постаменты, собираются командами на площадях и, обменявшись новостями и жадно перекурив, азартно играют в футбол огромными булыгами. В городских фонтанах деловито моются бомжи, похожие на пророков. Это одно из главных моих желаний - быть свободным, быть хозяином своего утра. «Хозяин утра» - неплохо звучит. (Может, назову так рассказ.) Главная же и настоящая причина моих бессмысленно-ранних побудок - семья. И это нормально. Иначе я не могу...»

Через полчаса, когда В. только-только раскочегарил свои мозги, девочка проснулась и закричала. Так закричала, что сразу стало ясно - дело серьезное. Придется вызывать врача. Жена выразительно глянула на мужа, суетливо бегавшего из комнаты на кухню, а оттуда в ванную (он еще надеялся, что ребенок вот-вот успокоится и можно будет вернуться к рассказу или, по крайней мере, лечь спать), сказала непреклонно:

- Иди звони.

Телефона у них не было. Чтобы вызвать «скорую», нужно бежать на улицу. Обеспокоить в такое время соседей В. не решился бы ни за что. Вернее - ему не хотелось унижаться, просить, умолять... Жена не постеснялась бы, на этот счет комплексы у нее давно и успешно были уничтожены, просто ситуация, по ее мнению, пока еще не была слишком опасной.

В. неохотно выключил компьютер, поглядел на пустой экран и сказал:

- А может быть, все-таки...

- Иди звони, - повторила жена тоном выше. - Или я сама сейчас пойду.

- Ну подумаешь, живот болит, - сказал В., нервно подтаскивая кверху все время съезжавшие с него тренировочные штаны с растянувшейся резинкой. - Давай сделаем клизму. И не надо никуда ехать...

- Господи, когда же ты уже будешь думать не только о себе и своем тво-о-рчестве (слово «творчество» жена произнесла врастяжку, закатив глаза к потолку и явно издеваясь), но и о ребенке? Ребенок мучается, а ему лень оторваться от своей писанины, на улицу выйти!

В. промолчал. Он разглядывал ярко-розовый рубец от подушки на правой щеке жены. Рубец представлял собою почти правильное латинское «V», ветвями терявшееся где-то в

густых черных волосах на виске. Словно какое-нибудь хозяйское тавро на боку коровы. Глаза жены спросонья были узкими, опухшими и злыми, вдобавок она щурила их от яркого света. «Почему у нее так дурно пахнет изо рта?» - подумал он. Почему В. именно так подумал в ту минуту, он и сам не знал. Почему он вообще думал об этом в то время, когда его должно было интересовать нечто совсем иное?.. Эта мысль проплыла по краю его сознания и эфирно улетучилась.

- О себе уж я не говорю! Хожу в какой-то рвани из «секонд-хэнда», туфли не сегодня-завтра совсем развалятся, а других нет! Полтора года нигде не была, людей совсем не вижу! А ему лень на улицу выйти позвонить!!

В. снова промолчал. Но эта его практика оказалась бесполезной.

- Посмотри, что у нас в ванной делается! - жена заводилась все больше. То ли усталость от недосыпания сказывалась, то ли еще что, но, похоже, близилась настоящая, полноценная истерика. - Обои отстают, на стенах какая-то плесень! Когда ты начнешь клеить эту чертову плитку? Все только обещаешь!

- Я работаю, - неохотно сказал В. - ты же прекрасно знаешь. У меня нет времени. Я тоже должен когда-нибудь отдыхать. И не кричи, люди спят.

- Людей ему жалко, а ребенок собственный пусть пропадает!

- Я работаю, - повторил В., - восемь часов в день. Не развлекаться туда хожу. Зарабатываю деньги, на которые мы живем. Это физически тяжело. А потом прихожу и начинаю помогать тебе. Варю кашу, мою посуду, стираю пеленки, выношу мусор, пылесосю... пылесошу... черт его дери! Этого вполне достаточно. Что ты еще от меня хочешь? Чего тебе надо?

- Мне ничего от тебя не надо! Я хочу, чтобы ты был отец, а не как попало! Ты думаешь, я тут бездельничаю, пока тебя нет? С ребенком сидеть труднее, чем на заводе работать! Ни одной минуты свободной, даже когда спит! Сам попробовал бы!

- Я делаю все, что нужно. Все, что могу. Между прочим, не многие из моих друзей так помогают женам. Вместо этого водочку попивают да по бабам шляются. Не ори, сейчас пойду и позвоню.

Девочка плакала все громче под аккомпанемент ссоры родителей. Наконец, и они были уже готовы орать в голос и плакать, но В. вовремя успел убежать из дома. Пробиваясь по темным ночным переулкам к знакомому телефону-автомату, он шептал сквозь зубы:

- О, Господи! Нет мне места, нет покоя...

«Скорая» явилась минут через двадцать. В темный двор врезались желтые фары, автомобиль медленно прополз вдоль подъездов, остановившись под окном, единственным освещенным окном во всем доме. Глухо хлопнули дверцы, из машины выбрались двое людей в белом. Они поглядели наверх. В. кивнул им из окна и призывно помахал рукою. Один из врачей что-то сказал другому, тот ответил коротко и зло, и оба они вошли в подъезд. Начинается, подумал В.

Почему-то с докторами их семейству не везло. Однажды, когда жена ходила еще на восьмом месяце, у нее случился сильный приступ аллергии. Приехали врачи - вчерашний студент и медсестра, втрое старше. Студент сразу взял быка за рога, а чего ж ему было стесняться, когда на него здесь надеялись и от него зависели? Он долго расспрашивал жену В. о том, что она ела и когда, перебивал ее ответы бесцеремонными вопросами и, не дослушав ответ, спрашивал о чем-то другом. Медсестра с лекарственным ящиком стояла наготове и время от времени с удовольствием поправляла ошибки юного коллеги. Причем, делала вид, что это ей неприятно, но такова уж, мол, ее обязанность.

В. сидел, смотрел, удивлялся потихоньку. Не выдержал лишь, когда жена упомянула о сроке - семь с половиной месяцев. Студент подпрыгнул с таким видом, будто его кровно оскорбили:

- А что, разве есть беременность?

- А у вас глаза есть, или нет? - спросил литератор. - Живот-то, вон он торчит. Могли бы и обратить внимание...

Кажется, и в этот раз будет не лучше, подумал он. Ну да ладно, прорвемся.

Он открыл дверь и ждал на площадке, когда люди в белых халатах поднимутся на их четвертый этаж.

- Вы знаете, молодой человек, вообще-то мы привыкли, что нас встречают на улице, - опасливо сказал ему старый и толстый доктор, обладатель густейших усов, которые сделали бы честь и настоящему моржу. Он добрался первым. Щеки доктора были сиреневыми от одышки. Он был слишком стар для такой работы. Но больше, видимо, работать было некому.

- Встречают у подъезда, а провожают только до дверей, - вставил второй, поднимаясь на площадку следом. Он был гораздо моложе. В. ничего не возразил ему, да и нечего было тут спорить.

- Извините, - сказал он. - Мы давно ждем. Я уже три раза выбегал, но это все была не ваша машина. Прошу, вот сюда.

- А-а...- сказал старый примирительно. И оглянулся на молодого - готов ли тот принять оправдания и извинения. Молодому, судя по его виду, было плевать и на извинения, и на эту безумную ночь, и на свою загубленную в самом начале блестящую карьеру. Он с холодной улыбкой покивал головой и ничего не сказал.

Старый, похоже, опасался молодого. И вообще страшился сделать что-нибудь не так. Сказывалась близость пенсии.

Он даже не прикоснулся к девочке, а лишь попросил раздеть ее и перевернуть на спину. Но как только мать попробовала это сделать, девочка начала кричать и залилась слезами. Доктор в ужасе отпрыгнул от ребенка.

- Ай-ай, это не очень хорошо. Не очень хорошо, - повторил он, укоризненно покачивая головой. - Пожалуй, нам с вами стоит проехать в больницу. Боюсь, не было бы заворота кишок.

Жена литератора в ужасе смотрела на старого моржа. Вдруг из ее глаз одновременно выскочили две ртутно-тяжелые слезы. Они упали на халат доктора, мгновенно впитались в ткань, и старик испуганно взглянул на оставшиеся пятнышки.

Стряхнув оцепенение, жена В. взялась за дело.

- Надо собираться, ехать, - решительно сказала она.

- Мы тогда подождем на улице, - сказал старый морж.

- Вы сможете потом доехать обратно? У нас нет машины, чтобы развозить всех по домам. На вызовы еле успеваем, - поведал молодой, без разрешения закуривая сигарету в прихожей.

- Да, конечно, - ответил В., мгновенно соображая, во что ему обойдется ночная поездка на «леваке» через весь город из детской больницы. - Доедем.

- Ждем вас, - сказал молодой, брезгливо оглядел висящую на вешалке одежду семейства В. и вышел, оставив вместо себя извивающийся иероглиф сигаретного дыма. В. еле сдержался, чтобы не догнать его и не вмазать как следует по физиономии.

- Ничего, ничего, - прошептал литератор. - В следующий раз...хотя, вообще-то, лучше бы не надо нам следующего раза...

Он пошел в комнату помогать жене собираться.

Минут через десять они спустились вниз. В. крепко прижимал к себе дочку, она в полусне положила голову ему на плечо. В. негромко цитировал историю про муху-цокотуху, жена тащила в руках сумку с вещами - одежда, еда, игрушки. Она с трудом уселась в машину, приняла на руки ребенка и крепко прижала к себе - так у девочки меньше болел живот. Кажется, дочка чувствовала себя уже лучше, это было заметно обоим родителям.

- Нынче Муха-Цокотуха - именинница! - сказал В. дочери и обратился к молодому доктору:

- Могу я поехать с вами?

- Спросите у водителя. Если он найдет вам место - отчего же нет?

- Найдем, найдем, - сказал водила, поспешно выбираясь из-за руля. Водила был низкорослый коренастый парень лет тридцати, с хорошим, простым лицом. Ст ранно, подумал литератор, такие лица обычно бывают у людей большого роста и силы, которым в жизни открыты все дороги и нечего бояться. А тут - маленький, а гляди-ка...

Водитель обошел свой пикап и открыл заднюю дверцу. Широким жестом предложил литератору устраиваться на носилках.

В. взглянул на носилки. Вернее, это был лежак для больных, которые не могли сидеть. Жесткое ложе страданий и терпения. Он засомневался.

- Сегодня много бомжей перевез? - спросил он водителя.

- Да ты что, офонарел? Мы - специализированная бригада, мы только на вызовы к детям ездим. Никаких бомжей, - парень рубанул воздух ладонью, отметая все сомнения. - Устраивайся, папаша, не бойся. Доставим по назначению!

- Может, не поедем? - спросил В. жену. - Смотри, сидит тихо, не плачет. Укача ем, выспится как следует... а утром и не вспомнит.

Жена тоже начала сомневаться. Приступ у дочки явно уже прошел. Конечно, хорошо бы выяснить, в чем была его причина, но ехать в больницу... все эти казенные радости...

- Нет, поедем! - решила она настоять на своем и поудобнее села в кресле.

В. вздохнул и, кряхтя, полез на носилки. Как бы деньги из карманов не выпали, подумал он, обшаривая свой пиджак и расправляя его, чтобы не слишком помялся. В одном из карманов болтался складной нож: В. прихватил его на вс який случай, ночь на дворе...

Водитель из-за руля повернул к нему улыбающееся круглое лицо.

- Ну, папаша, как самочувствие?

- Хорошо, что я здесь не по-настоящему, - сказал литератор.

Сначала он лег на спину, как все, ведь тут обычно лежат на спине. А пото м подумал - я же не больной! И перевернулся.

Лежать было жестко. А как они возят этих бедолаг, которым и без того -то плохо? В. вытянулся почти во всю длину автомобиля, вцепился руками в носилки.

- Все готовы? Едем, - сказал водитель, покрепче натягивая кеп ку.

В. смотрел вперед, во тьму, разрезаемую фарами. Он думал о медицинских работниках и о том, как ему все время с ними не везет. Взять хотя бы профосмотр, который недавно был у них на заводе. Ну там, терапевт, хирург, окулист... Все работяги бродили из кабинета в кабинет, В. очень скоро устал. А впереди был еще длинный список эскулапов.

Очередным врачом у него оказался лор. А может, ухогорлонос, точно неизвестно. Может быть. В. путал две медицинские специальности? Во всяком случае, раньше этот зверь назывался ухогорлоносом. Он сидел в своем маленьком кабинетике, словно хищный зверек в своей норе. Затаился и терпеливо ждал добычу. На столе у него были разложены садистски поблескивающие металлические инструменты - щипчики, лопаточки, зажимчики. Попахивало сп иртом.

- Садитесь, - нарочито тихо сказал ухогорлонос. Сразу видно - начал проверять слух. - На что жалуемся?

В. не понравилась его тихая активность.

- Я никогда ни на что не жалуюсь.

- Вот как? Рот откройте, пожалуйста. Высуньте язык.

Врач погрузил В. в горло плоскую ложечку, прижал язык книзу, заглянул куда -то глубоко внутрь. Что он там увидел, в темноте?

Слюнные железы литератора бурно среагировали на кисловатый привкус металла.

- У вас ангина часто бывает?

- Никогда не бывает.

- Вот как? У вас же хронический тонзиллит!

- Вот как?

- Миндалины воспалены, - пояснил врач. - При таком состоянии нужно иметь постоянно залеченные зубы.

В. кивнул. При чем здесь зубы? Тем более, они у него и так залечены.

- Сколько вам полных лет?

- Сегодня? Двадцать семь, - сказал В. для полной точности.

- А вчера что - было двадцать шесть? - скептически усмехнулся врач.

- Да, было.

- Надо же. Постойте... Вы сказали - двадцать семь? Но вы выглядите гораздо старше. Впрочем, возможно, это из-за выпадения волос...

Врач бегло глянул В. в уши, велел отойти в угол, прошептал себе под нос разные цифры. Но В. слышал нормально.

Исследовав нос, врач разочарованно поцокал, словно воробей. В., конечно, хорошего уже и не ждал, но зачем же так бесцеремонно-то?..

- Ну, что такое? - с вызовом спросил он.

- Вы боксом не занимаетесь?

- Нет, я занимался борьбой, - успокоенно сказал В. Всякому приятно производить впечатление человека, занимающегося боксом. - Давненько, правда, это было...

- У вас искривлена дыхательная перегородка. Наверное, вы ударились или упали неудачно.

Почему-то именно эта искривленная перегородка в носу окончательно добила В. Надо же, такая ерунда - и тут все не слава Богу! Никогда и никто не говорил ему ни про какую искривленную перегородку.

- Это, впрочем, может быть и от рождения, - успокоил садист в белом халате. - Это не так уж страшно.

Врач взял карту сверловщика В. и после видимых сомнений написал «Годен».

...Машина мчалась по ночному городу. Словно торпеда, В. в горизонтальном положении рассекал ночь со скоростью восемьдесят километров в час, держась руками за носилки, а ногами упираясь в стенку. На поворотах его швыряло из стороны в сторону, он до боли сжимал пальцы и с опаской поглядывал на своих. Жена удобно сидела с девочкой на коленях. Раньше на машинах девочке ездить не приходилось, и сейчас она смотрела на все с любопытством. Ее глаза широко раскрывались, если автомобиль слишком резко поворачивал. А когда ехали по прямой, почти спала. Старый доктор привычно дремал, удивленно задрав брови, а молодой продолжал строить из себя полуночного борца с болезнями и вселенским злом. Он покуривал, глядя на дорогу, иногда все с тем же брезгливым видом оглядывался на литератора, лежавшего на носилках и старающегося не съехать с них, не врезаться водителю в затылок.

- Что, ягодка, - наконец, не выдержал В., поймав один из таких взглядов, - нравлюсь?

Молодой снисходительно и устало растянул губы. Неадекватное поведение родителей было одной из тех неприятностей, молча сносить которые - его профессиональный долг. Потом спасибо скажут, руки будут целовать...

- Потуши сигарету, здесь ребенок, - зло сказал В.

- В натуре, Вадик, не дело делаешь, - поддержал литератора водитель. - Давай, бычкуй.

- Уже приехали, папаша, не волнуйтесь, - сказал молодой, отворачиваясь в сторону. Сделал вид, что собирается потушить сигарету, но дотянул до момента, когда машина остановилась возле больничного подъезда. Торопливо открыл дверцу и вывалился наружу. Вслед за ним выполз и старый доктор.

- Ну как, парень, не растрясло? - повернувшись, с улыбкой спросил водитель. - Я сегодня двоих рожениц возил, одну уже с младенцем. Чувствуешь себя новорожденным?

- Почти, - сказал В., массируя ногу. - Вот только жестковато. Как же они, бедные, ездят?

- Да я матрасик-то убрал, что ты, - счастливо засмеялся водила, - не под тебя же его подкладывать. Уж извини, для других берегу.

Жена передала В. девочку, аккуратно выбралась наружу, вновь приняла дочь на руки.

- Куда же нам теперь? - спросил В., недоуменно оглядываясь. Доктора покинули их, начиналась казенная забота.

- Прямо в этот подъезд, - сказал водила, - там посидите, подождите, придет специалист, Вадик его предупредит.

- Иди, - сказал В. жене. Та кивнула и вошла внутрь здания.

- Давай, что ли, покурим, - предложил водила, поправляя кепку. - Время еще есть. Вадик на тебя злой, торопиться не будет.

Он достал сигареты и протянул В. Тот впервые пожалел, что не пристрастился к куреву с детства.

- Слушай, с удовольствием бы покурил с тобой, - искренне сказал литератор, прижимая ладони к груди, - но вот не курю. Извини.

- Эх, зря, - посочувствовал ему водитель, - иногда хорошо бывает сигаретку потянуть. Расслабляет... Ну, нет так нет.

- Пойду я, а? - сказал ему В.

В другое время он с удовольствием бы поговорил с этим человеком, может, они стали бы и друзьями. Но сейчас некогда. Сейчас ему надо быть там, с женой и ребенком. Они в руках докторов.

- Ну, счастливо домой добраться, - пожелал водитель, поправив кепку, сел за руль и уехал. В., прыгая через три ступеньки, побежал вверх, к своим.

Широкий больничный коридор от дверей уверенно вел налево, а потом расползался в стороны, образуя холл, куда выходили двери нескольких кабинетов. Надписей на дверях не было, только номера. Везде стояли обтянутые багрово-синюшной кожей полумягкие скамьи. Жена сидела, устало сложив руки на коленях, и как-то жалобно взглянула на В., когда тот вошел с улицы. Казалось, что глаза у нее дрожат.

- Ничего, - сказал он и с трудом улыбнулся. - Сейчас посмотрят - и домой. Оставаться не будем. Она вон, смотри, совсем хорошо себя чувствует.

Действительно, их дочка и думать забыла про больной живот. Она с большим удовольствием расхаживала по широкому пространству, а иногда даже пробовала побежать, при этом с восторгом поглядывая на родителей. В. немного успокоился. Да, видимо, просто что-то съела, но вот приступ уже прошел. Дальше будет лучше. Ладно, посмотрим, что скажут эти самые врачи.

Он сел рядом с женой, прислонившись к прохладной стене, закрыл глаза. Хотелось спать. Вдруг он почувствовал руку жены на своем колене и даже вздрогнул от неожиданности. Повернулся к ней, взглядом спросил: что?

- Прости, - сказала она.

В. почувствовал, как глаза его мгновенно наполняются слезами и, чтобы сдержать их, плотно сомкнул веки. Все равно одна или две капли выкатились наружу. В. отвернулся.

- Все нормально, - сказал он.

В этот момент появился доктор. Это был мужчина лет сорока, высокий, худой, чернявый, с проглядывающей нежной лысиной и сплющенным утиным носом. Лицо у него было какое-то слишком большое, вогнутое, как расслабленная ладонь. Он приближался, размашисто переставляя прямые ноги, этакий циркуль, и надежно прятал руки в карманах. Полы белоснежного халата элегантно развевались (В. сразу предположил, что он шьет себе халаты на заказ). На длинной шее доктора было что-то вроде тройного подбородка, только очень мелкого - несколько узких складочек под нижней челюстью, вызывавших неприятные ассоциации с жабрами.

С высоты своего роста доктор мельком взглянул на девочку, увидел, что та робко улыбается. Более внимательно осмотрел родителей, отметил блестящие глаза мужчины,

голые коленки женщины. И молча направился в свой кабинет. Вслед за ним протянулся вязкий шлейф запаха дорогой туалетной воды.

В. с женой переглянулись.

- Скажите, это вы - доктор? - спросила жена спину, исчезающую за дверью.

Человек внезапно развернулся.

- Нет, я медсестра! - с веселой злостью выкрикнул он, шутовски поклонившись. И пропал за дверью. Впрочем, она осталась открытой.

- Интересно, среди них вообще есть нормальные люди? - спросил В. жену довольно громко - так, чтобы человек в кабинете слышал и знал: они тоже не пальцем деланы, на них где залезешь, там и скатишься. - До сих пор были одни уроды в белых халатах...

Минуты две длилась упорная тишина. Обе стороны обменивались молчанием. Наконец, человек из кабинета поинтересовался:

- И долго вы собираетесь там сидеть? А то я лучше спать сейчас пойду!

(Почему я должен любить людей, подумал он одновременно. Их же лечить надо, вот и все. Но я люблю всех людей, всех, подумал он твердо. А тех, кого нужно лечить - особенно. Где я мог видеть этого парня? Ведь где-то видел... Профессионально-цепкая память услужливо подсказала ему: да это же тот самый В., чьи рассказы недавно были в газете с телепрограммой! Очень похож на свою фотографию, только на самом деле моложе, просто ранняя лысина. Смотри-ка ты, доморощенный гений пожаловал! Сейчас начнет пальцами кидаться, требовать к себе особого отношения...).

Жена В, подхватила девочку и робко остановилась на пороге. В. встал за ее плечом с каменной маской на лице.

- Проходите, проходите, - жестом пригласил доктор.

Где-то я его уже видел, подумал литератор.

- Значит, все-таки это доктор, - произнес он, обращаясь к жене. - А я и вправду подумал - медсестра...

- А вы подождите в коридоре, - ласково сказал ему врач. - Ведь у вас-то ничего не болит?

- Я подожду, - сказал В, так, словно обещал неприятности. - Я подожду. - И уселся возле открытой двери, чтоб ему все было видно. Он не хотел упустить из виду ничего.

- Итак, что у вас случилось? Ребенок как будто бы выглядит неплохо, - заметил доктор, облокотившись на край стола и сцепив пальцы в замок. Голову он втянул в плечи, и жабры на шее проступили особенно резко. Лицо его стало профессионально-внимательным. Это можно было принять за участливость, и жена В. купилась на этот трюк. Но В., сидя возле дверей, видел все и знал, что сейчас последует нечто совсем другое. Он приготовился.

- Понимаете, - сказала жена, - у девочки очень живот разболелся, мы вызвали «скорую», а там доктор как следует не посмотрел и говорит: в больницу...

Девочка стояла, вжавшись спиной в материнские колени, и с опаской и смущением разглядывала незнакомого дядю. Лучше всего было бы убежать отсюда вместе с мамой и папой, но они почему-то не хотели бежать. Всесильный папа сидел за дверями, очень рассерженный, а мама почему-то боялась этого дядю, но покорно стояла перед ним и о чем-то рассказывала. А тот бесцеремонно перебивал ее.

- Сыр вроде бы был свежий... - говорила мама.

- Я не спрашиваю вас, свежий или несвежий был сыр. Просто перечислите мне все, чем кормили ребенка, - перебивал дядя.

- Ну, вот давали еще кашу овсяную, потом она съела небольшой кусочек сырокопченой колбасы, колбаса была свежая...

- Я не спрашиваю вас, свежая ли была колбаса. Что еще?

Жена В, осеклась, более внимательно посмотрела на доктора. До нее начало, наконец-то, доходить то, о чем уже давно знал ее муж. Это место - плохое. Этот человек - не тот.

Может быть, здесь им и помогут. Спасут жизнь, здоровье. Может быть. Но в качестве оплаты за это потребуют полного унижения.

- Еще она пила чай, яблочный сок часа два назад, сок тоже был. . свежий.

- Я еще раз повторяю, - сказал врач, - я не спрашиваю вас...

Он замолчал, потому что жена В. внезапно разревелась. Он стал терпеливо ждать, когда прекратится это безобразие и можно будет работать дальше. Но тут в кабинет тяжело вошел В. и направился прямиком к доктору.

Доктор, кажется, только этого и ждал. Он встал, выпрямился во весь рост, слегка отступил, готовясь к возможному отражению атаки, и даже руки немного приподнял, обозначив боксерскую стойку. В глазах его забегали веселые огоньки. В. подумал, что, скорее всего, доктор любит такие вот скандалы с родителями. Может быть, это приносит ему удовлетворение, позволяет продемонстрировать всемогущество и всезнание. Впрочем, решил В., все это ерунда, просто мое воображение разошлось некстати. Просто сегодня плохой день. Луна, биоритмы. Космические циклы. Трещины в земной коре. Инопланетяне, Несси, снежные люди. Йети...

- А вы не могли бы врачевать как-нибудь попроще? - спросил В. - Как-нибудь так, чтобы женщина не плакала?

Человек в снежно-белом, поняв, что драки пока не предвидится, опустился на стул.

- Вы, молодой человек, где получали медицинский диплом? - спросил он с неподдельным интересом. - И какого он был цвета? Вот у меня, например, - красного. Практикую уже не первый десяток лет. А каков ваш стаж? Полагаю, он должен быть весьма солидным, если уж вы решились выступить с критическими замечаниями о моей профессиональной деятельности.

«Связно излагает, сволочь, - подумал литератор с завистью. - Почему я так не умею? Эх, жаль, риторике теперь не обучают, а то записался бы на курсы». Впрочем, эта зависть не была слишком черной. Доктор хотя и складно изъяснялся, но говорил какими-то штампованными словесными болванками, в которых не было ни капли жизни. Он, видимо, еще и думал вдобавок, что это - чистый русский язык, и что только так вот и надо. Но В. сам всю жизнь учился ткать словесные тенета, он просто не мог делать это быстро. Остроумие у него напрочь отсутствовало, он брал терпением, подолгу высиживал мысль. Сарказм доктора пропал даром, ушел в землю, как случайно пролитый лимонад: пошипел немного, и только.

- Я, дяденька, академиев не заканчивал. У меня за спиной три класса церковно-приходской школы, - сказал литератор. И повернулся к жене: - Слушай, зачем мы сюда приехали? Мы думали, нам здесь помогут... Говорил же я... Ладно, идем ловить попутку. Придется самим лечить...

- Не придется, - жестко сказал врач. - Ребенку требуется помощь. Я вас никуда не отпущу, пока не буду знать, что девочка в безопасности.

- Это как же так вы нас не отпустите? - поинтересовался В. - Почему?

- Потому что я - хороший врач, - очень серьезно сказал тот. И начал ловко натягивать на руку резиновую перчатку.

- Будем смотреть.

В. смерил его тяжелым взглядом.

- Если доктор - лечи, - наконец, сказал он. - А нет - мы уходим.

И добавил, обращаясь к своим:

- Знаете что, девочки мои, давайте больше никогда не болеть.

- Давайте, - эхом повторила жена, утирая слезы.

- Подождите в коридоре, - сказал врач. - Вы будете только мешать сейчас.

В. молча вернулся на свое место. Оттуда он внимательно наблюдал, как врач смазывает указательный палец и, держа его строго вверх, словно шприц, боком подбирается к ребенку... Дальше В. отвернулся и мог лишь слышать, как девочка верещит от страха, как жена уговаривает ее потерпеть, как коротко, по-деловому, отдает приказания врач:

- Держите крепче... Крепче! Так, еще немного... Вот... Вот и все, а ты боялась!

«Гад, - подумал В. - Как таких в больнице держат, не гонят в шею? Острит, как последний алкаш».

Доктор со звонким щелчком содрал с руки резину и бросил в утилизатор, прошел к раковине, чтобы вымыть руки.

- Похоже, ничего страшного. Никакого заворота кишок тут, конечно, нет. Просто перекормили, желудок не воспринял... Обычные газы и колики от этого. Ерунда, завтра ничего не будет. Я напишу, чем нужно кормить... Кстати, грудью вы, конечно, уже не кормите? - врач взглянул на жену В. нейтрально, по-медицински.

- Нет, - сказала она и покраснела.

- Сейчас редко кто долго кормит... А жаль. Ведь грудь у вас развита прекрасно.

«Ты посмотри, что себе позволяет, сволочь! Хорошо еще, что не гинеколог!».

- Что же делать, раз нет молока? - оправдывалась жена литератора.

- Да-да, понятно... Ну, сейчас закатаем клизму и можете ехать домой, отдыхать.

Врач, сделав свое дело (остальным занялась появившаяся медсестра), сгорбился и устало облокотился на стол. От давешнего его возбуждения ничего не осталось. Так они и сидели - литератор и доктор (жена В. помогала сестре), и тягостно молчали. Каждому из них было что сказать друг другу, каждый считал себя правым в этом безмолвном поединке, и потому они не могли доказать друг другу ничего.

«Друг другу? - подумал В. - Или враг врагу?».

Доктору принесли чай и бутерброды; он, никого не стесняясь, извлек из кармана халата два вареных яйца, стал чистить их, сосредоточенно отвесив нижнюю губу. Кусочки скорлупы сухо звенели, падая на фарфоровую тарелку. Взболтанные чаинки лениво шевелились в стакане, как полудохлые мухи.

«На здоровье!» - подумал литератор и отвернулся. Он понял, что сам давно хочет есть.

Старый боязливый морж со «скорой помощи» подоспел вовремя и заполнил собой паузу.

- Борис Дмитриевич, здравствуйте, - сказал он, нешироко разводя руки для дружеских объятий. - Приятного аппетита! Как у вас нынче дела? Что с этой девочкой - уж не заворот ли?..

- Дела обыкновенны, - сказал доктор, мягко выпрастываясь из рук коллеги. - Заворота нет. Только вот клиент нынче какой-то нервный пошел, все норовит ругаться да учить, чуть не с кулаками лезет. А так нормально. Бутер не желаете?

- Ну конечно, ведь все прекрасно знают, как надо лечить людей! А доктора в этом ничего не смыслят, - ехидно подтвердил морж, искоса поглядывая на литератора. Взял бутерброд, поблагодарил коллегу кивком головы и, откусив порядочный кусок, продолжал говорить.

- Доктора, как всем известно - убийцы в белых халатах. А чуть где прихватило, к кому первому бегут? К священнику, что ли? Не-ет, бегут к убийцам!

В. молчал, выжидая, что будет дальше. Убийцы же повели одну из тех глубокомысленных бесед, которые время от времени должны вести люди, причисляющие себя к интеллектуальной элите общества. Тем более, что сейчас у них был зритель - бесплатный, бесправный и, похоже, на порядок менее образованный.

- Что делается, что делается, - стонал морж, - за такие гроши приходится всю ночь по вызовам ездить! В мои-то годы! Да где-нибудь в Америке за это платили бы стократ больше!..

- В ваши годы вы там имели бы частную практику, собственный хороший дом и юную жену, которая каждую ночь вам отрабатывала бы все, что вы на нее потратили, - заметил доктор, меланхолично улыбаясь.

- Ну где уж там - каждую ночь! - радостно засмеялся морж. - Мне хватило бы и одного раза в неделю... в две. Но для этого, во-первых, нужно жить там и, во-вторых, быть гением...

- Как раз гением быть и не нужно. Требуется простой профессионализм и терпение, - поморщился его собеседник. - Да какой смысл в гениях? Их мало, и толку от них тоже мало. Ну, один из ста тысяч, из миллиона... Разве его одного на всех хватит? А если эпидемия? А если надо всех лечить? При чем здесь гений? Он всем не поможет , даже горшки из-под всех вынести не сумеет. А вот обычные люди... те, кого так часто именуют серой массой, посредственностью... вот они-то со всем и справятся, решат любые проблемы, двинут человечество вперед. Гений - это бесстыдство, нечестная игра, способности даны ему с детства, от рождения, он не прикладывал усилий. Насколько же благороднее на этом фоне выглядит, к примеру, обычный человек среднего ума, потративший годы, десятилетия, испортивший глаза за учебниками, проливший тонны пота и съевший не один пуд соли, дошедший до всего сам!.. Я с гордостью могу сказать, что, хоть я и не гений, но хороший врач. Очень хороший! Многим помог. Многим еще помогу. В жизни главное - польза, которую ты принес людям. Вот высшее мерило всего. А гении... они ведь, по сути, украли то, что им не принадлежит.

- Да-а, - протянул морж несколько смущенно. Видимо, такой вспышки откровенности он не ждал и побаивался теперь, не последует ли за этим нормальной реакции отторжения. - Я вот тут как-то «Преступление и наказание» чи... перечитывал. Конечно, гениальная вещь. Да. И как там все ловко подогнано, один к одному... Читаешь - но думаешь про себя: как ты его ни оправдывай, какие теории ни воздвигай, а - все равно... Что написано топором, того не выправишь пером!

Морж победоносно глянул на В., который давно уже отвернулся и думал о своем.

«Ишь, засранец, - подумал В., отвечая на взгляд, - сочинил какой-то глупый каламбур и будет теперь десять лет щеголять им. Чего доброго, и за умного сойдет!».

- Достоевский верно говорит: если Бога нет, значит, все позволено, - продолжал доктор свой монолог, вроде бы и не заметив реплики старика, но в то же время учитывая ее. - Это - бесспорно. Бог является тем фундаментом, на котором человечество до сих пор смогло устоять от саморазрушения. Обычному человеку нужно иметь высшего, добрейшего судию, перед которым ты всегда виноват, у которого постоянно просишь прощения, с помощью которого постоянно очищаешься от греха... Предстанет перед Богом такой вот гений, и Бог спросит его: ну, что хорошего сделал ты в своей жизни, казнить мне тебя или миловать? А гений и скажет: вот, Господи, я написал несколько книжек, или картин, или музыку... «Но ведь этот талант дал тебе Я, - скажет Бог. - А что ты делал в то время, когда не пользовался талантом?» И выяснится, что все остальное время он вел так называемую богемную жизнь, то есть разрушал себя и все вокруг себя... Так во сколько же раз выше, значительнее тот человек, - тут доктор возвысил голос, - который сам, без Бога, сеет вокруг полезное, разумное, доброе и так далее. Вот тот сверхчеловек, мечта Ницше, вот следующее, более совершенное поколение людей! Бога у них нет, однако же для них отнюдь не все позволено. А почему нет Бога - это неважно. Может, Бог умер. Может, рядом просто не было хорошего врача... Ведь случается так, что уходят деды, бабки и прочие хранители нравственности, но младшие поколения не обязательно пускаются во все тяжкие... Не нужно приспосабливаться к этой жизни, вот что я вам скажу. Приспособить жизнь к себе, выправить ее - вот настоящая задача для достойного человека!

«Да я тебя, друг, в рассказ вставлю, - думал в это время В., мысленно посмеиваясь. Он уже совершенно успокоился. - Ты очень достоин, так и просишься на бумагу... или напрашиваешься на перо? Вот и будет главная польза в твоей жизни - станешь объектом литературы, сам того не зная. А не поднимай руку на классика, не трепли святое имя всуе!.. Ты делай свое дело, а я буду - свое! И станет польза нам обоим и всему человечеству».

В. мало интересовался мировыми проблемами. Раз в неделю он просматривал новости по телевизору, ковыряя спичкой в зубах после обеда. Всерьез волновали его лишь дела маленькой частицы мирового людского океана - его семьи. Потому что главными людьми в этом человечестве были его жена и дочь. А большое, общее Человечество представлялось ему в виде огромной, плохо организованной толпы. Что такое толпа, он хорошо знал, запомнил еще с детских лет, когда в пионерском лагере ему пришлось недели две отбиваться от стада бодрых идиотов. Почти каждый день тогда у него бывал разбит нос, и не успевал отцвести фингал под одним глазом, как загорался фонарь под другим. Осенью, когда он пошел во второй класс и сразу записался в секцию «самбо», в волосах его, к ужасу матери, проявилась настоящая седая прядь...

В. хотел, чтобы в его семье и в его душе все было в порядке. От этого, по его твердому убеждению, должно было стать лучше и всему человечеству.

«Я сейчас оскорблю доктора, - подумал литератор. - Очень сильно. Так, чтобы надолго запомнил. Только сделать это надо потоньше, пусть выглядит как похвала и признание заслуг».

В. встал и, прервав монолог доктора, проникновенно произнес:

- Да вы не переживайте так уж сильно и не обижайтесь на нас, глупых. Не стоит. Я думаю, что эту больницу рано или поздно назовут вашим именем. И табличку золотую повесят: «Здесь работал такой-то». Все будет нормально!

После этого он сел и принялся за чистку своих ногтей. Старик сделал вид, что поперхнулся куском бутерброда и старательно начал кашлять. Доктор только устало махнул рукой. У него больше уже не было сил. Каждая ночь приносила ему новые разочарования.

Явилась санитарка, делавшая клизму.

- Борис Дмитриевич, все готово. Будете смотреть?

Доктор наклонился к столу, оторвал зад от сиденья, медленно распрямился и, упрятав руки в карманы, неторопливо и осторожно, как слепой, двинулся на голос.

Старый морж убежал на очередной вызов, с опаской протиснувшись в дверь мимо литератора. В. оказался в полном одиночестве. Поле битвы осталось за ним. Он чувствовал некоторое удовлетворение, но вместе с тем - и все ту же злобу, которая не утихала в его душе. Впрочем, теперь ее, кажется, стало чуть-чуть меньше.

До него глухо доносился голос врача: «Вот видите, зеленое... Я же говорил... но ничего опасного...». Жена что-то радостно отвечала ему, тон ее голоса стал извиняющимся. Вскоре она, держа на руках зареванную девочку, быстро вышла из смотровой.

- Слава Богу! Ничего опасного!

В. кивнул. Да, слава Богу. Можно ехать.

Они принялись одевать девочку, которая прямо на глазах засыпала и то и дело валилась набок.

- Надо бы извиниться перед ним... много ты тут ему всего наговорил, - тихо сказала жена. - А он ведь помог! Хороший специалист.

- Лучше бы не помогал... ротан мелкожаберный, - холодно сказал В.

Но на самом деле он даже был благодарен судьбе, забросив шей его в эту больницу и столкнувшей именно с этими людьми. Потому что теперь он знал, кто станет героем его нового рассказа. Героем? Да, каждый из живущих на земле - герой, если осмеливается жить, и жить по-человечески. Каждый достоин того, чтобы ему поставили памятник, и он этот памятник увидел сегодня своими глазами. Вот этим и займемся вплотную, думал литератор. Будем увековечивать всех, кто под руку попадется... И себя тоже, без всякой пощады.

Девочка капризничала - ей мешали уснуть. Мать в ускоренном темпе одела ее, В. взял ребенка на руки. Девочка, положив голову отцу на плечо, моментально погрузилась в крепкий глубокий сон.

Семейство вышло на свободу. Там было прохладно, сквозь кроны деревьев где -то на востоке светилось нечто туманное и неясное. Литератор глубоко вздохнул, встряхнулся, глянул по сторонам.

- Машину вряд ли поймаем, в такое время никто не остановит. Пойдем к теще, - решил он. - Здесь пешком часа полтора. Ну, а если подберут, то - домой. Баиньки.

- Донесем ли? - с сомнением спросила жена. - Ведь тяжело! И сумки. И страшно ночью - то...

- Мы - и не донесем? - усмехнулся В., обняв свободной рукой жену за плечи. - Да я на карачках доползу!.. Не бойся, ничего не случится. До конца света еще целый миллиард лет. Пути Господни неисповедимы. А если кто пристанет, не дай Бог... - Он показал жене нож. - Пусть только попробуют!

- Убери подальше. Ну... вот теперь можно идти.

Путь предстоял неблизкий. Они голосовали редким проезжавшим легковушкам без особой надежды, понимая, что их странная троица выглядит подозрительно в три часа ночи на шоссе, которое с обеих сторон обступили густые кусты лесополосы. «Возможно, - думал В., - я тоже так поступил бы на месте водил. Обижаться нечего. Ладно, все это неважно. Главное - дочка не больна. Через час будем у тещи, выспимся, отдохнем...».

Машины с визгом проносились мимо, освещая их светом фар и снова погружая во тьму. Небо на востоке, правда, уже розовело.

Женщина с тяжелыми сумками чуть отстала и посмотрела сзади на своего мужа.

Он шагал прямо, суровый и счастливый, крепко прижимая к себе дочь. Дорога терялась во мгле. В. знал, что так они могут идти очень долго, у них хватит сил и терпения. Да, тяжело, но они преодолеют все преграды. Ведь беды и несчастья убегут прочь, завидев их дружную троицу. Семья благополучно доберется домой. В это ему очень хотелось верить.

Женщина подняла лицо к ночному небу. Звезды нежно задрожали, растеклись и сделались солеными на вкус.

- Ну, чего ты там? - спросил В., обернувшись. - Устала?

- Ничего, иду, - сказала жена, догоняя его.

Когда они уже перестали надеяться, их подобрали. Новенькая «семерка», бухающая аудиобасами, словно тяжелой артиллерией, а в ней парень -качок с симпатичной девушкой. Музыкальные залпы временно прекратились. Вам куда? Да нам, вообще -то в другую сторону, и далеко. Да садитесь, подбросим, что же вы будете ночью с ребенком... Спасибо, только нам, правда, в другую сторону. Садитесь, садитесь! К цирку? Да -а... действительно. Ну что ж, потеряем полчаса, не страшно. Ребята, да у нас и денег только полтинник. Хватит? Да какой там полтинник, ни к чему... Нет, так не пойдет, хотя бы пятьдесят мы сможем вам заплатить. Ну, ладно, раз вы так настаиваете. Как же вас угораздило в таком месте и в такое время?.. Мы в больницу ездили, это был какой -то ужас, эти доктора... Знаю, знаю, у меня у самого трое, младшему сегодня месяц исполнился... Поздравляем! Здорово! Молодцы - в наше-то время троих поднять.

- Да это не мои, - засмеялась девушка. - Я здесь ни при чем.

Я сразу понял, как только вас увидел, что вы из больницы. Неуже ли так плохо выглядим? А я, знаете, еле удержался, чтобы морду доктору не набить, есть там один такой... Иногда нужно не сдерживаться. Я вот вообще не хожу с детьми к докторам, жену посылаю, а то как бы чего не вышло. Не могу на это смотреть. Вот и я так б уду делать.

Все, ребята, вот здесь. Спасибо, выручили нас. Хорошие вы люди. Спасибо. Да ну что же, всякое бывает. До свидания. Счастливо добраться.

Девочка помахала рукой исчезающему за поворотом «жигуленку».

- Бибика усла! - очень серьезно сказала она.

Родители стояли по обеим сторонам от нее. Дождались, когда машина скроется, подхватили ребенка, сумку и из последних сил потащились к своему подъезду.

- Вот видишь, - сказал водитель своей спутнице, - пора тебе, девушка, замуж, хватит по клиентам ездить. Вон как на ребенка-то смотрела...

- Денег подзаработаю еще, - сказала она, - и выйду. А так, без денег, кто меня возьмет?

- Всех денег не заработаешь, - сказал водитель, - возьмут, у тебя ведь все на «пять» - и личико, и фигурка. Да я сам бы взял, если бы не семья...

- Ну, ты еще про любовь мне сейчас заговори! Гляди лучше на дорогу да поторапливайся, и так опаздываем. А то отменят заказ...

- Да нет, какая любовь, - сказал водитель. - Просто все должно быть по-человечески, я правильно говорю?

- Правильно, правильно.

- А что это ты там пишешь?

- Да вот, мне интересная строчка в голову пришла, пока я на этих ребят смотрела.

- Какая строчка? - спросил водитель.

- Ну, стихи.

- А, я и забыл, ты же у нас поэтесса. Ну-ка, прочитай!

- Напишу стихотворение целиком, тогда и прочитаю, а пока нельзя - а то не сбудется, - сказала девушка.

- Слушай, а ты настоящие стихи пишешь, или так - любовь-морковь?

- Ну, не знаю... я зимой послала несколько штук в Москву, в Литературный институт, на конкурс. Теперь приглашают поступать, говорят - очень оригинально.

- Так езжай, поступай!

- Может, и поеду - если шеф отпустит.

- Да ты ему уже столько заработала! Есть у него совесть, в конце-то концов? Хочешь, я с ним поговорю? Не век же тебе по клиентам ездить...

В. проснулся часов в девять утра (хотя думал, что не встанет раньше полудня - была суббота, можно расслабиться). Его девочки, большая и маленькая, сладко посапывали рядом, обе с одинаково приоткрытыми ртами. Он осторожно перелез через них, босиком прошлепал на кухню, налил холодной воды в бокал и, сначала жадно, а потом уже смакуя каждый глоток, напился.

Небо за окном было чистое и синее, и на фоне этого неба, весь облитый солнечным воздухом, купался в утренней прохладе клен, расправивший свои ветви и расчесавший листья. Клен был гордый и улыбающийся, абсолютно неподвижный, как памятник самому себе. Золотым метеором в солнечном свете мелькнула тяжелая муха.

Быть кленом, подумал литератор. Стоять вот так, подряд много лет на одном месте. Знать все вокруг до последней пылинки. Давать тень. Предупреждать об опасности. Наводить скуку осенними заломленными ветвями. Радовать глаз свежей резной листвой...

Не отрывая глаз от чудесного видения, он нащупал лежавшую на холодильнике старенькую губную гармонику - трофейное дедово наследство. Вздохнул поглубже, поднес ее ко рту... очень-очень тихо, так, чтобы девчонки не проснулись, извлек несколько победных нот - и рассмеялся. Так, так. Хорошо. Но, наверное, октавой выше. А ну... Да, вот так совсем прекрасно.

Пора браться за дело. Итак, «Хозяин утра»? Почему-то сегодня у него не было сомнений в том, сможет ли он дописать до конца свой рассказ. Должен, и все.

Компьютер привычно зажужжал, экран осветился. На нем появился вчерашний текст. Первую заготовленную фразу В. отщелкал мгновенно. Потом немного задумался.

Постепенно в его мыслях устанавливался некий порядок, гармония. У него рождалось ощущение, что все идет правильно. Не бестолково, как могло показаться вначале, а по единому для всех грандиозному плану, который обязательно будет выполнен. И тогда станет хорошо. В конце-концов, непременно все будет хорошо, а иначе - зачем?..

Заветная мечта доктора сбылась, хотя об этом еще не знал ни он сам, ни уж, тем более, В.

Иван Овсянников

И Ницше, и невроз, и греза рая

БРАТСТВО

Снулый парк близ прогимназии,
Вьются в танце мотыльки.
Сонный ветер Евроазии
Наши переплел цветки.

Мотыльки, бояре ль мертвые?
Полька, менуэт...
Нашептали губы чортовы,
Что святого нет.
Грезы, первое объятие
Отдаю тебе.
Наше право и проклятие
Обретем в борьбе!
Карабином, Марсельсезою,
Скорбью неземной
Цепи разобьет железные
Мальчик Антиной.
Но коль станешь, брат, иудою,
Долго не скорбя,
О любви твоей забуду я
И убью тебя.

Иван Александрович Овсянников родился в 1982 году в Ярославле в семье реста вратора древнерусского искусства. Студент 5 курса исторического факультета Ярославского педагогического университета имени К.Ушинского. Анархист, участник анархо -коммунистического движения «Автономное действие», участник и организатор леворадикальных шеств ий, митингов, концертов, арт-провокаций и других общественных акций. Редактор и издатель ярославских «самиздатовских» газет «Новый горизонт», «Красное и черное», «Тротиловый эквивалент» и др. В настоящее время издает газету «Ультиматум».

Публиковал стихи в коллективных сборниках. Номинант литературного конкурса имени В. Бурича 2000 года.

Живет в Ярославле.

© Иван Овсянников, 2003.

ЛЕВИНСОН, КИБАЛЬЧИЧ

Левинсон, Кибальчич -
Ой ладушки, ладо!
На поляне мальчик
Собирает стадо.

Весело стрекает,
Щурится пригоже.
Струйкою стекает
Пот по смуглой коже.

Волосы-пшеница -
Непослушной гривой.
Паренек глядится
В озеро игриво.

- Слышишь меня, мальчик,
Сын крестьянской хаты? -
Под осиной плачет
Каторжник косматый.

Не с большой дороги,
А с дороги дальней...
Зло терзает ноги
След цепи кандальной.

- Ты не бойся, милый,
Беглого еврея,
Он потратил силы,
Чтоб жилось вольнее,

Чтоб сбылися грезы
Черного народа.
Он терпел морозы,
Он сносил невзгоды.

Шел не в Берн, не в Лондон
Сквозь родное поле.
Не жил он свободно,
Не увидел воли...

И ответил мальчик
Радостно и смело:
- Брат, я вижу дальше!
Бунтовское дело

Не погибнет в яме,
Не погрязнет в тине!
И припал губами
К каторжной щетине.

БАКУНИН

Давно ль в заброшенном овине,
Глотая русский Абсолют,
О Гарибальди и Маццини
Скорбел чернорабочий люд?

Давно ли Стенька с Пугачевым,
Желая разгрузить ладью
И помолясь соленым словом,
Бросали в реку попадью?

Уже колосья яровые
Взошли над нивою моей.
Кидайте бомбы шаровые
В физиономии царей!

Вперед, сермяжный карбонарий!
Яви калмыцкий свой прищур,
Готовя полицейской твари
Удавку и бикфордов шнур!

Повяли нивы, рощи голы,
Снедаема кручиной грудь.
Где святорусские монголы?
Притихла мурома и чудь.

Опала сень святого древа
И мне листвы его не жаль.
Остались: ночь, кантон Женева,
Свобода, старость и печаль.

* * *

Да, бездуховна красота!
Но мне милее
Не суета и духота,
А Лорелея.
Не куча сора и говна
Ерусалима,
А ты, роскошная весна
ЭлладоРима.
О, вечность пасмурная!..Зло
Сыреют ноги.
Тащиться к храму западло -
Свернем с дороги!
Другие сыщутся края.
Бежим смелее
Туда, где воли до фига,
О Лорелея!

ЖЕНЩИНА И ГЕЙ

В кафе, под сенью тополей,
Чей запылен убор,
Болтали жещина и гей -
Друзья с давнишних пор.

Сказала женщина: - С тоски
Я чахну как раба!
Стирать любимому носки -
Вот женская судьба.

Домохозяйки всей страны,
Чернорабочий люд,
Зарплаты требовать должны
За свой домашний труд.

Патриархальные черты
Видны то здесь, то там -
Нужны им женщины-цветы,
Покорные скотам.

Мужчина на работе - раб,
А дома он - сатрап.
Так делает из женщин баб
Безжалостный Приап...

Ответил гей, допив стакан:
- Наверно, ты права.
В загнившем мире пол - тиран,
Культура такова.

Но мне приятно отдавать
Себя в чудесный плен -
Рубашки пестрые стирать,
Держать над другом фен,

Лечить, когда его побьют
И стряпать у плиты...
Для нас важней всего уют,
Не право, но мечты.

В кафе, под сенью тополей,
Чьи ветви как рога,
Расстались женщина и гей,
Но лишь до четверга.

PARTY БОМЖЕЙ

В Геронтославле осень,
Фекальная пора.
Опять Евгений Осин
Несется со двора.

Давно заснул в овраге
Угрюмый пешеход.
А во дворе бродяги
Затеяли фокстрот.

Одетые в дерюги,
Глотая самогон,
Они танцуют буги
И супер-вальс-бостон.

Нарядная бомжиха
Цепляет жениха.
Она хлебнула лиха
И требует греха.

Жених ее, Иосиф -
Бывалый зимогор.
Бежит, бутылку бросив,
С невестой под забор.

Измазаны в блевоте
Последние портки.
Заходятся в фокстроте
Бухие старики.

И в сладком алко-дриме
Среди ночных кулис
Меж ними в жутком гриме
Танцует Дионис.

ПЛЯСКА КРЕСТЬЯН

И Ницше, и невроз, и греза рая -
Мистический изъян,
Вертинский, маньеризм - все гибнет, отступая
Пред пляскою крестьян.
Обжорство, суицид, табак и кола,
Тлетворная жара
Бегут во ад. Селяне водят коло
Босые, вкруг костра.
Манхэттен, Рим, одряхла ваша раса,
Тосклив уют!
Они ж обсидианом рубят мясо
И сбитень пьют.

И шар шатают пляской деревенской,
Тела - как медь.
...Но их огню ладони декадентской
Увы, не отогреть.

Валерий Есенков

Жребий

Главы из жизнеописания
«Иоанн царь Московский Грозный»

ПРОЛОМ СТЕНЫ

«И пришел царь и великий князь на Свиягу, и взъехал на Круглу гору, и с ним мало от вои его 30, и рассмотря величество горы тоя, и человеколюбивый Бог виде благоутроби е его, и веру велию, и подвиг православные ради веры, вложи в сердце его свет Благоразумия, по благодати Божией на той бы ему горе поставити город казанского для дела и тесноту бы учинить казанской земле».

Свежими, молодыми глазами он видит не только далек о открытую холмистую местность, прилегающую ко все еще неприступной Казани, и эту, прежде никем из его воевод не примеченную Круглую гору. Свежими, не приобыкшими к такому нелепому зрелищу, молодыми глазами, наконец, видит он боевые действия своих плохо вооруженных, необученных войск. Вся разом, без расчета и плана, дико вопя, бросается конница на штурм укрепленного города, обнесенного хоть деревянными, да высокими и прочными стенами, не соблюдая никакого военного строя, не придерживаясь ни десятков, ни сотен, ни какого-либо иного порядка, все скопом и каждый сам по себе, врезаются в ряды таких же конных татар, перемещаются, перемешиваются, взмахивают топорами и кистенями и скорее продавливают татар своей массой, чем одолевают искусством и блеском оружия. А его воеводы, которые с такой диковинной яростью предъявляют свои потомственные права на вожденье полков? Воеводы никого никуда не ведут, не управляют ничем, в превратностях битвы не отдают никаких приказаний, не группируют и не перегруппировывают по мере н адобности вверенной им кавалерии. Воеводы скачут впереди этой необузданной массы и бьются с врагом как обыкновенные воины,

---

Валерий Николаевич Есенков родился в 1935 году в Ярославле, в семье военнослужащего, впоследствии участника Великой Отечественной в ойны. В 1958 году окончил историко-филологический факультет Ярославского пединститута, работал учителем, журналистом, в 1988 году вышел на пенсию по выслуге лет, полностью посвятив себя литературе. Его первую столичную публикацию предварил вступительным сл овом известный первооткрыватель талантов, критик и литературовед Вадим Кожинов.

В 1983 году журнал «Новый мир» опубликовал несправедливую, заушательскую статью критика и «литначальника» Феликса Кузнецова о повести В. Есенкова «Совесть», что значительно зат ормозило публикацию новых произведений молодого прозаика. Однако в 1980-х годах книги В. Есенкова продолжали выходить в свет.

Прозу ярославца публикуют столичные издательства «Современник», «Классика плюс», «Армада», главы из повести о Грибоедове напечата л журнал «Грани». Московское издательство «Астрель» до конца 2003 года планирует выпустить в свет жизнеописание «Кромвель».

До сих пор не опубликованы повести Валерия Есенкова о Белинском, Льве Толстом, Гоголе, Гончарове, Генрихе VIII и Томасе Море, Фри дрихе Великом, в работе находятся произведения о Петре Первом, графе Панине, Потемкине, Милюкове, Витте, Пушкине, Свифте...

Автор живет в Ярославле. В писательских союзах и общественных организациях не состоит.

© Валерий Есенков, 2003.

не оказывая ясной мыслью вождя никакого влияния на исход столкновения, так же мало ответственные за поражение, как за победу, если бы каким-нибудь чудом победу довелось одержать. Он видит перед собой не армию, а беспорядочную толпу кое-как вооруженных людей, и для него остается решительно непонятным, как эта стихийно бегущая, беспорядочная толпа может ворваться в пределы укрепленного города, кроме как на плечах опрокинутого врага, не выказывающего желания опрокидываться, разве что взобраться на стены верхом на конях?

Поразительно, как этот начитанный юноша, выучивший почти наизусть не одни жития святых и подвижников веры, но и обширные летописные своды, в затруднительных случаях всегда оборачивается назад, вглядывается и вдумывается в седые глубины истории, однако ищет там и находит не одну только измозоленную традицию, отчину и дедину, как щепетильные его воеводы, в гневе обиды друг у дружки дерущие бороды из-за мест, но большей частью обращает внимание на деяния редкие, необычные, нарушающие традицию, утучненные пока еще никем не разгаданным, но уже вызревающим зерном благодетельной новизны.

Так и на этот раз ему на ум приходит драматическая история Стародуба. Было так, что лет пятнадцать назад к порубежной крепости подступили алчущие литовцы коронного гетмана Радзивила, с наемными пехотинцами, с пищальниками и пушкарями, обложили со всех сторон, днем и ночью били из пушек по стенам, прикрываясь деревянными турами, шаг за шагом приблизились к стенам, так что пули и стрелы залетали прямо в бойницы, но гарнизон, которым командовал Федор Овчина-Телепнев-Оболенский, отбивал все атаки, несмотря на большие потери. Тогда изловчились литовцы, подвели под стены подкоп, траншеи наполнили бочками с порохом, взорвали и внезапно ворвались в пролом. Тогда многие были побиты, говорили, что до тринадцати тысяч, многие достались в полон, с ними сам воевода Федор Овчина-Телепнев-Оболенский, так в полоне и сгинул.

Немного времени утекло с той черной поры, необыкновенный штурм Стародуба должен бы крепко засесть в памяти воевод, а вот ни один из них не поразмыслил на домашнем досуге ни об турах, ни об подкопах под стены, из чего следует, что с этими тугоумными воеводами, с этими как песок на ветру рассыпающимися полками ему Казани не взять, а одна ли у него на примете Казань? Иные воеводы, иные полки на такие победы нужны. Не у Бельского, не у Горбатого, не у Серебряных-Оболенских - у коронного гетмана Радзивила придется учиться брать города.

Учиться он рад, всегда, во всем и у всех. Поразительно, не как в прошлый раз, он въезжает в Москву со светлым, даже с веселым лицом, с ощущением непременной победы, готовый к новым, пусть тяжким, но не бесплодным трудам.

Москва нежданно-негаданно поддерживает его окрепшую веру в себя стихийным, смутным брожением. Вторая подряд неудача в отродясь неслыханном, нас тупательном столкновении с вековечным врагом, не дающим покоя, вызывает догадки и толки. Знаменательно, что в неудачах никто не винит молодого царя и великого князя, точно в его неожиданных действиях всем чуется струя новизны. Торговые люди, мастеровые, простые посадские жители, натерпевшиеся от своеволия без пригляда очумевших князей и бояр, во всех бедах одного и другого похода винят старейшего воеводу Дмитрия Бельского, в самом деле мягкотелого, ординарного, не способного ни на что, ни на доброе, ни на злое, причем кто шепотом, а кто и погромче, толкуют между собой (может быть, припоминая о черных деяниях другого из Бельских, Семена) о несомненном предательстве, уверяют, будто в своих кровавых набегах лихие казанцы неизменно щадят богатейшие вотчины наибольшего воеводы (понятно, что платят за малодушие или измену). Чего доброго, повсеместные толки вот-вот раскалятся до возмущения, если не до нового бунта, в кипенье которого виновного разорвут на куски, а следом за ним все семейство, родню и его служилых людей, да Бельский кстати отправляется в иной мир своим чередом, от вполне преклонной старости лет, не выжав ни из кого огорчения, зато

породив новые ожесточенные битвы, с ущербом для волос и бород, за лестное право первенствовать в Думе.

Кажется, Иоанна мало заботят и смерть наипервейшего воеводы, и скоморошьи баталии среди знатнейших бояр. Его мысли сосредоточены на Казани. План действий намечается сам собой, из неотвязных размышлений о язвительной, нестерпимой для чести неудаче второго похода. Мало позора, мало болезненно оскорбленного самолюбия, победа нужна позарез, в третий раз немыслимо возвращаться с пустыми руками, с бесплодной потерей пушек и ратных людей, народ засмеет, подручные князья и бояре без соли сожрут. Печальный исход Иоанну отлично известен, а чтобы венец верной победы добыть, надо взять наконец проклятый оплот татарских набегов, хоть измором, по стопам Радзивила, если штурмом нельзя, лишь бы унять разбойников навсегда.

Стало быть, что же необходимо, чтобы одержать окончательный верх над осточертевшими русским татарами? Необходимо много крупнокалиберных пушек, много тяжелых ядер, много пороха для беспрестанной, усердной пальбы, еще больше пороха, который на этот раз десятипудовыми бочками загонят в подкоп и взорвут, то есть снова и снова деньги нужны, а пуще всего подручных князей и бояр необходимо унять, остановить эти вредоносные свалки за места воевод, где прямой силой, где властным криком взять себе право ставить на полки кого поумней, а не у кого борода подлинней.

Он призывает Адашева, требует полный отчет, наказывает разыскивать с новым усердием и отбирать без пощады прежние грамоты, лишать привилегий монастыри, никому и ни под каким видом не подтверждать освобождение от главных податей, которые берутся с земли, основного богатства казны, вновь выдавать лишь полетные грамоты, уставные и льготные, за верность, за службу давать. Он учреждает царские кабаки, запретив частным лицам торговлю горячительными напитками, чтобы единственно одного царя и великого князя обогащало исконное русское безобразие, однако вволю пить разрешает лишь на Святой неделе и в Рождество, а в прочие дни велит отправлять окончательно пьяных в темницы.

Затем в другой раз призывает на помощь митрополита, как в начале второго похода призывал во Владимир, понемногу обращая митрополита в свою правую руку, и приступает к подручным князьям и боярам, вместо топора палача приставляя к горлу христианское наставление владыки. Он требует полного и безоговорочного упразднения проклятого местничества, чтобы впредь и не пахло этим гнусным дурманом на Русской земле, верно, не сознавая, что поднимает руку на самый корень русского понимания жизни, где свой своему поневоле брат, от века доныне и на все времена.

Дружно, всем скопом, один к одному, подручные князья и бояре встают на дыбы. И как им не стать на дыбы, когда кровное отнимают у них, все, что имеется за довольно скудной душой, единственное надежное, неделимое право на почтенное положенье и власть, без которого все они не больше, чем нуль, если не меньше нуля. Не могут они кровного добровольно отдать, хоть режь на куски, не может какой-нибудь стариннейший князь, от Рюрикова или Мономахова семени, стоять под каким-нибудь Алешкой Адашевым, и без того они терпят, что ему даден Казенный приказ.

В том-то и дело, что эта история давняя, всеми корнями в родимую землю ушла. Русские князья, а с ними дружина, из которой стали бояре, шесть столетий беспечно бродили по обширным просторам Русской земли, где миром, где силой оружия, где зовом собравшихся на вече посадских людей переменяя княжение, то основываяясь на праве родства и наследования, то с легким сердцем нарушая эти права, нигде не вкореняясь в русскую землю, никакими прочными узами не связанные с городами и весями, кроме обязанности, принятой добровольно (и, по обычаю, временной) их защищать, а вместе с этой обязанностью и приятного права взимать с защищаемых посильную (подчас и непосильную) дань мехами, хлебом и пленными, смотря по размерам своего аппетита. Следом за князьями шесть столетий подряд неприкаянно слоняется и дружина, постепенно возвышаясь до положения ближних бояр, и точно так же нигде не

задерживается, не вкореняется в мимо нее идущую русскую жизнь, ни душой, ни сколько-нибудь созидательным делом не прикипая к городам и селениям, куда ни занесет переменчивая судьба беззаботного князя, к которому нанялась за харчи да за долю в собираемых данях. Харчи и дани взимаются дружиной самостоятельно, в форме кормления с городов и селений, которые князь распределяет между самыми ближними тем же порядком древности рода и старшинства, как сам пересаживается с одного стола на другой и, как князь взимает с княжения дань мехами, хлебом и пленными, так и боярин, определенный в наместники и волостели, взимает свою долю натурой с посадских людей и селян, обыкновенно определенную стародавним обычаем, а при случае ровно столько, сколько рука, держащая меч, заберет. Воровская, антинародная власть, недаром и говорят на Руси, что князья да бояре - бессовестные грабители, похуже татар.

С течением времени, не довольствуясь данями, каждый князь, каждый боярин превращается в землевладельца, объявляя своей собственностью целые волости, по праву все того же меча, заселяет свои вотчины обязанными трудиться холопами, то есть рабами, русскими пленными, которых хватают во множестве во время беспрестанных набегов и грабежей, и обильно кормится с вотчины, которая поставляет задаром и хлеб, и мясо, и мед. Этот насущный доход дополняется платой с земли, отдаваемой в аренду любому крестьянину, который тоже свободно, гонимый единственно своей доброй волей, бродит по слабо заселенным пространствам беспредельной Русской земли, то спасаясь от разорения, грозящего от набега поганых (или собственных, православных князей), то в поисках лучшего места, вечной русской мечты, составив на этот счет присловье о том, что человек ищет, где лучше, а рыба, где глубже, то просто так, в силу неодолимой привычки, сложившейся веками скитаний и переселений на новые земли. Разумеется, ненасытные князья и бояре при каждом удобном случае возвышают арендную плату, однако в ответ на это понятное следствие вотчинной жадности лукавый оратай снимается с места, которое так и не успел насидеть, и отправляется в путь, с топором и котомкой, как щит используя против произвола владельца благодатную бескрайность русских равнин, так что необдуманной жадности всегда находится неодолимый предел.

Еще горше поруха - многим раденьем московских, сперва удельных, позднее великих, князей, миролюбивых стяжателей, накопителей, рачительных собирателей земель и богатств, окончилось золотое время междоусобий, когда, бесстрашно отринув еще вчера истово данное крестное целование, можно было вдосталь пограбить ротозея-соседа, обратить в пепел его селения, храмы, монастыри, не щадя православных святынь. А нынче беда, поди на татар, единственную жизнь клади за почитаемого да все внеземного Христа. За что подручным князьям и боярам, и с этой стороны учуявшим неодолимый предел, любить своего государя?

Один остается источник бесконтрольного обогащения - имя, в котором редко слышится что-нибудь от земельных владений, усадеб и сел, как слышится в имени европейского дворянина, зато заключена вся родня, во все стороны и сверху вниз, какой-нибудь Иван, сын Федоров, Овчина-Телепнев-Оболенский, от пяти десятков до ста человек, все крепко стиснуты в костистый кулак, за родню радеют толпой, по отцу и сыну честь, коли отец при царе горохе ходил воеводой большого полка или сидел наместником в Новгороде, так и сыну, и внуку, и правнуку ходить и сидеть, родись хоть дурак дураком, уступать ни под каким видом нельзя, не то другие семейства толпой налетят, ототрут, затолкают в какие-нибудь волостели, хорошо под Москвой, а то в Вятке, в Перми, где оратаи до того редко живут, что ни аренд, ни даней не с кого драть, а без аренд и даней разве житье?

И вдруг Иоанн, провалив два похода в Казань, затевая туда же третий поход, посягает на семивековую систему насыщения с подвластных земель и с руководящих постов. Понятно, что подручные князья и бояре стоят как стена. Сметливый Иоанн на неумолимых приверженцев родства и свойства выпускает митрополита Макария. Подручные князья и бояре - стеной. У Иоанна, горячего, нетерпеливого, нетерпимого, чешутся руки снести с плеч долой пару-другую самых пустых, самых упрямых голов, а

нельзя, перед святителями и людом московским покаялся, помнит слово, данное на кресте - с плеч голов не снимать, только грозит, сулит монастырь и опалы. Подручные князья и бояре - стеной. В сущности, все княжеские и боярские головы необходимо снести, чтобы истощилась семивековая привычка места занимать кумовством да родством, и по сей день эта бессмертная привычка жива.

Все-таки уговариваются. Подручные князья и бояре готовы кое -что уступить, лишь бы главнейшее осталось за ними. Появляются два указа за печатью и подписью Иоанна. В первом он уступает подручным князьям и боярам исконное право занимать места по родству, однако только в мирное время, и выговаривает себе верховное право отменять это бездарное право на время войны:

«Лета 7058 приговорил царь государь с митрополитом и со всеми бояры в полках быти княжатам и детям боярским с воеводами без мест, ходити на всякие дела со всеми воеводы, для вмещения людем, и в том отечеству их нет унижения, которые впредь будут в боярех или в воеводах, и они щитаются в отечестве».

Зато вторым указом он выговаривает себе верховное право в военное время самому лично, своим разумением и произволом назначать воевод не по расчету мест и родства, а как польза военного дела велит:

«А воеводам в полках быти, большой полк, да права рука, да лева рука по местам, а передовой да сторожевой полки меньше одного в большом полку воеводы, а до правой и левой руки и до другого в большом полку дела нет, а с теми без мест, кто с кем в одном полку послан, тот того и меньше, а воевод государь прибирает, рассуждая их отечество, и кто кому дородился, и кто может ратный обычай содержати ».

Тут же он заходит на подручных князей и бояр с другой стороны. Сплоченные жаждой воровского обогащения, они в едином строю отбивают у него корыстное право в мирное время считаться местами, как искони повелось, то есть прежде всего считаться местами при назначении на выгодные должности наместников и волостелей, на которых им простор дорогой брать, сколько взял, - он с решимостью жесткой, непримиримой урезывает права самих наместников и волостелей, втесняет эти прежде расплывчатые права в определенные рамки закона, причем за пренебрежение начертанными им рамками грозится суровыми карами, чего не слыхано отродясь, при самом дедушке, Иване Васильевиче, грозном правителе, после Ярославовой Правды, чуть не пятьсот лет спустя, издавшем первый Судебник, не было и помину о карах наместникам и волостелям, брали, сколько могли, обычай такой, а он что?

Подручные князья и бояре волнуются, почуя серьезный ущерб своей калите, а тут Алешка Адашев, выскочка, неизвестного племени, исправно исполняет его указание и представляет новый Судебник, изготовленный под руководством и наблюдением самого Иоанна, не куда-нибудь, а в Казенный приказ. С лобного места Иоанн уговаривал посланных от городов и селений: «Оставьте ненависть и вражду, соединимся все любовию христианской», и обещал громогласно: «Отныне я ваш судия и защитник». В самом деле, отныне всякому боярину, окольничему, дворецкому, казначею, дьяку, наместнику, волостелю, тиуну и любому прочему судие несладко придется, если возьмет себе в голову не по правде судить, ибо уже третья статья определяет не сулящие вольготной жизни последствия:

«А который боярин, или околничий, или дворецкий, или казначей, или диак в суде посул возьмет и обвинит кого не по суду, а обыщется то в правду: и на том боярине, или на околничем, или на дворецком, или на казначее, или на диаке взяти исцев иск, а пошлины на царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток, и пожелезное взяти втрое, а в пене что государь укажет», в общем, кучу денег придется в казну отвалить за нерасчетливо взятый посул.

Еще более строгие меры применяются к тем ответственным лицам, которых царь - государь пошлет разбирать самые серьезные дела, то есть дела о татьбе и разбое:

«А пошлю которого неделщика имати татей и разбойников, и ему имати татей и разбойников безхитростно, а не норовити ему никому; а изымав ему татя или разбойника не отпустити, ни посулов ни взяти; а опричных ему людей не имати. А поноровит который неделщик татю или разбойнику по посулам, а его отпустит и уличат его в том; ино на том неделщике истцов иск доправити, а его казнити торговою казнию да вкинуть в тюрьму, а в казни, что государь укажет».

Однако Иоанн уже довольно знает изворотливый норов подручных князей и бояр, знает отлично по опыту, что закон подручным не писан и что на и х совесть положиться ни на полушку нельзя, и потому он догадывается поставить их под контроль выборных от земли, от городов и селений, чтобы выборные от земли неподкупленным оком наблюдали правосудие наместников и волостелей и о всяком неправосудии били ца рю-государю челом. Об этом в Судебнике тоже статья:

«А бояром и детем боярским сидити, за которыми кормления с судом с боярским, а на суде у них и у их тиунов быти, где дворской дворскому, да старосте и лучшим людем, целовальником. А судные дела у наместни ков и у их тиунов писати земским диаком; а дворскому да старосте и целовальником к тем судным делом руки свои прикладывать. А противни с тех судных дел слово в слово, писати наместничим дьяком; а наместником к тем противнем печати свои прикладывати».

И особо указывает в той же статье:

«А без старосты и без целовальников не судити».

Затем вменяется в обязанность всем наместникам и волостелям старост и целовальников при себе завести.

Оградив своих подданных от произвола в суде, он ограждает от расхищения казе нные, то есть, как их называют, черные земли, уже изрядно разграбленные во время боярского самовластья, что в горле подручных князей и бояр едва ли не самая острая кость:

«А кто сорет межу, или грань ссечет, из царевы и великого князя земли, или у боярина, или у монастыря, или боярской у монастырского, или монастырской у боярского: и кто в тех межу сорет, или грань ссечет, ино того бить кнутьем, да истцу на нем взять рубль. А хрестьяне меж себя, в одной волости ли в селех, хто у кого межу переорет или перек осит, ино волостелю или посельскому имети на нем за боран два алтына».

Вместе с тем он стесняет переход крестьян из владения во владение, опять же заботясь о прочных доходах казны, поскольку большей частью уходят с черных земель, разоряемых наместниками и волостелями, уходят к монастырям и к боярам, все еще огражденным от налогов и даней тарханами:

«А хрестьянам отказыватися из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю по Юрьеве дни осеннем. А дворы пожил ые платят в полех за двор рубль да два алтына, а в лесах, где десять верст до хоромного лесу, за двор полтина да два алтына. А который хрестьянин живет за кем год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора; и два года поживет, и он платит полдвора; а три года поживет, и он платит три четверти двора; а четыре года поживет, и он платит весь двор, рубль и два алтына. А пожилое имати с ворот; а за повоз имати с двора по два алтына; а опричь того на нем пошлин нет. А останется у которого хрестьянина хлеб и зем ля, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба, или с стоячего, даст боран, да два алтына. А по кои места была его рожь в земли, и он подать цареву и великого князя платит со ржи; а боярского ему дела за кем жил, не делати. А попу пожилого нет, и ходити ему вон бессрочно воля. А которой хрестьянин с пашни продастся кому в полную в холопи, и он выйдет бессрочно ж, и пожилово с него нет; а который хлеб его останется в земли, и он с того хлеба подать цареву и великого князя платит, а не похочет подати платити, и он своего хлеба земляного лишен».

Однако тут же, последним пунктом этой обширной статьи, он фактически запрещает продажу в холопы, позволяя бессрочным холопам выход бессрочный и без выплаты пожилого, то есть останавливает закрепощение кабальных крестьян, после чего еще с

одной стороны стесняет вотчины и монастырские земли: Судебник воспрещает выдавать кому бы то ни было тарханные грамоты, а старые грамоты должны быть отобраны все.

Этим обновленным сводом законов он не только подтверждает на деле свое крестоцеловальное слово, сказанное всенародно с лобного места - он указывает подручным князьям и боярам, что не напрасно, не для красного слова принял грозное имя царя, что он истинно царь во всех решающих определениях власти, в отправлении правосудия, в даровании привилегий, в ограждении собственности на землю, в ограждении независимости черносошных крестьян, что произволу подручных князей и бояр в самом деле приходит конец.

В доказательство того, что он нисколько не шутит, Иоанн повелевает Алексею Адашеву не медля ни дня разыскать все удержанные тарханные грамоты и отменить эти дающие широкие привилегии грамоты его царским именем.

Алексей Адашев выказывает исполнительность чрезвычайную. Его люди, приданные Казенному приказу, пускаются имать тарханные грамоты с усердием удивительным, нередко чрезмерным, всюду указывая строптивым и недовольным на статью в обновленном Судебнике, однако, сами не обремененные привычкой к исполнению законов, трактуют статью весьма расширительно, что не может не означать общего широкого наступления на привилегии вотчин, церквей, монастырей и самого митрополичьего дома, жиреющих от привилегий за счет казны царя и великого князя, и так жаль держателям грамот своих чудодейственых привилегий, освобождающих от налогов и даней в казну, что кое-кто решается подать челобитье царю и великому князю, среди них игумен Серапион, настоятель самого богатого Троицкого Сергиева монастыря:

«И наместницы деи наши и волостели и их тиуны людей их и крестьян и дворников, которые живут за монастырем и торгуют монастырским товаром, судят их и всякие пошлины на них емлют сильно, и на мытех мытчик с их людей и с товару и емлет пошлину и судит их сильно через наши жалованные грамоты, а приказщики де наши городовые ямские денги с них емлют по городом, и в том же у н их их людем и крестьяном и дворником чинитца продажи и убытков великие».

Действительно, решительная отмена всех привилегий несет вотчинам, церквям, монастырям и митрополичьему дому убытки великие, зато возвращает законный источник пополненья казны, обремененной расходами, тоже великими, на новые пушки и порох, так что тарханы изымаются всюду, и если где оставляются, то оставляются одни судебные привилегии, впрочем, большей частью опричь душегубства, однако царская воля не всех под одну гребенку стрижет, кое-где привилегии увеличиваются, захватывают новых владельцев, когда в малонаселенных местах Иоанну необходимо стеснить, ограничить неудержимую жадность наместников.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Татары неустанным разбоем и кровью то и дело напоминают ему, что он должен спешить. Не успевает он рассмотреть и обнародовать новый Судебник, не успевают расторопные люди Алексея Адашева как предначертано развернуться с усиленным взиманием налогов и даней, прежде ускользавших от казны в кубышки подручных князей и бояр, церквей и монастырей, как воевода Путивля князь Семен Шереметев гонит гонца: по южным украйнам рыщут отряды вечно голодных крымских татар.

Иоанн тотчас повелевает собираться полкам, отдыхавшим три месяца, причем и сам намеревается на Ильин день оставить Москву и обосноваться в Коломне, откуда можно прикрыть Рязань или Тулу, смотря по тому, куда татары направят набег. Еще дворянские конники, недовольные новой тревогой, развалисто поднимаются с мест, а уже Иван Дмитриев, голова станичных украйных постов, доносит более определенную и более тревожную весть: до двадцати тысяч татар в разных местах бродами переходят Донец, того гляди, обрушатся разбоем на украйные города.

21 июля Иоанн прибывает в Коломну и держит ставку в кремле, таком же каменном, как и московский, но с более высокими башнями и более толстыми стенами (истинный воин дозором стоит на слиянии Коломенки, Москвы и Оки). С ним казначеем Адашев, государевым дьяком Выродков, воеводами Горбатый, Микулинский, Морозов, Василий Серебряный-Оболенский.

С обостренным вниманием, родившимся в недобрых казанских походах, осматривает он свое беспорядочное, нестройное войско и пробует завести в нем хоть какой-то порядок, повелевает составлять десятки и сотни, причем не по волостям и посадам, а по спискам, изготовленным дьяками, требует, чтобы десятники и сотники во время похода держали своих людей при себе, однако никакие усилия этих безвестных младших начальников не помогают придать стройности ополчению, собранному из разных уделов, вотчин, уездов и волостей, составленному из воинов столь несравнимых достатков, что кони одних круглый год на отборном овсе, а кони других не всякий день находят в яслях и сено, у одних так и рвутся вперед, вырывая поводья из рук, у других так и норовят отдохнуть или свалиться с копыт.

6 августа гонец от Шиг-Алея доносит, что тысяч тридцать татар, приведенных крымским царевичем, рыщут по мещерским да рязанским местам. Полки, все так же тяжело и нестройно, начинают выдвигаться от Коломны вперед, чтобы встретить врага на удобной позиции. Лазутчики мигом извещают об этих приготовленьях чутких татар, и татары, пройдя дугой по украйнам, несолоно хлебавши поворачивают назад, не испытывая желания насмерть сразиться с полками царя и великого князя.

Еще дней десять стоит Иоанн с полками в Коломне, пока не приходит подтверждение от дальних степных сторожей, что опасность действительно миновалась. Распустить полки он все-таки не решается и на всякий случай отправляет на оборону Рязани, причем воеводой большого полка назначает, уже своей волей, согласно с указом, к князя Горбатого, на передовой ставит князя Морозова, сторожевой доверяет Воронову-Волынскому, а далеко на юг, в крепость Пронск решается посадить князя Курбского, пока что безвестного, наконец входящего в историю его царствования - с большими претензиями, но в самой скромной, в самой незначительной должности (свидетельство неопровержимое, ясное, что недобро прославленный князь не имеет ни малейшего голоса в совете царя и великого князя).

Иоанн с таким напряжением думает о несносных татарах, что эти закоренелые враги христианства начинают являться ему во сне, и однажды, вскоре после возвращения из Коломны, в его наэлектризованном мозгу возникает видение, вновь он видит Круглу гору, как полгода назад, и слышит веление поставить на той горе крепость на устрашение казанским татарам, на прочное охранение русских украйн, главное, для того, чтобы в крепости содержалось московское войско и, выходя из нее, воевало казанскую землю.

Видение приходится кстати. Если бы даже никакого видения не было, он бы должен был его выдумать, поскольку с помощью голоса свыше проще всего убедить не столько истинно верующих, сколько язычески суеверных князей и бояр. Он собирает боярскую Думу и пересказывает все, что так счастливо увидел во сне, с поэтическими подробностями, с энергией убеждения, так как обладает и сильным воображением, и незаурядным даром оратора.

Впечатление производится сильное, но недостаточное, чтобы сдвинуть с места это малоподвижное общество. В качестве последнего довода он призывает на совещание думных бояр казанского князя Кострова, татарина, перебежавшего на московскую службу, и татарин изъясняет боярам стратегическую важность Круглой горы, ее природную неприступность, сродни неприступности казанских холмов, а также удобство подходов из Нижнего Новгорода по реке и близость сильно укрепленной Казани, которой такое соседство не может прийтись по нутру.

Доводы вполне земного татарина подкрепляют неземное указание свыше, явленное Иоанну во сне. Бояре приговаривают. Летописец заносит: «И умыслил царь и великий князь город поставити на Свияге на устье на Круглой горе».

Умыслить всякое дело довольно легко, еще легче, сидя на лавках, приговаривать, тогда как поставить крепость на Круглой горе почти невозможно. Предполагается воздвигнуть обширное укрепление, в котором укроются значительные запасы пороха и оружия, накопится продовольствие, соберутся служилые люди, чтобы в один переход достигнуть Казани и либо взять ее приступом сходу, либо разорить все, что возможно, вокруг. Для сооружения такой крепости потребуется немалое время, если из дерева, то до полугода, а на каменную несколько лет. Татары близко, татары измучат наездами, в лучшем случае положат много людей, а то и вовсе не позволят вести строительные работы, поскольку не могут не понимать, что для них московская крепость на Круглой горе - вроде нацеленной в спину стрелы, окрест леса подожгут, дымом задушат, выше строительства Волгу перекроют ладьями, ни хлеба, ни пушек подвезти не дадут. Полками оградить стройку тоже нельзя, ополчение не годится для многодневных стычек, боев, обороны в открытом поле, наступлений и отступлений, к тому же сторожевые полки нечем будет кормить, а домашних припасов достанет разве на месяц.

Подручные князья и бояре все без исключения люди военные, ничего не понимают в строительстве. Иоанн, и без того не доверяющий им, советуется с мастерами, приведенными Выродковым, дьяком и розмыслом, как в те времена именуются самородные русские инженеры, уже замеченным во время походов и взятым в помощники востроглазым царем. Мастера находят способ простой, стародавний, испытанный веками неустанных российских мытарств. Иоанн видел и сам, как после опустошительного пожара Москва в считанные недели восстала из пепла и защеголяла смолистыми срубами новых домов и новых церквей. Отчего?

Оттого, изъясняют царю мастера, что в округе верст на сто по рекам и речкам сноровистые умельцы загодя валят лес, вытесывают, высушивают, в срубы кладут, метят венцы, разбирают и ждут беспечально, когда им на прибыток что-нибудь загорится в Москве, горящей чуть не каждое лето; тут умельцы меченые бревна связывают в плоты, сгоняют вниз по реке, на берегу продают погорельцам и на теплом еще пепелище ставят новехонький дом всего-то в день или два. Стало быть, где-нибудь повыше на Волге, где злой чужой глаз не найдет, в зимнюю пору изготовить срубы для стен, для башен, для жилых домов и церквей, по весне спустить вниз и собрать в недели две или три, татары и глазом не успеют моргнуть, а там пускай себе лезут по крутизне да на стены под пушки и стрелы, милости просим, с укрепленного места не стоит труда их отбить, нам не впервой.

План принимается. Старшим Иоанн избирает башковитого Выродкова. Выродков нанимает артели плотников, кузнецов, закупает хлеб, лук, чеснок, ветчину, составляет длиннейшие списки погужной повинности с боярских вотчин и с черных земель, причем у окрестных князей и бояр, как правило, не оказывается годных для возки бревен лошадей и людей, с ними наместники и волостели царским именем ведут чуть не войну, в то же время потихоньку наживаясь на их посильных даяниях, тогда как, помимо возчиков, на прикрытие нужен отряд служилых людей, для них корм, корм для коней, деньги из царской казны так и текут, уже не ручьем, а рекой.

Место зимних работ Иоанн назначает под Угличем, во владениях смиренного князя Ушатого, сам следит за приготовлениями отряда воинов и отряда умельцев, призывает Выродкова с отчетами и в те же дни принимает меры для обороны Москвы от нападения с юга, необходимой вдвойне, если под Казань в самом деле придется летом идти, когда крымские татары выбегают с кочевий размяться и пускаются пограбить на Русь.

Он пытается уговориться с Сигизмундом Августом о совместных предприятиях против татар, осточертевших полякам не меньше, чем русским, кстати Сигизмунд Август присылает послом Станислава Едровского и с ним неожиданно престарелого князя Михаила Голицу-Булгакова, и Ендровский извещает любезно, что плененного давным-

давно воеводу нынче возвращают без выкупа, одной милостью польского короля и литовского великого князя, а от имени польского короля и литовского князя заучен но говорит:

- Докучают нам подданные наши, жиды, купцы государства нашего, что прежде изначала при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей земле твоей с товарами ходить и торговать, а теперь ты жидам не позволяешь с товарами в государство свое въезжать.

Освобожденного воеводу Иоанн принимает милостиво и с лаской, выспрашивает старика о здоровье, подпускает к руке, велит сесть, жалует шубой, приглашает обедать, намереваясь расспросить поподробней о литовских и поль ских делах, да Голица-Булгаков, слабоумный от скудной природы своей, хилый от плена и старости, бьет челом, что истомился совсем, так что приходится отпустить его на подворье и выслать кушанье со стола своего, в знак милости и уваженья к выпавшим на долю е го испытаньям. Ендровскому же Иоанн, знающий историю преступной секты жидовствующих, наделавшей бед на Руси, отвечает со злобой:

- Мы к тебе писали не раз о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравные зелья к нам привозили и пакости многим нашим людям делали, так тебе бы, брату нашему, не годилось и писать о них много, слыша их такие злые дела.

С тем и отпускает Ендровского, а от себя послом отправляет Остафьева с грамотой:

«Я послал грамоты всем своим порубежным наместникам , чтобы на наших землях позволили твоим сторожам стеречь прихода татарского, и велел своим наместникам беречь твоих сторожей, чтобы им от наших людей обид никаких не было. И ты бы так же в Каневе и в Черкасах своим наместникам приказал накрепко, чтобы они на своих землях нашим сторожам место дали, и какие вести у твоих наместников про татар будут, и они бы наших наместников без вести не держали».

Натурально, грамоту подписывает своим царским именем, твердо держа свою честь и почетное место в иерархии европе йских властителей, хоть и предвидит, что спесивый король такой обидной грамоты не возьмет и вновь заведет тоскливую речь о правах именоваться царем, и наперед велит Остафьеву отвечать:

- Станут говорить: прежде московские писались всегда великими князьями, а теперь государь по какой причине пишется царем? Отвечать: государь наш учинился на царстве по прежнему обычаю, как прародитель его великий князь Владимир Мономах венчан на царство Русское, когда ходил ратью на царя греческого Константина Мономаха, и цар ь Константин Мономах тогда добил ему челом и прислал ему дары: венец царский и диадему - с митрополитом Ефесским, кир Неофитом, и на царство его митрополит Неофит венчал, и с этого времени назывался царь и великий князь Владимир Мономах. А государя нашего венчал на царство Русское тем же венцом отец его Макарий -митрополит, потому что теперь всею землею Русскою владеет государь наш один.

Сторожи имеют большое значение, особенно если держать их в Каневе и в Черкасах, как можно ближе к пределам крымских татар, однако важнее всего по вести от сторожей дать быстрый и сильный отпор набегу татар, которые страсть как не любят отпора. С этой целью Иоанн придумывает расселить вокруг Москвы тысячу отборных, по его наблюдению, надежных и подготовленных воинов, с тем, чт обы в считанные часы этих воинов можно было собрать и поставить первый заслон, пока еще нерешительный, пробный, однако сознательно создаваемый прообраз постоянного войска, способного заменить скверно обученное, еще сквернее организованное и небоеспособное дворянское ополчение. Воины подбираются по его указанию, только те, кому он, недоверчивый, решается доверять. Затем дьяки Алексея Адашева составляют указ, который гласит:

«Лета 7059, октября в 1 день, царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Русии приговорил с бояры: учинити в Московском уезде, да в половине Дмитрова, да в Рузе, да в Звенигороде, да в Числяках и в Ординцех и в Перевесных деревнях, и в Тетеревичех и в

оборочных деревнях, от Москвы верст за шестьдесят и за семьдесят, помещиков, детей боярских, лутчих слуг, 1000 человек, а которым бояром и околничим быти готовым в посылки, а поместей и вотчин в Московском уезде у них не будет и бояром и околничим дати поместья в Московском уезде по 200 четвертей, а детем боярским в первой статье дати поместья по 200 ж четьи, а другой статье детем боярским дати поместья по 150 четьи, а третьей статье детем боярским дати поместья по 100 четьи, а сена им давати по толку ж копен, на колко кому дано четверных пашни, опричь крестьянского сена, а крестьяном дати сена на выть по тридцати копен, а которой по грехом из тое тысячи вымрет, а сын его к той службе же не пригодится, ино в того место прибрать иного. А за которым бояры и за детями боярскими вотчины в Московском уезде или в ином городе, которые близко от Москвы, верст за пятьдесят или шестьдесят, и тем поместья не дати».

Далее следует поименный список всех избранных воинов, всего набирается с казначеями 1078 человек, земли же им следует отвести под поместья 118200 четвертей, или 59100 десятин.

Писцы в Казенном приказе принимаются разыскивать по книгам свободные земли, пригодные для испомещения избранных воинов, люди Алексея Адашева пускаются по уезду исполнять ясно выраженную волю царя и великого князя, однако тут вновь обнаруживается, что именно вблизи от Москвы чуть не все черные земли разобраны и неявным чудом да явным мошенничеством приписались к вотчинам и монастырям, и так ловко проделалась эта приятная операция с черными землями, что никаких концов не найдешь, к тому же Алексей Адашев обнаруживается не боек искать, то есть ссориться с боярами и монастырями; отрезать же от своих угодий необходимые десятины пашен, лугов и лесов подручные князья и бояре, а с ними настоятели монастырей не желают, так что поместий избранным воинам не находится и царский указ остается бессильной бумагой.

Иоанн не сдается. По южным украйнам, в опустошенных, никем не заселенных местах, от Алатыря на Суре до Путивля и от Нижнего Новгорода к Звенигороду начинают, пока понемногу, то здесь, то там, возводить укрепленные городки, с тем, чтобы впоследствии выстроить две защитные линии против крымских татар, вокруг городков расселить служилых людей и обязать их нести там не временную, а постоянную службу по охране украйн.

Наконец, вооруженный отряд, отправленный с дьяком Выродковым под Углич, наводит его на совершенно новую мысль, поддержанную несчастным опытом провалившихся казанских походов. Он создает первое на Руси постоянное, уже не конное, а пешее войско, подобное недавно возникшей европейской пехоте, однако с той существенной разницей, что европейскую пехоту составляют наемники всех наций и государств, отпетые головорезы, по своей прихоти переходящие из одной армии в другую, враждебную, смотря по тому, какой полководец больше заплатит, буяны и баламуты, разоренье для мирных горожан и селян, тогда как по замыслу Иоанна пехота набирается из русских свободных людей, состоит на жалованье у государя и служит всю свою жизнь, разумеется, без намека на вредоносное право покинуть службу, как вздумается, и отправиться за удачей в чужие края.

В том же году набирается около трех тысяч стрельцов из пищалей, как первоначально русскую пехоту именуют в официальных бумагах, а позднее называют просто стрельцами. Ежегодное жалованье определяется в четыре рубля. Кроме денежного довольствия, стрельцам выдаются долгополая епанча, своим покроем несколько напоминающая польский кафтан, шапка и сапоги, отсыпается порох, отвешивается мука и крупа. Ревнитель нравственности, Иоанн позволяет стрельцам (чуть не вменяет в обязанность) семейную жизнь, потому что, по его убеждению, блуд является чуть ли не самым страшным из всех известных пороков, а когда становится очевидным, что государева жалованья стрельцам и стрелецким женам не достает и на самую скромную жизнь, вблизи городов этим воинам отводятся целые слободы, где их поселяют в собственные дома,

отводят им участки земли и разрешают заниматься ремеслом и торговлей, что с течением времени губит прекрасную мысль о хорошо обученной, дисциплинированной профессиональной пехоте и превращает стрелецкое войско в еще худший сбр од, чем дворянское конное ополчение.

На три тысячи пеших стрельцов требуется двенадцать тысяч рублей одними деньгами, затем три тысячи шапок, три тысячи пар сапог, три тысячи епанчей, уйма пороха, муки и крупы. Военые расходы Иоанна беспрестанно растут, а доходы остаются все теми же, с прибавлением лишь тех налогов и даней, которые поступают с отменой тарханов. Этого мало. Если он действительно жаждет одолеть Казанское ханство и навсегда покончить с этой опасностью, он должен открыть новый, серьезный и обил ьный источник дохода. Такой источник нетрудно найти, он под рукой, но семью запорами закрыт от него, не одним упорным сопротивлением, не одним эгоистическим нежеланием чем -нибудь поступиться ради общего дела, хотя бы копейку уступить государю на войско, на новый казанский поход, которые Иоанн сумел бы сломить, этот источник заперт еще более сильным запором - его собственным убеждением, всеми его предрассудками, всем его воспитанием с самого раннего детства под руководством умелого, прозорливого, политически искушенного митрополита Макария, пустившими корни так глубоко, что он уже не в состоянии отступиться от них, извергнуть их из себя. Для того, чтобы только подумать зачерпнуть из такого источника, необходима глубокая, душу раздирающая борьба.

ИСТОЧНИК

Первоначально воспитанный нестяжателем Иоасафом, Иоанн, вознамерившийся создать не ординарное государство, подобное презренным европейским монархиям или восточным деспотиям, но еще не бывалое, неповторимое, единственное в мире Святорусское государство, оплот православия, грозу агарян, не может не понимать, что в самом основании православия давно уже завелась какая -то гниль, разлагающая, растлевающая светлую веру в Христа. Растление происходит каким -то странным, непостижимым, чуть не фантастическим образом и в то же время обыденно -просто, как-то само собой, малоприметно для самого православия.

С первых дней своего непредвиденного пришествия на Русскую землю православная церковь присваивает себе соблазнительное, суемудрое право молиться за тех, кто умер с верой, но по каким-то причинам не поспел принести ближним даже капли добра, искупающего, что ни говорите, греховную жизнь, без чего, как известно, не открывается Царство Небесное, причем не имевшему времени для взращивания плодов добра и братской любви достаточн о принести в близлежащую церковь бескровную жертву, то есть заплатить соответственно своим прегрешениям, после чего церковь станет честно и с твердой верой в Божие милосердие молиться за душу и самого закоренелого грешника, хотя бы убийцы и негодяя, вместо этого закоренелого грешника вымаливая у Бога прощения всех его прегрешений.

Русский человек, еще не тронутый никакими грехами, а потому не имеющий причин проникать в самый дух христианства, зато наделенный беспримерной смекалкой, не тратит много времени даром, чтобы сообразить, что ему и не надобно взращивать какие - то плоды добра и братской любви, что он может жить, как жил всегда, до внезапного крещения Руси, то есть без больших и даже без малых грехов, и в этом случае ничего не платить корыстолюбивым поп ам, а коли попутает бес согрешить, вплоть до татьбы, так и тут сокрушаться не стоит, следует только хорошо заплатить за помин души, в прямом соответствии с размером греха, а там уж поп и монах сделают свое доброе дело, похлопочут за него в высших сферах, г де их молитвами скостят все грехи.

Так и ведется чуть не с первого дня, когда до русского добродетельного язычника начинает доходить свет христианства. Проживая по деревенькам да починкам в

повседневных тяжких трудах, в уединении, вдали от соблазнов, добро детельный русский язычник не имеет ни времени, ни желания, ни возможности сколько -нибудь значительно согрешить, огражденный от греха прочной семьей, уединением в непроходимых лесах и непрестанным трудом на благо жены и детей, этим неразрушимым фундаментом всех добродетелей, и потому редко обращается к церкви, разве что по праздничным дням, больше языческим, чем христианским, да по случаю свадеб, похорон и родин, а в прочих делах, то есть в торговле и на княжеской службе, переселившись из деревеньки в развратный посад, грешит себе на здоровье всю жизнь, убивает и грабит и нарушает крестное целование, после чего, нагрешившись в полную меру, приходит к благой мысли о том, что пришла пора душу спасать, и все спасение души видит единственно в том, чтобы от награбленного, наворованного, нажитого бесчестьем отломить кусок побольше на церковь, а отломил, так и дело с концом, можно с чистой совестью помереть.

И заваривается несусветная дичь на Русской земле. То князь, то боярин, главные тати и воры на этой земле, то купец, то лесной душегуб, почуя приближение смерти, жертвует немалые деньги на монастырь. В полном убеждении, что свет иноку ангел, а свет мирянину инок, подыскивается усердный монах, процветающий на хлебе, воде и молитве, монаху отводится земля поблизости от княжеских или боярских хором, в торговом ряду или на полянке в ближнем лесу, отпускаются средства на строительство келий, на возведение храма, и на эти бескровные, однако явным образом грехом добытые жертвы усердный монах воздвигает обитель, либо в черте города, либо за городской чертой, либо в ближнем лесу, так что в посаде, имеющем не более пяти, шести, десяти тысяч посадских людей, набирается десятка полтора мужских и женских монастырей, а в каждом монастыре иной раз до десятка церквей, в пример и на великий соблазн прочим грешникам, поскольку прочие грешники, поощренные обустраивать свою грешную душу за деньги, тоже несут в необустроенный, только что заложенный монастырь свои посильные, бескровные, но тоже грехами добытые жертвы, кто медный колокол на пять, на десять, на двадцать пудов, кто воз восковых, разного размера, включительно до пуда, свечей, кто золотой, кто серебряный оклад на икону, кто золотой крест, кто золотую кропильницу, кто расшитое золотом облачение, кто бочку меда, кто две бочки вина , кто пшеничных хлебов, кто десяток овец, в зависимости от нажитого грабежами и насилием состояния, от меры греха и фантазии, и не успевает глазом моргнуть усердный монах, как вместо нищенских лохмотьев на нем дорогие одежды, вместо черствого хлеба на столе свежайшие белые булки, вместо ключевой студеной воды пьянящие вина и мед, а вместо усердных молитв - суета по устройству трапезных и кладовых, по приобретению сенокосов и выпасов, по возне с всегда недовольными высокой арендой землепашцами, звероловами и рыбарями, по сбережению, приумножению и надежной охране непомерно растущих богатств, осужденных Христом.

И тогда не выдерживает бедный инок искушения угарным соблазном земной суеты и становится толстомордым игуменом, погрязшим в обжорстве и пьянстве. К нему присоединяются такие же бедные иноки, сердцу которых сытный стол и вино также милее корки черствого хлеба и пресной студеной воды, и вчерашние аскеты и схимники, уходящие от развратного мира в обитель, чтобы строить и спасать свою грешную душу в запредельных лишениях, в тяжких трудах, в беспрестанных дневных и всенощных молитвах, неприметно для себя погрязают в земном и мирском, не имеют нужды и не видят пользы в трудах, а молитвам отдаются поспешно и кратко.

Лишь немногие праведники, до глубины души оскорбленные таким беззастенчивым искажением, таким лжемудрым попранием святости, подчас насильственно вытолкнутые из обители соблазна взашей фривольно пирующей братией, полные покаяния и смирения, безропотно покидают изгаженные пороком, насиженные, обжитые места и пешим ходом, с тощей котомкой, в крестьянских лаптях отправляются на поиски безлюдного, располагающего к духовным подвигам места, пробираются за Волгу, ее бесчисленными притоками поднимаются к безмолвным, почти неприметным истокам, добираются до

Сухоны и Шексны и там, в нехоженых дебрях, расчистив крохотную полянку в дремучем лесу, ставят свою убогую келейку, вновь, как заповедано святыми угодниками, живут своими трудами, на корке черствого хлеба, на пресной студеной воде родника, в непрестанных вседневных и всенощных молитвах, избегнув земного соблазна, в бескорыстии и нестяжании, в тихой радости, не ведая ни больших, ни даже малых грехов, поскольку в этом глухом, абсолютном безлюдье не с кем и нет причины грешить.

Вместе с этими праведниками, то обгоняя их, то ступая по их малоприметным следам, теми же звериными тропами, теми же лесистыми берегами, по тем же рекам, речушкам и ручейкам, в те же безлюдные непроходимые дебри пробирается вечно тоскующий по вольной волюшке русский мужик, из поколения в поколение уходящий от грабежа наместников и волостелей, от грабежа великого и удельного князя, боярина, игумена и вечно лютого их тиуна, где-нибудь близко, верстах в двадцати, в тридцати, расчищает полянку в темном лесу, ставит избу, одним топором валит вековые деревья, иное в три, иное в четыре обхвата, выжигает десятину-другую, в золу бросает зерно, бьет рыбу острогой, ловит зверя в ловушки и петли, растит детей, нянчит внуков, изредка появляется у святого отшельника, чтобы помянуть умерших да окрестить младенцев, и живет, в сущности, так же, как он, в непрестанных трудах, без больших и даже без малых грехов, поскольку в его большой крестьянской семье все на виду, никто не лжет, никто не крадет, тем более никто не желает жены ближнего своего, ибо незачем лгать, незачем и нечего воровать, тем более на многие версты вокруг не видать ни жены ближнего, ни его самого. Былинные времена, приблизительно можно сказать.

Однако истощаются понемногу и эти былинные времена. Чуть слышно, а все же по невидимым тропам шествует глухая молва о праведной жизни отшельника. В поисках той же праведной жизни к одиноко приютившейся келейке пробирается то один жаждущий духовного просветления, то другой, просит пастырского благословения, ставит рядом свою убогую келейку, принимается за труды по расчистке полянки, сам очищается коркой черствого хлеба и чашей студеной воды, проводит дни и ночи в молитве и живет без больших и даже без малых грехов, поскольку в этой богоспасаемой пустыньке не возникает и тени желания согрешить, да и при желании вряд ли отыщешь возможность не выдуманного своекорыстным начетником, а подлинного греха.

Соблазн и возможность греха пробираются в бедную пустыньку неприметно, как-то сами собой, точно тать во нощи. Каждый отшельник молится в своей келейке, обходится коркой черствого хлеба и чашей воды, а наберется отшельников больше пяти - возникает потребность всем вместе вознести к Богу молитвы, вместе славить, вместе служить строгим уставом определенные службы, к тому же и корок черствого хлеба не хватает на всех, приступает нужда по-крестьянски валить вековые деревья, выжигать десятину, две или три, бросать зерна в золу, чтобы кормиться хоть и несытно, однако ж своим, тяжким, но честным трудом.

И высылает братия своего наистарейшего в мир, к ближайшему князю или боярину, а то и прямиком к великому князю в Москву бить челом, чтобы велел заложить монастырь и грамотой закрепил в вечное владение земли окрест. И ближний князь, и боярин, и князь великий рады-радехоньки случаю этак вот просто, за здорово живешь сделать вклад на помин своей грешной души этими дальними, малолюдными, никакого дохода не приносящими землями, и князь и бояре дают широко, щедрой и наищедрейшей рукой десять, пятнадцать и двадцать верст во все стороны от того счастливого места, где их просят и где они велят основать монастырь.

Так рядом с убогой кельей отшельника рубится деревянная церковь, рубится большая хоромина с общей трапезной, с кухней, с теплыми кельями, рубятся амбары и клети, заводится большое хозяйство, без которого монастырю не прожить. Другая начинается жизнь. Монастырь влечет к себе мир, и мир приходит к монастырю. На монастырские земли забредают крестьяне, по-прежнему уходящие в непроходимые дебри от князей и бояр, от сборщиков налогов и даней, валят и жгут вековые деревья и бросают зерна в золу,

не подозревая, конечно, о том, что это уже не вольные, а монастырские земли. Монастырь лукаво молчит, лет пять не трогает их, позволяет обжиться, встать на ноги, подобреть, обзавестись и хлебом, и зверем и рыбой, затем у того же ближнего князя -боярина или князя великого испрашивает грамоту за подписью и печатью, освобождающую монастырь от налогов и даней, открывает вольным хлебопашцам свое священное право на землю, что означает, что надобно монастырю и налоги, и дани, и арендную плату платить, и не успевают вольные землепашцы опомниться, как они уже не вольные землепашцы, звероловы и рыбари, а монастырские, подневольные, обязанные арендную плату платить и тянуть то проклятое тягло, от которого было укрылись в своих благодатных, непроходимых лесах.

С этого малодостойного дня монастырь становится собственником не только полученных в обмен на очистительные молитвы земельных угодий, рыбных ловель и ловищ, но и собственником чужого труда, а собственник чужого труда не имеет ни нужды, ни охоты растрачивать свое время и силы в неустанных трудах, и бескорыстное, нищее, трудолюбивое монастырское братство роковым образом, медлительно, но неуклонно превращается в корыстолюбивое, скопидомное, бездельное монастырское братство, строго оберегающее и со всем букетом земных, отринутых было страстей приумножающее свое достояние.

Глядь, еще вчера неприметный монастырек, трудами иноков походивший на убогую крестьянскую деревеньку, трудами подневольных крестьян обустраивается, раздвигает пределы и обносится высоченными, сперва деревянными, а впоследствии каменными стенами с могучими башнями, хотя до той глуши, в которой была поставлена первая келейка первым отшельником, никакой враг ни с какой стороны не доскачет, так что неприступностью своих укреплений Кириллов Белозерский монастырь, например, превосходит укрепления Великого Новгорода, которому исстари угрожают и Швеция, и Ливония, и Литва.

И уже за кованые ворота просто так не проникнешь, не поставишь свою нищую келейку рядом с другими, не вплетешь свой молитвенный голос в общий хор денно и нощно молящихся иноков. Дудки. Недаром говорят, что деньги к деньгам. Как за пользование вчера еще вольной землей пришлый крестьянин должен платить арендную плату, сначала натурой, а позднее деньгами, так и пришлый монах должен платить за право вступить в преображенное монастырское братство, причем и самый неимущий должен внести минимальную плату в десять рублей, то есть ежегодное содержание двоих пехотинцев-стрельцов, в противном случае ему показывают от ворот поворот. Новый инок - новый доход, этот зародившийся монастырский закон не отменяется никогда. Отныне монастырь превращается в своеобразное предприятие, подобное любому другому торговому предприятию, с той существенной разницей, что предприятие -монастырь, торгуя молитвами, попирает заповеди Христа, который, как известно, осуждает богатство и бичом изгоняет торговцев из храма, к тому же предприятие -монастырь не совсем честно поступает со своими клиентами, покупающими молитвы, поскольку из каждых десяти монахов девять неграмотны и наслух выучивают несколько расхожих евангельских текстов и несколько расхожих молитв, в своей великолепной наивности убежденные, что каждое слово, идущее к Христу от монаха, способно спасти и самую грешную душу, а иные в своем самомнении доходят и до того, что без молитвы монаха и мир не мог бы стоять, каково?

Благодаря этому странному убеждению каждое слово монаха ценится на вес золота. Хотите, чтобы вас поминали в день вашего ангела и в день вашего присоединения к праотцам - оставьте немного, а лучше много земли и денег на корм для всей братии и для тех нищих, которые в эти календарные дни могут постучать в ворота избранного вами монастыря, и наивные русские грешники отписывают монастырям кто деревеньку, кто лесок, кто сельцо, сопровождая дарение перечислением блюд, которые должны будут употребиться монахами в эти печальные поминальные дни, нечто вроде языческой

тризны, с указанием, на сколько лет достанет отписанного добра, с твердой верой, что чем лучше станут питаться монахи в эти печальные поминальные дн и, тем на том свете станет легче проявившей щедрость душе, и так стараются эти наивные русские люди, что в каждом монастыре набирается от пятидесяти до двухсот дней в году даровых обильных кормлений, естественно, независимо от того, на какой день, постный или скоромный, выпадает по завещанию это даровое кормление, хотя наиболее плодотворным, в смысле молитвы, почитается именно неукоснительно соблюдаемый пост и достойная инока худоба.

Точно так же, если желаете, чтобы по вашей грешной душе служились заупокой ные службы с занесением вашего смертного имени в сенаники, то есть синодики, налойный, литийный, алтарный, постенный, вседневный и сельный с сельники, то есть с вкладом целым селом - раскошеливайтесь, не жмитесь, сколько отвалите, ровно на столько и получите заупокойных молитв, и наивные русские грешники отваливают широко, от всей безоглядной русской натуры, не то что селами, а целыми вотчинами, подчас оставляя всех своих кровных, вплоть до малых детей, без гроша, смиренно умоляя монахов, чтобы после кончины дарителя не оставили малых детей без куска.

Когда же обильные вклады на кормы и на заупокойные службы с течением времени становятся обыденным делом, в наивные русские умы проникает более практическая, изворотливая идея: поминания поминаниями, а надежней всего постричься на старости лет, провести в монастыре остатние дни и предстать перед Всевышним полным монахом, поскольку уж кого-кого, а монаха Всевышний непременно простит. Само собой разумеется, что и эта замечательная идея для своей реализации требует значительных средств. По десяти рублей монастыри запрашивают только с убогих, с богатых берут по богатству, в зависимости от ценности вклада можно получить отдельный стол и отдельную келью, или общий стол и тесную келейку на двоих, а можно получить келью в две, в три комнаты, можно с прислугой, можно с освобождением от поста и молитвы.

Для чего же отказываться от своих любезных привычек? И богатые вкладывают в избранный монастырь, что успели накопить, где лихоимством, где казнокрадством, где прямым грабежом, подчас целые волости, с деревеньками, с селами, с городками, то есть с тысячами людей, которые нисколько не подозревают о том, что отныне своим неустанным трудом спасают грешную душу своих прежних беспутных владык.

Хитроумная практика пострижений превращ ает монастыри в богадельни, однако не в богадельни для убогих и сирых, как должно быть по смыслу христианского вероучения, а в богадельни для богатых и знатных, в своего рода пристанище для княжеской и боярской знати, отошедшей от дел, где пожить можно с п риятностью, с большими удобствами, с услужливо-преданными холопами, то есть рабами, и тем временем без всяких хлопот вернейшим способом спасти свою грешную душу.

Вклады на корм, вклады на поминание, вклады на пострижение - монастырь богатеет стремительно, как на дрожжах, втихомолку беззаконно прихватывает там казенные, там мужицкие земли, в одном месте пустошь, в другом месте покос, в третьем месте рыбные ловли, меняет, покупает и продает, контролирует большую часть сделок по купле и продаже земли, становит ся самым крупным землевладельцем, самой доходной торговой организацией, причем полностью или частично освобожденной от пошлин, тоже в обмен на молитвы, и самым крупным ростовщиком, заламывающим абсолютно небожеские проценты, так что должники то стоном стон ут, то криком кричат, когда приходится взносить в монастырскую кассу на проценты проценты или вовсе по милости монастыря по миру Христа ради идти.

В итоге, после невероятных превращений одной нищенской келейки, монастырям принадлежит ни больше ни меньше ка к третья часть всех угодий Московского царства, которые обрабатываются трудом, нет, не иноков, а почти семисот тысяч подневольных крестьян, тогда как все население не превышает, по одним данным, пяти, по другим данным - восьми миллионов человек. На одни до ходы митрополита можно содержать

тысячу пехотинцев-стрельцов и еще около четырех тысяч - на нескромные доходы новогородского архиепископа, то есть почти вдвое больше, чем может содержать царь и великий князь из казны. В общей же сложности все русские монастыри ежегодно имеют доход приблизительно в девятьсот тысяч рублей, на которые можно содержать превосходную, самую современную, прекрасно вооруженную и обученную армию тысяч в двести пехотинцев-стрельцов с лучшей, образцово поставленной артиллерией, что может сделать Московское царство первейшей военной державой, не только непобедимой, но и победоносной, способной устоять против любого врага, даже против турок-османов, перед которыми в животном страхе трепещет Европа.

Уже эта непомерная масса богатства сама по себе противоречит всем церковным и монастырским уставам, противоречит всем представлениям о нравственном содержании и назначении христианства, противоречит обыкновенному здравому смыслу. Вместе с тем эта непомерная масса богатства противоречит самым задушевным замыслам Иоанна. Он мечтает создать великое, всем народам на удивление Святорусское государство, а какая же святость в этих разжиревших, расслабленных от сладкой жизни монастырях? Никакой святости в монастырях не имеется и не может иметься, а имеется один беспросветный разврат.

Неравенство, естественное следствие безудержной жажды обогащения, как ржавчина, разъедает все церковное ведомство. Доходы, почти баснословные, скапливаются в жадных, неуступчивых руках ирерахов, тогда как простые попы живут бездоходно, сами вспахивают десятину-другую нещедрых северно-русских песков да суглинков, к тому же вспахивают кое-как, без нужной сноровки и без особого тщания, редкие прихожане скудно оплачивают кое-какие заведенные требы, тем не менее, десятая часть и этих скудных оплат должна поступать в казну архиерея. Немудрено, что в массе своей приходские попы влачат жизнь в нищете, отчего-то для них не спасительной, пьянствуют и бесчинствуют, подстрекая своим непотребством куда более добродетельных прихожан время от времени своих греховных попов колотить, или в поисках дарового даяния, покинув запустевший погост, неприкаянно бродят по Русской земле, одним своим видом унижая авторитет и достоинство пастыря.

К ним присоединяются толпы голодных монахов. Уходит в прошлое общий стол в разжиревших обителях. Все растлевает самый запах богатства, и корма выдаются в каждую келью пропорционально внесенному вкладу, отчего бедным вкладчикам достается хлеб да вода, тогда как на столах щедрых вкладчиков не переводятся обильные, роскошные яства, причем русская сметливость, не имеющая, как известно, границ, пускается на ухищрения почти фантастические, вроде знаменитой архиерейской ухи, изготовляемой на курином бульоне и подаваемой в постные дни. В душе бедных монахов, содержащихся на хлебе с водой, вместо предусмотренного уставами благочестия ухищрения этого рода отчего-то вызывают хищную зависть, в душе немногих, в самом деле благочестивых, рождается отвращение. Одни требуют себе на стол таких же сладких кусков, другие обличают впавших в грех лицемерия и чревоугодия и призывают на праведный путь, то есть к возвращению к равенству, к спасительной корке черствого хлеба для всех. Понятно, что впавшие в грех лицемерия и чревоугодия изгоняют и тех, и других без разбора, а бывает, колотят игумена, который усиливается пресечь бесчинства и блуд, а не понимает внушения, так прогоняют взашей.

Привольной, омерзительно-грязной становится хваленая монастырская жизнь, неизбежное следствие неуказанного пристрастия к собственности. Прелюбодеяние откровенное, причем в одни монастыри допускаются распутные женщины, в других монахини и монахи проживают совместно. Содомский грех. Мордобитие не то что в кельях, укромно и тихо, но и в месте святом, в самом храме и в алтаре, в присутствии прихожан.

И, как прежде, за монастырскими стенами, на просторах Русской земли, безгрешно и в тяжких трудах живут скромные землепашцы, чтят отца и матерь свою, не из страха греха,

а потому, что не могут не чтить, не лгут, не воруют, не напиваются что ни день до потери сознания, отвращаются от распуства до такого остервенения, что неверных жен закапывают в землю живьем.

Чему может научить распутная церковь этих естественных праведников? Решительно ничему хорошему, только дурному. И по-прежнему масса этих затерянных в непроходимых лесах землепашцев, звероловов и рыбарей пребывает в милом сердцу язычестве, как и в дохристианскую веру. По-прежнему являются между ними волхвы, несмотря на угрозу быть сожженными церковью, и гадают по звездам, а в городах указывают будущее по книгам аристотелевским и звездочетным, в канун Иванова дня сходятся ночью, пьют самогон, играют, пляшут целые сутки, тем же порядком встречают Василия Великого, Богоявление и Рождество, в Троицкую субботу плачут, вопят, гремят вкруг могил, прыгают, бьют в ладони, поют свои древние песнопения, в утро Великого четверга жгут солому и кличут покойников, сами попы в этот день кладут соль у престола и после этой солью лечат недужных, как делают и проклятые волхвы, юродивые баснословят о явлении святой Анастасии и святой Пятницы, скоморохи бесчинствуют, грабят путников по дорогам. Против же попов и монахов растет озлобление, и близится неровен час, когда взбунтуются эти безгрешные землепашцы, звероловы и рыбари и примутся вешать на одной осине боярина, попа и монаха.

Страстный богомолец, истинный странник, Иоанн по меньшей мере три раза в год пускается в долгое богомолье из монастыря в монастырь, так что едва ли существует такая обитель, которой бы царь и великий князь не посетил многократно во время своих молитвенных странствий, и все обители предстают перед ним в безобразии: невежество, пьянство, разврат, попечение не столько о Боге, сколько о бренном стяжании, запустение духа да беспутство торжествующей плоти. До того уж дошло, что в своем безобразии не стесняются самого государя. Непотребство и срам. Эти безобразия, эта масса растленных богатств, идущая на разврат, приводят Иоанна по меньшей мере в волнение. В самом деле, он, государь, правитель державы, которому не перед кем-нибудь, а перед Богом держать ответ за державу и подданных, нуждается в каждом рубле, в каждой десятине земли, не для себя лично, не для забав и распутства, не для приятного препровождения времени, а на упрочение устаревшей, боеспособность утратившей военной организации, на литье пушек, на комплектование и обучение новых, пехотных полков, без которых никаких крепостей не возьмешь, никакого Святорусского государства не учредишь, а тут, вопреки и духу и букве христианского вероучения, собираются громадные земли, скапливаются громадные средства, а тратятся эти средства на что? На сладкую жизнь! Для кого? Для монахов! И с такими монахами, с такими попами он Святорусское государство создаст?!

СОБОР

Самое простое: властью царя и великого князя отобрать эти земли и тем принудить беспутных монахов поститься, в чем и состоит назначенье монаха, что для монаха много пристойней, чем погрязать в обжорстве, пьянстве и многих гораздо худших пороках, неизбежных спутниках развратительного богатства. Тем проще совершить это благодеяние, что уже тридцать лет, со дня первого выступления Мартина Лютера, вся Европа занимается именно изъятием церковных богатств и монастырских земель, вооружившись обновленным вероучением, основанием которого является бедная церковь, в полном соответствии с заповедью Христа. Грубее, но эффективнее всех других европейских монархов поступает Генрих VIII, английский король, послав подальше несговорчивого римского папу, самовольно объявив себя главой английской апостолической церкви, упразднив монастыри за их полнейшей ненадобностью, присоединив все монастырские земли к землям короны и этим кощунственным шагом заложив прочный фундамент многовекового могущества Английского королевства. В Германии, где власть монархов ничтожна, чуть ли не призрачна, миром не обошлось, в

Германии пролились реки крови и только что завершилась Шмалькаденская война между протестантскими и католическими князьями, в сущности, с тем же прекрасным итогом, то есть с упразднением монастырей и ликвидацией монастырского землевладения. Во Франции тоже догматические расхождения с римско-католической церковью вертятся вокруг сомнительного права церкви обладать богатствами и землей, и там, где протестантам удается выиграть этот исторический спор, не столько убеждением, бессильным против порока стяжания, сколько силой оружия, там закладывается прочный фундамент для бурного развития и процветания нации.

Иоанн бы и отобрал, ему не занимать решимости на крутые поступки. Но, с одной стороны, он верит самозабвенно и фанатически, без тени сомнения и чтит православие превыше всего. С другой стороны, он отлично знает историю церкви, стало быть, знает, что церковь, вооруженная анафемой и костром - самый беспощадный, самый жестокий палач, много беспощадней самых отъявленных палачей королевских и царских, поскольку может расправиться не с одним бренным телом, что для верующего представляется, беспрекословно и истинно, лишь избавлением от временного и тягостного земного страдания, церковь может обречь и обрекает, сплошь и рядом, на вечные муки бессмертную душу, что для истинно верующего пострашнее, чем неизбежная телесная смерть. Он знает, что его грозный дед уже делал попытки освободить православную церковь хотя бы от части земельных владений, что православная церковь решительно воспротивилась этим необходимым попыткам и что деду, человеку неробкому, пришлось со смирением отступить. Он, естественно, знает, что в столкновении с церковью никто не поддержит его, ни подручные князья и бояре, которые не ведают об ином средстве спасти свои грешные души, кроме продажной молитвы монаха, тем более, что и сам Иоанн свято верит в покупные молитвы и не отказывает церкви в дарениях, ни Сильвестр, этот проповедник скопидомства и накопительства, ни Адашев, ни в одном крупном деле не показавший себя, ни, тем более, митрополит, который хоть и видит пороки попов и монахов, но не позволит тронуть богатства и земли. В своей тяжбе за церковные богатства и земли, без которых ему не создать регулярную, боеспособную армию, а значит, не утвердить навеки и прочно своего царского имени, тем более, не воздвигнуть Святорусского государства, ему нельзя проиграть и нельзя победить. Выходит, что в своем борении за чистоту, за благообразие неблагообразного церковного быта он окажется абсолютно один, что обернется неминуемым поражением, а за поражением может последовать отлучение, то есть, и незамедлительная утрата земной власти, и вечные муки бессмертной души. Есть поразмыслить над чем, прежде чем ввязаться в единоборство с самым могучим противником, в котором он в то же время признает своего лучшего друга, наставника и опору в державных трудах.

Он размышляет, одолеваемый страхом анафемы. Лишь под давлением беспощадной необходимости он отбрасывает свои колебания и втайне от всех составляет вопросы, на которые должен быть получен прямой и ясный ответ. Он призывает в Москву всех иерархов, игуменов, архимандритов, а с ними митрополита, думных дьяков и думных бояр, и 23 февраля 1551 года в своих царских палатах он своей царской волей открывает церковный собор, впоследствии получивший имя Стоглавого, который мог бы стать, но не становится переломным в истории его сложного, многотрудного царствования, в истории русского государства и в истории русского православия.

В своем углу, в простенке между двух окон, молодой царь и великий князь сидит на престоле в глубоком молчании. Думный дьяк торжественно и напевно читает молодым царем и великим князем составленную загодя речь:

- Отец мой Макарий всея Русии и архиепископы и епископы и весь освященный собор. В предыдущее лето бил есми вам челом и с бояры своими о своем согрешении, а бояре такоже, и вы нас в наших винах благословили и простили. А яз по вашему прощению и благословению бояр своих в прежних во всех винах пожаловал и простил, да им же заповедал со всеми хрестьяны царствия своего в прежних во всех делех помиритися на

срок, и бояре мои все, приказные люди и кормленщики со всеми землями помирилися во всех делех. Да благословилися есми у вас тогды же Судебник исправити по старине и утвердити, чтобы суд был праведен и всякие дела непоколебимо во веки. И по вашему благословению Судебник исправил и великие заповеди написал, чтобы то было прямо и бережно, и суд бы был праведен и беспосулно во всяких делех, да устроил по всем землям моего государства старосты и целовальники, и сотские, и пятидесятские по всем градом и по волостям и уставные грамоты пописал. Се и Судебник перед вами и уставные грамоты, - прочтите и рассудите, чтобы было наше дело по Бозе в род и род неподвижимо по вашему благословению. Аще достойно, сие дело на святом соборе утвердив и вечное благословение получив, и подписати на Судебнике и на уставной грамоте, которой в казне быти. Да с нами соборне, попрося у Бога помощи во всех нужах, посоветуйте и рассудите и умножите и утвердите, по правилом Святых опостол и Святых отец и по прежним законам прародителей наших, чтобы всякое дело и всякие обычаи строилися по Бозе в нашем царствии, и при вашем святительском пастырстве, а при нашей державе, а которые обычаи в прежние времена, после отца нашего великого князя Василия Ивановича всеа Русии и до сего настоящего времени поизшаталися, или в самовластии учинено по своим волям, или прежние законы, которые порушены, или ослабно дело, небрегомо Божиих заповедей, что творилося, и о всяких земских строениях и о наших душах заблуждении, - о всем о сем довольно себе духовне посоветуйте и на среди собора сие нам возвестите, и мы вашего святительского совета и дела требуем и советовати с вами желаем, о Бозе утверждати нестройное во благо. А что наши нужи, или которые земские нестроения, и мы вам о сем извещаем. И вы, рассудя по правилам Святых апостолов и Святых отец, утверждайте во общем согласии вкупе, а яз вам, отцам своим, и с братиею, и со своими бояры челом бью.

Собственно, в своей хорошо обдуманной, заранее приготовленной речи Иоанн призывает услужителей церкви заложить правовые и нравственные основы прочного мира, ненарушимой справедливости по всей Русской земле, которые будут держаться не на каких-либо его самовольных, самовластных желаниях и приговорах, а на правилах Святых апостолов и Святых отцов, причем в первую очередь этих неоспоримых правил должны неукоснительно держаться сами служители церкви, чтобы затем проповедовать эти правила темным, склонным к попранию всех законов и к взаимной вражде прихожанам. Только неотступного следования этим бесспорным, общепризнанным правилам и требует он от собрания иерархов, от рукоположенных блюстителей православия, по наивности молодых своих лет и веры своей полагая, что кому же и следовать этим замечательным правилам, как не им, блюстителям и владыкам, что по этой причине они последуют правилам охотно и беспрекословно, предполагая, еще не изведав горьких опытов жизни, что блюстители и владыки еще будут ему благодарны за честные и открытые указания на повсеместное попрание этих ими же принятых правил и примутся так же честно, так же открыто восстанавливать попранные, едва ли не позабытые правила Святых отцов и апостолов по всем церквям и монастырям.

Он ошибается. Жестокое разочарование его ожидает. Столь представительный церковный собор противодействует всем его добрым намереньям с тем же эгоистическим, лукавым упорством, что и боярская Дума. Его вступительную речь выслушивают с покорным, но равнодушным молчанием, с его горькими укоризнами в адрес возмутительно разложившейся церкви, которых никто не оспаривает, потому что их невозможно оспорить, как будто и соглашаются, мол, да, кое-что в жизни церкви в самом деле разошлось с евангельской простотой, как будто принимают запреты против безобразий, против бесчинств, творимых в монастырях, но вдруг обнаруживается на освященном соборе, что православная церковь, без очищения которой ему не построить Святорусского государства, беспощадно непримиримая ко всякого рода инакомыслию, удивительно миролюбива, умилительно снисходительна к собственным, очевидным, намозолившим глаза прегрешениям, и принятые собором запреты оказываются большей

частью половинчатыми, даже двусмысленными, не столько преграждающими, сколько открывающими новые лазейки, какими пороки просачиваются и в церковную, и в монастырскую, и в повседневную светскую жизнь. Вместо доброго согласия церкви с царем и великим князем в деле строительства Святорусского государства на освященном соборе завязывается скрытая, искусно запутываемая, однако упорная, неуступчивая борьба, против кого? против изобличенного в пороках, растленного, избезобразившегося царя и великого князя? нет, борьба изобличенной в пороках, растленной, избезобразившейся церкви, погрязшей в грехе, начиная с митрополита и кончая последним монахом, против набожного царя и великого князя, загоревшегося великой идеей нового общества и нового государства, именно о чищенных от растления и греха.

Разумеется, освященный собор принимает Судебник без рассуждений, о чем и просил Иоанн, единодушным одобрением, единодушным согласием, однако не успевают высохнуть чернила писца, который исправно заносит на пергамент это решение, как выясняется, что именно церковь не испытывает ни малейшего желания следовать только что утвержденным статьям. Церковь стремится полностью освободиться из-под юрисдикции царя и великого князя, то есть отказывается от судебного разбирательства в соответствии с теми законами, которые сама же считает обязательными для всего Московского царства. Отныне игумены и архимандриты, совершившие светские преступления, должны представать перед судом митрополита или архиепископа, тогда как в прежние времена все светские преступления служителей церкви подлежали суду светского владыки, то есть царя и великого князя, что не может не привести к полнейшему невмешательству светской власти в дела церкви и соответственному увеличению власти митрополита.

По счастью, известно самому последнему дураку, что суд митрополита и архиепископа еще мздоимней, еще неправедней, чем суд наместников и волостелей, поставленных на должность царем и великим князем, и многие настоятели, многие попы и монахи сами просят оставить прежний порядок, то есть просят судить их светским судом. Иоанн тут же находится и охотно им уступает. В итоге простые попы и монахи, совершившие светское преступление, получают возможность выбирать между церковным и светским судом. Высшие иерархи попадают в не совсем удобную ситуацию, когда их подчиненные отказываются судиться у них. Он искусно использует замешательство иерархов, выхватывает из-под юрисдикции церкви все светское население, которое обрабатывает обширные церковные земли, около семисот тысяч землепашцев, звероловов и рыбарей, и утверждает старую формулу: «А кому будет чего искати на их монастырском прикащике и на слугах, и на монастырских крестьянах, ино их сужу яз, царь и великий князь». Таким образом, в этом важнейшем вопросе об юрисдикции митрополит и архиепископы выторговывают кое-что для себя, Иоанн, в свою очередь, выторговывает кое-что для себя, оберегая свое исконное право суда, и обе стороны остаются весьма и весьма недовольны друг другом. Освященному собору надлежит утвердить мир и согласие, тем не менее освященный собор взрыхляет почву для новой, еще более ожесточенной борьбы за власть между церковью и царем.

И это еще только начало. Приходит черед вопросам царя и великого князя, составленным в его уже обозначившейся манере, легко различимой, резко, порывисто, язвительно, колко, со всеми оттенками открытой, прямой укоризны. Вопросы, как и предыдущая речь, произносятся избранным дьяком, все так же торжественно, мерно, с холодным сердцем равнодушного исполнителя, с холодным лицом, отчего возникает впечатление своеобразное, неожиданное, поначалу даже ошеломляющее, заставившее освященный собор глухо, тревожно молчать.

Устами дьяка Иоанн вопрошает, угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если попы и монахи невежественны, и начальной грамоте не обучены, службы не знают, места занимать недостойны по всем уставам церковным, а места занимают, и занимают по мзде. На ком сыщется грех, если попы и причетники в церкви пьяны всегда,

без страха стоят, бранью бранятся, из уст их часто исходят неподобные речи, пьяными входят в святое место алтарь, иной раз бьются друг с дружкой до крови, отчего миряне, бесчинства их зря, гибнут душой и те же непотребства творят. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если попы и монахи стригутся не спасения ради, но ради покоя телесного, чтобы предаваться безделью, обжорству и пьянству. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если игумены и архимандриты свои должности получают по мзде. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если не знают ни Божьей службы, ни братства, ни общей трапезы, а покоят себя в своих кельях с гостями и тем пустошат монастыри. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если попы и монахи алчны, жадны, всячески неспокойны, одержимы всякими нужами. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если не радеют о Божьей церкви, о монастырском строении, о братстве, в котором обязываются жить все монахи. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если в монастыри даются на помин вотчины, села и прикупы, а в монастырях не прибывает новых строений, а старые строения приходят в негодность, в таком случае куда идут эти прибыли, кто всем этим корыствуется. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если из монастырской казны дают деньги в рост, когда Божественное Писание и мирянам возбраняет проценты. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если церковные службы разнятся в разных местах, где двуперстие, где троеперстие, где аллилуйя сугубая, а где трегубая, многие ошибки в книгах церковных, иконы пишутся кем ни попало и как кому в ум ни взбредет. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если монахи держат у себя отроков, без стыда принимают жен и девиц. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если монастыри, и без того пребогатые землей и доходом, не стыдятся требовать милостыни от царя и великого князя. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если богадельни, устроенные милосердием христианским, наполняются не престарелыми и недужными, а молодыми и здоровыми тунеядцами. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если многие монахи, монахини, даже миряне хвалятся какими-то пророчествами и сновидениями, скитаются из места в место со святыми иконами и требуют денег непристойно, бесчинно, будто бы на построение церкви. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если древние церкви пустеют, а новые воздвигаются не усердием к вере, а греховным тщеславием и скоро также пустеют от недостатка в попах, иконах и книгах. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если в нарушение уставов великих князей архиереи берут с попов за поставление и два рубля, и три, и четыре, а попы берут за венец с новобрачных, берут за исповедь, за крещение, за причастие, за погребение. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если служитель церкви украшается златом и бисером, плетением и шитьем, подобно жене. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если монахи и монахини имеют жительством один монастырь. Угодно ли Богу, а если не угодно, так на ком сыщется грех, если церковь отказывается вносить полонянные деньги, идущие на выкуп тех христиан, которые томятся в татарском плену?

В сущности, это риторические вопросы, поскольку ясно и без того, что все эти мерзости не угодны Богу и что грех сыщется на митрополите, на епископах и архимандритах, которых вопрошает царь и великий князь, замысливший создать Святорусское государство, и нечего дивиться тому, что прямота и ясность этих беспримерных, без сомнения, насущных запросов, заключающих в себе такие жестокие обличения, повергают митрополита, епископов и архимандритов в полное и долго не преходящее оцепенение. В записях, которые с должным тщанием ведутся исправным писцом, все первые сорок беспощадных запросов оставлены без ответов, точно освященный собор их не слышит или не ведает, что на них отвечать, поскольку освященный собор ничего не может ответить в свое оправдание и добровольно взять грех осквернения на себя.

Однако и двадцатилетний Иоанн никому не позволяет шутить над собой, характер у него отзывчивый, добрый, однако вовсе не мягкий. Возможно, именно в этом месте молодой царь и великий князь, всегда пылкий, со страстью относящ ийся ко всякому делу, теряет терпение, властным жестом прерывает размеренное чтение дьяка и в гневе вопрошает собравшихся грешников, отчего гробовым молчанием сковались их языки и что они все-таки могут ответить ему.

Поневоле приходится отвечать, однако что отвечать? Ведь это они постригаются не спасения ради души, а покоя ради телесного, свои места занимают по мзде, невежественны, едва умеют читать, знают службы спустя рукава, пьянствуют, в кельях держат отроков и разгульных девиц, дают деньги в рост и пускают по ветру доходы с вотчин и сел, которые даются им на срочное или бессрочное поминовение вдоволь погрешившей усопшей души. Признать так же открыто и ясно, что все это наипаскуднейший грех, бесстыднейшее попрание правил, завещанных Святыми апостолами и Святыми отцами? И при этом не сгореть от стыда? Никакая церковь никогда не решалась на такие признания, усердно тая свои прегрешения за толстыми стенами церквей и монастырей.

Понятно, что митрополит, епископы и архимандриты не горят от стыда и ничего не хотят признавать. Однако признаний требует царь и великий князь, и уже по тону запросов немудрено догадаться, что от ответов им не уйти. Лукавые, владеющие вредным искусством своекорыстного искажения истины, они ничего не оспаривают, понимая, что ничего оспорить нельзя, но отвечают весьма общими, весьма туманными фразами, в которых не содержится ни возражения, ни признания в том, что православная церковь в самом деле погрязла в постыдных грехах.

Иоанн настаивает. Тогда освященный собор пропускает мимо ушей все срамное, все непристойное, непотребное, вдребезги разрушающее самый фундамент вероучения и без особенной прыти, неспешно принимается обсуждать никого не затрагивающие, отвлеченные укоризны царя и великого князя, которые касаются форм и приемов богослужения. Принимают решение: троеперстие и трегубую аллилуйю под страхом анафемы запретить, повсеместно ввести двуперстие и аллилуйю сугубую. Впрочем, принимают вынужденно, формально, с явным равнодушием и к двуперстию и к аллилуйе, лишь бы отвязаться от навязавшегося на шею царя и великого князя, об исполнении решения никто не печется, и двуперстие по-прежнему соседствует с троеперстием, как трегубая аллилуйя соседствует с аллилуйей сугубой. Ничего не меняется, если никто не испытывает желания изменить.

Иоанн чутко улавливает этот дух сопротивления, дух желания оставить все осужденное им на привычных местах и поскорей разойтись, возвратиться к своим излюбленным питиям, возлюбленным отрокам и девицам, к такому удобному, такому уютному житию непросвещенных, темных людей, добровольно принявших на себя многотрудную миссию просвещать, нести свет заблудшим, по неведению бродящим и блудящим во тьме. Он требует определенных ответов и ясных решений самых коренных, самых насущных проблем, разлагающих церковную жизнь.

Митрополит, епископы и архимандриты мнутся, пускаются маневрировать, как всегда мнется и маневрирует схваченный за руку плут. Однако не им заморочить и одурачить его. Среди них он самый начитанный, самый образованный, самый безгрешный и умный, он легко распознает их малограмотные уловки, рассчитанные на простаков. Как свидетельствует расположение записей, он круто меняет ход обсуждения. Он больше не желает вопрошать в пустоте. Дьяк по-прежнему монотонно зачитывает его сорок первый запрос. Тут он прерывает слугу властным взмахом нервной руки и понуждает освященный собор отвечать. С этого места между царем и собором завязывается нечто похожее на диалог, то есть царь и великий князь запрашивает внятно, определенно, бескомпромиссно, а собор вертится, юлит и ловчит ускользнуть от прямого ответа.

Очень строго относящийся ко всему, что касается веры, Иоанн диву дается: можно ли закоснеть до такого упорства в грехе? Он, государь, человек светский, поставленный ведать устройством земным, облеченный тяжелой властью казнить и миловать, страшится хотя бы мысленно нарушить крестное целование, хотя бы на малую толику отступиться от клятвы, скрепленной обращением к Христу, тогда как лица духовные, добровольно принявшие сан, давшие клятву неукоснительно следовать заповедям Христа, заповеди Христа попирают, грешат каждодневно, утопают в непотребстве и смраде, но не только не отрекаются в омерзении, в ужасе от непотребства и смрада, а еще у него на глазах плетут хитроумные петли, чтобы непотребство и смрад сохранить и по-прежнему жить против заповедей Христа. Псы блюющие, свою блевотину стерегущие, как обязаны стеречь свою душу и чистейшей, без соринки, без пятнышка представить ее на Страшный, неподкупный, последний, непогрешительный суд, на котором спросят за все, могут спросить и за этот странный, умонепостижимый собор.

Роли царя и святителей странно меняются. Кажется, он нисколько не сомневается в том, что вот сейчас он усовестит этих преспокойно пребывающих во грехе церковных владык, как они усовестили его три года назад, когда он по их слову помиловал зачинщиков кровавого бунта, и они одумаются, как три года назад одумался он, покаются перед ним, как три года назад покаялся он перед ними, дадут крепкое слово перед ликом Христа жить в благочестии, в чистоте, как три года назад дал слово он, тоже перед ликом Христа, установить справедливость в Русской земле, и станут это слово держать, как держит он, противоборствуя не только желанию, но и очевидной необходимости смирять виновных опалами и смертной казнью казнить.

Не тут-то было. Заваривается какая-то несусветная чушь, наподобие известной ловли в ступе пестом. Благочестивые наставники в праведной жизни, обязанные твердо вести наши земные, явным образом заблудшие души одним им ведомой дорогой в пресветлое Царство Небесное, обязанные подавать нам пример праведной жизни, служить нам образцом, на его прямые запросы прямых ответов не желают давать. Нисколько не стыдясь перед ним, они запутывают самое очевидное дело, причем запутывают так топорно, так примитивно, так неискусно, что кругом белые нитки торчат, то ли откровенно не уважая его, то ли по небрежности, из нежелания снизойти до него, оттого, что в их глазах все это не более как причуда молодого царя, еще мальчика, то ли просто-напросто от недостатка ума.

Царь и великий князь заводит речь о распущенности как белого, так и черного духовенства? Пусть его тешится, молод еще. Поборники благочестия сетуют, что содомский грех сплошь и рядом прельщает непотребных мирян, и пускаются в пространные рассуждения о благотворном воздействии аскетической жизни, имея в виду не себя, а мирян, попутно задумываются над сложнейшей проблемой: если какая-нибудь монахиня вдруг заболеет, может ли ее исповедовать священник-мужчина?

Царь и великий князь недоволен вольностями и прямыми ошибками в иконописи? Ему отвечают, чтобы он поглядел, что творится в Кремле. Иоанн и глазом не успевает моргнуть, как извлекается жалоба Ивана Висковатого, дьяка, в которой благочестивый дьяк негодует, что в царских палатах писано неподобно, явным образом копая яму Сильвестру, ведавшему росписью царских палат: «написан образ Спасов да туто же близко него написана жонка, спустя рукава, кабы пляшет, а написано под нею: блужение, а иное ревность и иные глумления». Зацепившись наконец за подходящую тему, блюстители благочестия негодуют, тон поднимается, иерархи готовы браниться. Макарий берет под защиту Сильвестра, изъясняет доходчиво, что в картине не допущено никакого кощунства, поскольку она изображает порок, посрамленный Учителем. Все же в акты Стоглава помещается громоздкое описание неугодной картины, словно бы для того, чтобы проваландать как-нибудь время, и после, за неимением времени, ничего не решить.

Все-таки, как ни вертятся, к каким уловкам ни прибегают, блюстители благочестия испытывают на себе давление личности Иоанна, раздражительной, сильной, активной, не

склонной подчиняться чужому влиянию, не позволяющей никому шутить над собой и над своим положением царя и великого князя. Он повторяет самые неприятные, самые болезненные запросы и требует на них отвечать. Блюстителям благочестия приходится против желания находить сколько-нибудь, хотя бы по видимости, приемлемые ответы. На основании этих вымученных ответов они принимают уклончивые, половинчатые решения, исполнение которых либо невозможно совсем, либо в действительности даже вредно для положения церкви.

Без возражений, охотно и энергично соглашаются епископы и архимандриты преследовать малейшее отклонение от норм благочестия, если они должны преследовать прихожан, причем обнаруживается, против их воли, что в общем люди простые живут нравственной жизнью и всем ремесленникам, землепашцам, звероловам и рыбарям можно поставить на вид лишь невинные развлечения и неискоренимую приверженность к немудрящим, но поэтичным обрядам простодушной языческой старины, хотя эти обряды никому и ничем не вредят.

Однако блюстителей благочестия больше всего беспокоит именно эта приверженность к незатейливой языческой старине. Епископы и архимандриты вменяют в обязанность низшему духовенству искоренить эти прапрадедовские обряды как гнусность, наказывают приходским священникам наставлять, грозить, казнить эпитимией, не впускать в церковь ослушников, внушать прихожанам страх Божий, учить целомудрию, миру в соседстве, житию без ябеды, кражи, разбоя, лжесвидетельства и клятвопреступлений, точно все эти простые ремесленники, землепашцы, звероловы и рыбари только и делают, что убивают, воруют, строчат ябеды друг на друга, не умея писать, дают ложные показания, не имея нужды ни в светском, ни в духовном суде, и преступают крестное целование, в котором им необходимости нет.

Кроме того, мирянам предписывается обязательное ношение бороды, по смешной, однако для блюстителей благочестия чрезвычайно важной причине: по глубочайшему убеждению епископов и архимандритов, безбородый мужчина уподобляется женщине, вызывает в ближнем срамное желание и тем понуждает содомский грех.

Затем воспрещают мирянам невинные развлечения, начиная с игры в шахматы и наслаждения музыкой, кончая игрой в зернь, а представления скоморохов, любимое зрелище простонародья, прямо объявляются богопротивными.

Все тем же рядовым прихожанам запрещают входить в храм с главой непокрытой, вносить в алтарь мед, пиво и хлеб, исключая просфоры, и возлагать на престол так называемые сорочки, в которых иногда младенцы выходят на свет, точно вносить что-либо в алтарь или что-либо возлагать на престол они могут самовольно, без дозволенья попов.

Под страхом отлучения запрещают читать две единственные светские книги, которые имеют некоторое распространение в пределах строго охраняемого от светской науки Московского царства: «Аристотелевы врата», содержащие кое-какие сведения из астрономии и медицины, и «Шестокрыл», в котором помещены астрономические таблицы Иммануила Бен Якоба.

Под строжайший запрет попадает любое общение с иноземцами, дабы не оскверниться беззаконием препакостных европейских держав, не перенимать обычаев, что квалифицируется как преступление, за которое ослушников казнит православный Бог.

Иоанн ничего не возражает на эти гневливые строгости, его самого беспокоит упорная приверженность простого народа к седой языческой старине и руки он после общения с иноземцами тщательно моет, дабы не пристал католический дух, однако куда больше его беспокоят бесчинства и безобразия самого духовенства, как низшего, так и высшего, которое не столько способно наставить на путь истинный своим малограмотным словом, сколько своим прискорбным примером совращает с пути истинного простых прихожан, и он настойчиво предлагает блюстителям благочестия обратить свои законные строгости на самих же себя.

В ответ, помявшись и поюли в, епископы и архимандриты принимаются искоренять пороки низшего духовенства, однако в качестве первейшего средства для исправления более чем сомнительных нравов не измышляют ничего лучше ябеды, только что запрещенной простым прихожанам. Таким образом, по царскому велению, по благословению святительскому в приходские церкви назначаются протопопы, поповские старосты и десятские, обязанные строжайше следить, чтобы попы и дьяконы служили исправно, во храмах стояли со страхом и трепетом, читали Евангелие Златоу ста, жития, прологи, служили молебны о здравии царя и великого князя, не бранились, не сквернословили, пьяными ни в храм, ни в алтарь не вступали и не бились до кровопролития в этих местах, причем попы, предназначенные и словом, и делом учить прихожан благочестию, обязаны беспрекословно, под страхом отлучения подчиняться любому и каждому замечанию протопопа, поповского старосты и десятского, людей, предполагается, искусных в Писании, добрых и житием непорочных, а протопопы, поповские старосты и десятские об о всех провинностях попов и дьяконов обязаны доносить высшим церковным властям, тогда как попы и дьяконы, в свою очередь, обязаны доносить на протопопов, поповских старост и десятских тем же высшим церковным властям, так что для водворения благочестия в це ркви вводятся всеобщая слежка и повальный донос.

Затем, все-таки понимая, что неграмотные попы и дьяконы не могут читать ни Евангелия, ни Златоуста, епископы и архимандриты предписывают повсюду заводить школы для обучения чтению и письму, впрочем, не нынеш них, а будущих служителей церкви, однако обязанность содержать эти школы своим доброхотным пожертвованием вменяют самим попам и дьяконам, словно бы совестясь взять во внимание то всем известное обстоятельство, что низшее духовенство, обобранное духовенство м высшим, и без того живет в нищете, подчас непотребной и безобразной.

С увлечением обуждают и затем утверждают новые правила церковного пения, звона, литургии, службы утренней и вечерней, определяют строго блюсти, чтобы книги церковные и богослужебные вел ись без ошибок, а иконы списывались с древних греческих или с икон Андрея Рублева, причем этим святым делом дозволяется заниматься единственно тем, кто от иерархов и государя признаваем достойным, не одним только искуством иконописания, но и беспорочностью жизни.

В обителях вводят общую трапезу, инокам предписывают отослать от себя юных слуг, никаких женщин в кельи свои не впускать, пьянственных питий у себя не держать, жажду утолять квасом, для забавы не шататься по селениям и городам, а преступивших прави ла извергать из обителей и отлучать от святынь.

После такого рода решений может представиться, что епископы и архимандриты беспрекословно исполняют все пожелания молодого царя и великого князя, который, как выясняется, куда больше печется о благочестии, ч ем сами блюстители благочестия, и с готовностью принимают нововведения, которые он предлагает ввести, пользуясь деликатной формой запросов, однако они не затрудняют себя размышлением, что же именно заставит попов не драться, не вступать в алтарь пьяными, ч итать Евангелие и Златоуста, что заставит иноков обходиться квасом вместо вина, не водить к себе женщин, не шататься по селениям и городам, то есть не задумываются над тем, каким чудодейственным способом, кроме доноса, исполнятся эти нововведения.

Иоанн возмущен, что богадельни населяются вовсе не теми людьми, для которых эти богоугодные заведения предназначаются самим своим основанием - и епископы и архимандриты, точно были глухи и слепы до этого дня, принимают решение изгнать из богаделен всех здоровых и молодых тунеядцев, переписать больных и калек и вселить на освободившиеся места, наделить одеждой и пищей, расход средств поручить целовальникам, избранным из посадских людей, а инокам и попам оставляют лишь научение обитателей богаделен страху Божьему, пр ичастие да погребение этих несчастных, однако содержание означенных богаделен предается единственно

христианскому милосердию, а смотрителям прямо предлагается добывать пропитание хождением по дворам.

Помявшись, пожавшись, заказывают впредь чернецам и черни цам скитаться из места в место со святыми иконами и требовать денег на сооружение новых церкей, а не уймутся, отдавать иконы в прежние церкви, чернецов и черниц переписывать, распределять по обителям, отдавать здоровых телом в работы, немощных наделять оде ждой и пищей, на что надлежит жертвовать митрополиту, епископам и самому государю, точно в обителях каждый кусок на счету, так что в результате такого изворотливого решения испомещение бродячих чернецов и черниц становится для обителей источником новых дох одов, будто им не довольно расходов с обширных земель, с обширной торговли и ростовщичества.

Выслушав повторные упреки царя и велкого князя, устанавливают, что попов и дьяконов должны избирать прихожане, попов не моложе тридцати, дьяконов не моложе двадцати пяти лет, жития, естественно, нравственного, грамоте знающих, а как обнаружится, что худо знают чтение и письмо, так посылать по училищам, которые только еще надлежит учредить на средства тех же малограмотных, малоимущих дьяконов и попов, и тут же еписко пы и архимандриты охотно урезают денежное довольствие дьяконов и попов, определив за венчанье с новобрачных взимать по алтыну, за второй брак по два алтына, за третий брак по четыре алтына, а за крещение, исповедь, причастие и погребение вовсе не требовать мзды, между тем из этих жалких доходов выплачивать митрополиту и архиерею за поставление московский рубль и так называемую благословенную гривну и, словно в насмешку над обездоленными попами и дьяконами, приговаривают, что служителям церкви негоже украшат ь себя златом и бисером, плетением и шитьем, подобно жене, оставляя подобные украшения для одного высшего духовенства, приравненного, таким образом, к женам.

Наконец, блюстители благочестия осуждают торговлю церковными должностями, вымогательство со сторон ы вышестоящих церковных чинов и предписывают архиереям поставлять в игумены, в попы, в дьяконы, в ключари и в причетники даром, не требуя мзды, как до той поры у архиерев было в обычае, нисколько не задумываясь над тем, что впервые мздоимство и пьянство в среде духовенства было осуждено освященным собором еще два с половиной века назад, тем не менее мздоимству и пьянству не видно конца.

Решения этого рода, более рекомендательные, чем действенные, скорее походят на кость, которую собрание иерархов, точно в н асмешку, бросает молодому царю и великому князю, слишком к ним привязавшемуся, они слишком мало могут удовлетворить Иоанна. В каждом ответе на его укоризненные запросы, в каждом пункте, в каждой статье он чует сопротивление, которое ему оказывают епископы и архимандриты, не желающие расставаться со своими бесчисленными богатствами и обширными привилегиями, вступающими в прямое противоречие с заповедями Христа о бедности, о добывании хлеба в поте лица, о презрении к утехам жизни мирской, как понимает смысл э тих заповедей сам Иоанн.

Однако сопротивление иерархов вовсе не охлаждает, а лишь раздражает и воспламеняет молодого царя и великого князя, оказавшегося в положении едва ли не безысходном, поскольку третье поражение под Казанью не может не стать для него концом всех его притязаний, в первую очередь, концом самостоятельного правления, в сущности, еще не начавшегося. В этом собрании епископов и архимандритов он оказывается совершенно один, без поддержки, без сочувствия, без одобрения, хотя бы тайного, поскольку искушенный в делах церкви Макарий предусмотрительно не допустил на собор ни одного из ненавистных ему нестяжателей, которые одни могут одобрить стремление молодого царя и великого князя возвратить православную церковь к очистительной бедности раннего хр истианства. В одиночку сражается он за свое царское имя, за себя самого, за свое будущее, а с ним вместе и за будущее всего Московского царства, для которого настало долгожданное время навсегда положить предел набегам диких племен, набегам опустошительным и кровавым, обрести прочный мир и в

обстановке ненарушимого мира, как он мечтает, превратиться в Святорусское царство, что возможно лишь после обновления церкви, этого фундамента святости и христианской морали. В его пылкой, нетерпеливой душе поднимается гнев. Тон его запросов, вначале рассудительный, ровный, с каждым часом меняется, пока не становится колким, язвительным, нетерпеливым и нетерпимым. Он не убеждает, не уговаривает, не обличает, он требует от собрания блюстителей благочестия, чтобы церковь, по крайней мере, поделилась с терпящим бедствие государством.

Как ни уклоняются блюстители благочестия от обсуждения этого самого больного вопроса, то бишь пристало ли церкви приобретать, продавать, давать деньги в рост, все-таки приходит черед и кабальных процентов, и неоплатных долгов, на погашенье которых князья и бояре все чаще в последнее время передают монастырям свои вотчины, таким образом не только подчас впадая в крайнюю бедность, что Иоанна не особенно огорчает, но теряя бесценную, в его глазах, боеспособность, ради которой они и наделяются вотчинами и ради которой Иоанн берется их защищать от корыстолюбия бессовестных иноков.

В сущности, на коварный вопрос о кабальных процентах погрязшим в ростовщичестве иерархам нечего возразить, они и не пытаются возражать, хорошо понимая, что любые проценты на суммы, данные в долг, противоречат идее христианства о святости бедности и о братской любви. Епископы и архимандриты заминают эту неприятную, опасную тему, самую идею ростовщичества обходят благоразумным молчанием, оставляют в стороне громадные проценты, которые они дерут с князей, с бояр и с дворян, естественно, главнейших своих должников, разоренных до того, что выходят в поход без панциря и с одним кистенем, и соглашаются обсудить лишь копеечные долги своих арендаторов, сидящих на монастырской земле. Своим арендаторам они готовы давать деньги в долг без процентов, однако за такую изворотливую уступку они требуют куда более серьезных уступок от молодого царя и великого князя, только что воспретившего, об этом есть статья в новом Судебнике, обращать в холопы неоплатного должника, этой статьей останавливающего начавшийся было процесс прикрепления землепашцев, звероловов и рыбарей к владельцу земли, они выпрашивают у него скромное, на первый взгляд, право лишь вносить в писцовые книги имена должников, отлично зная по опыту, что написанное пером не вырубишь топором и что запись сама по себе уже прикрепляет должника к владельцу земли и, таким образом, публично обводят вокруг пальца молодого царя и великого князя, и молодой царь и великий князь, пока еще не улавливая, где тут собака зарыта, соглашается на обмен такими уступками, и монастыри становятся родоначальниками крепостного права на Русской земле.

В том, куда деваются прибытки от дареных сел и от прикупов новых сел и земель, кто ими корыствуется, и достойно ли иноков впутываться в бесчестные тяжбы о праве владения спорной или прямо неправедно приобретенной землей, Макарий просто-напросто не почитает нужным отчитываться, поскольку не может не знать, какие хищнические доходы получает он сам и с какой стремительностью разрастаются владения митрополичьего дома, а следом за ними разрастаются владения и доходы своекорыстных святителей. Чтобы ликвидировать самый корень запроса о доходах и землях, по его указанию зачитывается не один десяток будто бы исторических документов, разъясняющих те основания, отчего-то упущенные составителями Евангелия, на которых покоится неприкосновенность церковных имуществ, среди них так называемая грамота императора Константина римскому папе Сильвестру, о подложности которой Макарий, возможно, не знает, ярлык хана Узбека митрополиту Петру, тоже поддельный, состряпанный в канцелярии митрополита, послания православных святителей, среди которых, естественно, не оказывается ни одного послания нестяжателей, в особенности самое свежее послание новгородского архиепископа Феодосия, объявившего святотатцами всех, кто попытается освободить церковь от ее недвижимого имущества, после чего, облегченно вздохнув, епископы и архимандриты единогласно принимают

решение, которым воспрещается кому бы то ни было владения церкви восхитить или отъять, причем каждому посягнувшему на владения церкви грозит отлучение, то есть, в переводе на реальный язык, отлучение грозит молодому царю и великому князю, который с тем и собрал епископов и архимандритов, чтобы они своей волей поделились с казной своими имуществами.

В итоге, Иоанн остается ни с чем. Может быть, он еще тешится слабой надеждой, что, внявши наставленьям собора, православное духовенство само собой очистится от скверны порока и поселит в душах своих благочестие, а по делам и примеру православного духовенства благочестие затеплится и в душах многих русских людей, все еще твердо приверженных возлюбленной языческой старине, без чего не видать никакого Святорусского царства. Но он не получает от церкви земельных угодий, необходимых для прокормления дворянского воинства, чтобы оно по первому зову выступало в поход конно, людно и не с пустыми руками, с воодушевлением и жаждой победы, а не безучастно и с многими нетями, также не получает и денег, необходимых для литья пушек и вооружения стрелецкой пехоты, без которой, как он дважды убедился на опыте, никакую крепость не взять. Дьяк Иван Выродков со товарищи уже валит под Угличем тысячелетние сосны и готовится по весне заложить русскую крепость на речке Свияге, а ему в третий раз предстоит вести под Казань все те же плохо вооруженные, скверно организованные полки, тогда как у него уже не остается права на поражение. Либо он победит, либо подручные князья и бояре вновь оттеснят его на задворки кремлевских палат и бросятся грабить Русскую землю, как в плачевные времена его сиротливого детства.

НАПРЯЖЕНИЕ

Иоанн сознает, что он кругом прав - и как государь, и как верующий христианин, и что его провели. В его положении государя, затеявшего трудную, затяжную войну, необходимо сосредоточить в своих руках все наличные средства Русской земли и на эти средства создать боеспособную, несокрушимую армию, и если громадные средства в нарушение евангельских заповедей перекочевали в монастыри, где они употребляются без всякого толку, большей частью на чревоугодие, распутство и пьянство, то он прямо обязан в интересах Русской земли, которую необходимо оберечь от разбойных набегов кочевников, эти громадные средства хотя бы частично изъять. Как верующий, получивший первоначальное воспитание под руководством митрополита Иоасафа, достаточно хорошо знакомый с историей христианства, он убежден, что инокам и попам недостойно жить порочной жизнью, соблазняя мирян, вымогать привилегии, стяжать или прямо захватывать земли захватом, жить корыстно, давать деньги в рост под чудовищные проценты, прибирать к рукам в счет погашения долга недвижимое имущество должника, пускать по миру вдов и сирот, и тоже прямо обязан изъять эти громадные средства в интересах самой церкви, которой только бедность воротит ее первоначальную чистоту.

И кто ему станет препятствовать, если он решится эти громадные средства изъять? Сама церковь? Но православная церковь оттого с таким постоянным смирением покорствует власти царя и великого князя, что без этой власти не в состоянии себя защитить. Землепашцы, звероловы и рыбари, которые насыщают прожорливых иноков своими трудами? Землепашцы, звероловы и рыбари с удивительным постоянством бегут с монастырских земель, кто на вольную волю в казачьи станицы, кто в бесприютные гулящие люди, лишь бы подальше от слишком жадной, слишком корыстной, слишком тяжелой монастырской руки, так что в иных монастырских владениях стоит пустыми треть деревень. Непокорные, вечно готовые к смуте князья и бояре, которые чуть не все должны монастырям больше, чем могут уплатить даже потерей всех своих вотчин? Князья и бояре рады радешеньки избавиться от долгов и сохранить, тем более возвратить свои вотчины, отшедшие монастырям за долги. Дворянство, больше половины которого

довольствуется третью четвертью, а то и десятой частью надела, тогда как монастырям принадлежат обширные пашни, ловли, луга и тысячи деревень? Дворянство будет благодарно царю и великому князю, который за счет монастырских земель обеспечит каждому воину полный надел.

Тогда что удерживает его от прямого насилия? Молодость, неуверенность в себе еще только подступающего к подлинной власти правителя? В какой -то мере и то, и другое. Но еще более удерживает уже пробужденная трезвость политика. Он сознае т, что было бы чистейшим безумием восстанавливать церковь против себя в тот момент, когда ведется война с басурманами, когда именно идеей православия он пытается вдохновить свое довольно шаткое воинство, когда в мечтах ему грезится Святорусское царство. К тому же, церковь грозит ему отлучением за малейшее посягательство на недвижимость монастырей, а отлученный он не царь, не великий князь а, по всей вероятности, труп.

Его сильный, энергичный, изворотливый ум с поразительной быстротой отыскивает иное решение, мудрое, почти безболезненное и потому приемлемое для обеих сторон. Как только для него становится очевидным, что любостяжатели, возглавляемые митрополитом Макарием, не дадут ему ни копейки на войну с басурманами, он опирается на авторитет нестяжателей. Правда, нестяжателей к тому времени остается немного. Любостяжатели изгоняют их отовсюду как своих непримиримых врагов. К тому же эти проповедники истинного благочестия мужественно отвергают всякую мысль попользоваться чем -нибудь от мирян и живут единственн о трудами собственных рук, а руки у них оказываются мало - приспособленными к труду, отчего их повседневную пищу составляет овсяный несеяный хлеб, суп из капусты да рябина с калиной, под видом одежды они носят лохмотья, а достояние у них куда меньше, чем дос тояние нищих, кормящихся милостыней, так что аскетическим мытарствам в глухих северных пустынях многие иноки предпочитают благоустроенные обители, в которых сытно и пьяно, в которых сотни землепашцев, звероловов и рыбарей предоставляют им труды своих нестя жательных рук.

И все же авторитет этих затерянных в заволжских дебрях пустынников, этих аскетов, фанатически преданных незамутненной евангельской истине, стоит высоко даже в среде самых слабодушных любостяжателей, а простые люди, всегда сердобольные к любо му несчастью, относятся к ним с состраданием, поскольку видят, что нестяжатели, добровольно обрекающие себя на крайнюю бедность, безусловно честны и чисты, благочестивы и благородны, бесхитростны и безобидны. Немудрено, что некоторые из них пользуются куда большим уважением, чем сам митрополит и развращенные иерархи.

Понятно, что, не найдя понимания у митрополита и иерархов, Иоанн за помощью обращается к униженным и гонимым, заранее увереный в том, что нестяжатели безусловно поддержат его. Еще продолжаются лукавые, сложные, не без притаенной враждебности прения между молодым царем и святителями в кремлевских палатах, а гонцы скачут в Перфильеву пустынь к знаменитому старцу Артемию, к ростовскому епископу Алексею, везут на просмотр запросы молодого царя и вел икого князя, первые ответы на них епископов и архимандритов, и просят этих широко известных вождей нестяжательства высказать свое мнение в собственноручных грамотах на имя царя и великого князя, и этим мнением Иоанн до того дорожит, что в Троицкий Сергиев монастырь к бывшему митрополиту и своему первому воспитателю отправляет Сильвестра.

Вожди нестяжателей одобряют намерение молодого царя и великого князя возвратить раздобревшие обители к благородной бедности раннего христианства и через бедность, через труды собственных рук привести иноков к благочестию, к беспорочному житию, а на запрос, из какого источника черпать средства на выкуп русских пленных из басурманского рабства, Иоасаф отвечает соверешенно определенно:

«О искуплении пленных, чтобы не с сел имат и тот окуп, иматичи бы окупы из митрополичи и из архиепископли, и изо всех владычных казн, и с монастырей со всех, кто чего достоин, как, государь, ты пожалуешь, на ком что велишь взяти».

Не менее определенно вожди нестяжательства осуждают владение селами, ростовщичество и торговлю монастырей, однако эти сугубо мирные люди, твердые проповедники ненасилия, противники насилия в любой его форме, своеобразные предшественники Льва Толстого, остерегают царя и великого князя от принуждения с его стороны, от властного захвата монастырских земель, полагая, что игумены и архимандриты сами собой, своим разумением, восприятием в душу истинной сущности Божественного Писания должны отказаться от корыстолюбия и любостяжания, от сел и земель, от сладчайшей жизни чужими трудами.

Призывы к ненасилию не расходятся с намерениями самого Иоанна. Молодому царю и в голову не приходит начать войну против церкви, как воюют лютеране и гугеноты в Европе. Его не прельщает и удачный пример английского короля, в один прекрасный день объявившего себя единственным главой национальной церкви и на этом простом основании забравшего в государственную казну все монастырские земли, попутно упразднив и сами монастыри, с чего и началось стремительное процветание Английского королевства. Иоанн, опираясь на аворитет нестяжателей, рассчитывает получить хотя бы часть монастырских земель и все те доходы, которые отняты у него бесчестными и бессчетными монастырскими привилегиями.

1 мая 1551 года, уже своей собственной волей, лишь из приличия и в знак примирения ссылаясь на согласие митрополита и всех иерархов, он вписывает в решения стоглавого собора в качестве новой статьи письмо Иоасафа о полонянных деньгах, отбирает все монастырские земли, пожалованные в смутные времена его малолетства, прекращает пожалования из царской казны и без того богатым монастырям, возвращает владельцам их вотчины, незаконно присвоенные монастырями, наконец 101-й статьей, маия в 11-й день, ограничивает, почти останавливает приобретение новых земель:

«Царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Русии приговорил с отцем своим с Макарием митрополитом всея Русии, и с архиепископы, и с епископы, и со всем собором: что впредь архиепископом, и епископом, и монастырем вотчин без царева ведома и без докладу не покупати ни у кого, а князем и детем боярским и всяким людем вотчин без докладу им не продати же, а кто купит и кто продаст вотчину без докладу, и у тех, кто купит, деньги пропали, а у продавца вотчина, а взяти вотчина на государя и великого князя безденежно. А которые люди наперед сего и по ся места вотчины свои давали в монастыри по своих душах и родителей своих по душам в вечный поминок, или которые впредь учнут потому же вотчины давати в вечный же поминок, и тех вотчины у монастырей никому не выкупати».

Казалось бы, епископы и архимандриты все как один должны восстать против таких чувствительных и необратимых потерь, однако Иоанн очень просто и безболезненно смиряет их неправедный гнев: он не касается земель и доходов митрополичьего дома и митрополит, получив эту посильную мзду от царя и великого князя, прехладнокровно отворачивается от тех, кого только что, с таким обилием подставных аргументов, так настойчиво защищал.

Возможно, кое-кто из иерархов все-таки возражает, причем из самых сильных, самых богатых и потому особенно влиятельных и опасных. Иоанн, только что так изворотливо напавший на земельные владения церкви, тотчас переходит в нападение и на некоторых ее представителей, и Макарий, такой же самодержавный монарх в делах церкви, каким самодержавным монархом Иоанн намеревается стать в делах государства, без единого возражения выдает их молодому царю головой. Феодосия, автора послания, в котором святотатством именовалось любое отторжение монастырских земель, задерживают в Москве и низводят с архиепископской кафедры, а на его место в Великий Новгород отправляют близкого к нестяжателям Серапиона. В те же дни из Пафнутьевой пустыни спешно доставляют старца Артемия и поселяют в келье Чудова монастыря. Для задушевной беседы с Артемием Иоанн отправляет Сильвестра, и в письме к Иоанну Сильвестр удостоверяет, что проповеди Артемия ни в чем не расходятся с канонами

христианства, после чего Артемия назначают настоятелем в Троицкий Сергиев монастырь, где он сменяет ярого любостяжателя; затем, челобитьем Артемия, поставляют игуменом Спасо-Ефимьева монастыря, богатейшего в Суздале, его ученика и сподвижника Феодорита.

Поставив в нескольких ведущих епархиях и монастырях нестяжателей, заранее заручившись их безусловной поддержкой, Иоанн в том же мае 1551 года предпринимает общий пересмотр всех жалованных грамот, когда-либо данных как церковным, так и светским землевладельцам. Подготовленная загодя, после нескольких попыток и проб, эта новая проверка проводится организованно и широко, как событие значительной государственной важности, с заблаговременным уведомлением владельцев тарханов, чтобы они были готовы к проверке, причем на этот раз, по всей видимости, проверка производится без Алексея Адашева, поскольку свои подписи под просмотренными и справленными тарханами ставят дьяки Юрий Сидоров и Кожух Кротский.

Безоговорочно подтверждаются все жалованные грамоты на малозначительные, второстепенные привилегии, выданные главным образом еще дедом и отцом Иоанна. Ограничительно подтверждаются грамоты, освобождающие от уплаты посошной дани, ямских денег, тамги и мыта, выданные, главным образом, в правление его матери, в несчастные годы боярского своевольства. Все грамоты, не получившие подписи Сидорова и Кротского с мая по сентябрь 1551 года, утрачивают свою охранную силу.

Реформа податного обложения проводится продуманно и в защиту государственных интересов, всюду упраздняя те привилегии, которые стесняют и обедняют казну. Привилегии монастырей, расположенных в городах, отменяются полностью, так что в городах все пошлины становятся царевы. Естественно, стараниям и нестяжателя старца Артемия полностью утрачивает свои привилегии Троицкий Сергиев монастырь, и без того богатый сверх всякой меры. Отныне все монастыри уплачивают в казну ямские деньги, тамгу, посошные люди, мыт, а в ряде случаев также полонянные и пищальные деньги, причем для монастырей устанавливается жесткая норма с шестисот четвертей пашни, тогда как дворянин платит полонянные и пищальные деньги лишь с восьмисот (круче бремя даней и пошлин падает только на черносошных крестьян, которые те же деньги платят с пятисот четвертей).

Это еще не победа, ему еще придется не раз отступать, наделять привилегиями и снова их отбирать, но все же в этот переломный момент он получает назад разграбленные в период боярского самовластья владения, что дает ему возможность увеличить дворянское ополчение, получает назад также деньги с даней и пошлин, которые можно пустить на литье пушек и на содержание стрелецкой пехоты.

События торопят его. В том же знаменательном мае возвращается его посланник Яков Остафьев, и возвращается не один. Будучи в Кракове, покорный воле молодого царя и великого князя, Остафьев отказывается принять королевскую грамоту на имя всего лишь великого князя. Так вот, вместе с ним этот оскорбляющий царское достоинство документ везет Гедроит, полномочный представитель польского короля и литовского великого князя.

Иоанн собирает подручных князей и бояр и вопрошает, как два года назад, пригоже ли поносную грамоту взять, раз уж Яков не взял ее в Кракове, и вновь, как два года назад, подручные князья и бояре не поддерживают его в столкновении с королем, упрямо твердя, что необходимо додержать до урочных лет перемирие с поляками и с Литвой, приговаривают грамоту взять, хотя, после того как Остафьев от нее отказался, такой приговор еще более роняет престиж молодого царя и великого князя. Иоанну удается настоять лишь на том, чтобы в ответной грамоте прописать польского короля Сигизмунда Августа единственно великим князем литовским, по его же примеру сославшись на старину: мол, ты сам не извечно на королевстве, прародители твои были на великом княжении и великими князьями писались.

Это оскорбительное послание Иоанн вручает с подчеркнутой сухостью: не принимает привезенных подарков, на пир к себе не зовет, руки целовать не дает, что на языке посольского этикета означает его крайнее неудовольствие. Несколько испугавшись, что его неприкосновенность будет нарушена, Гедроит берет грамоту с таким недостойным поименованием его государя, но, едва оставив Москву, на втором яме, бросает ее со словами, что за такую грамоту ждет его казнь от его короля.

Иоанн понимает то, что подручные князья и бояре понять не хотят: рано или поздно предстоит война за исконные русские земли с Литвой. Польский король, он же литовский великий князь, не признает его право именоваться царем не из одних королевских капризов, а, главным образом, потому, что признание царского имени на основании прямого родства с Мономахом неминуемо ведет к признанию его права на древние русские города, удерживаемые польским королем и литовским великим князем, как непризнание Сигизмунда Августа польским королем означает отрицание его права на те же древние русские города. Когда разразится война? Неизвестно. Война может разразиться в любой день и час. Чтобы отодвинуть ее на неопределенное время, нужны не двусмысленные уступки подручных князей и бояр, нужно как можно скорее покончить с беспокойной Казанью и победой над давним и сильным врагом продемонстрировать свою возросшую силу, обезопасить себя от коварного внезапного нападенья с востока, получить время для подготовки победоносного похода на запад, ибо чаще одерживает победу тот, кто хорошо приготовился и выступил первым.

И он не теряет времени даром. Он готовит казанский поход. Пушечных дел мастера отливают новые осадные пушки. Стрелецкой пехоте устраиваются учения, каких не знает дворянское ополчение. Он разыскивает мастеров, знакомых с успешным проведеньем осад, русских мастеров не находит, поскольку русское конное воинство привыкло брать крепости либо измором, либо наскоком, отыскивает немецкого мастера, дает ему в помощь русских учеников, разрабатывает с ними план стремительной и беспримерной осады Казани.

В те же дни являются посланцы ногайского хана Юсуфа, отца Сююнбеки, деда малолетнего Утемиш-Гирея. Хан Юсуф предлагает свою дочь, вдову Сафы-Гирея, отдать в жены хану Шиг-Алею, давно перебежавшему на московскую службу, с тем, чтобы этим неожиданным браком скрепить дружбу между Москвой и Казанью и учредить мир на вечные времена. Иоанн отвечает уклончиво, что ответ даст тогда, когда в Москву прибудут вельможи казанские, надеясь проволочкой удержать беспокойных татар от разбоя, а тем временем отдает приказы полкам.

С прежними оголтелыми наскоками на казанскую крепость покончено. Он действует осторожно, обдуманно, с расчетом, так направляя полки, чтобы скрыть движение каравана белозерских ладей, которым сплавляется целый город вниз по Волге к Свияге. Для охраны каравана, погрузки и разгрузки выдвигается целое войско со многими знатными воеводами, показавшие под Казанью всю меру своей постыдной бездарности. Передовой полк ведут князь Петр Булгаков и окольничий Карпов, большой полк у князя Юрия Булгакова-Голицына-Патрикеева и Данилы Захарьина-Юрьева, брата царицы, полк правой руки доверяется конюшему Федорову и князю Дмитрию Палецкому, с полком левой руки идут боярин Морозов и князь Нагаев, сторожевым полком командуют боярин Хабаров и окольничий Карпов.

В его глазах все это люди малонадежные, неумелые полководцы, его постоянные супротивники в Думе. Ни на одного из них не решается он вполне положиться и, точно в насмешку над ними, общее командование походом отдает татарину Шиг-Алею, а с ним отпускает пять сотен конных татар из Касимова, скорей всего для охраны, на случай, если воеводы затеят новую склоку или прямо вздумают бунтовать.

Пока дворянское ополчение нагружает ладьи сработанными за зиму срубами башен, стен, церквей и жилых изб и движется вниз по реке, отряды служилых казаков Бехтеяра Зюзина стремительно и без лишнего шума занимают все перевозы на Каме, Волге и Вятке,

чтобы задерживать всех идущих из Казани или в Казань и тем оберечь тайну плывущего каравана. Одновременно с юга от Мещеры степями на Волгу пробираются служилые казаки атаманов Северги и Елки, которым надлежит ниже татарской столицы построить ладьи и двинуться вверх на Казань, всего две тысячи пятьсот человек.

Самые надежные полки с Семеном Микулинским, Федором Адашевым, отцом Алексея, Петром Серебряным-Оболенским и Федором Ромодановским идут из Москвы привычной дорогой к Нижнему Новгороду. От Нижнего Новгорода Петр Серебряный -Оболенский, взяв один полк, стремительным маршем является под Казанью, побивает в посаде многих сонных татар, немногих живых берет в плен, отполонивает, сколько может, русский полон и, не мешкая, не давая татарам опомниться, возвращается к Нижнему Новгороду.

План удается на славу. Казань не подозревает о намерении московского царя и великого князя. Караван Шиг-Алея и Выродкова достигает устья Свияги 24 мая, на день всех Святых, в самое подходящее время, должно быть, заблаговременно рассчитанное в Москве: разлив Волги, Свияги, Щуки и озера Щучьего затапливает плоскую равнину в глубине на несколько метров, так что гора Круглая на неделю-другую превращается в остров и ладьи пристают к ней беспрепятственно, плывя легко, точно по морю.

Вся поверхность горы, приблизительно сто пятьдесят десятин, покрыта девственным лесом. Войско, предводимое Шиг-Алеем, около десяти тысяч воинов, тотчас берется за дело. Валят лес топорами, в несколько дней очищают пространство будущей крепости, поют молебен, святят воду, обходят с иконами по всей окружности будущих стен, ставят стены, возводят башни воротные и башни глухие, закладывают церковь Рождества Пресвятой Богородицы, готовят избы для воинов гарнизона, амбары для хлеба и пороха, и четыре недели спустя на прежде бесплодной горе возвышается русская крепость, стены которой на восемь метров поднимаются над обрывами - неприступная, грозная, наводящая ужас не одной прочностью, но самой дерзостью замышления.

В суеверных умах язычников нагорного правого берега Волги, черемис, чувашей, мордвы, эта чудом вознесшаяся твердыня, поднявшая ввысь верхи башен, купол храма и крест, превращается в вещественный символ могущества московских пришельцев. Подвластные татарам, обложенные непосильным ясаком, они не имеют важных причин подниматься на защиту Казани. Но и с русскими они враждуют давно, частенько пограбливают восточную сторону царства, затворяют пути на Урал, время от времени переходят на московскую службу и скоро ей изменяют, тем не менее, всякий раз, когда обстоятельства и переменчивость нрава принуждают их обратиться к русским за помощью, эти наивные племена находят радушный прием и забвение прежним предательствам.

Вид грозной крепости вновь приводит нагорные племена на московскую сторону. Они бьют Шиг-Алею челом, чтобы взял их под руку московского государя, простил прежние их прегрешенья, их селенья и земли воевать не велел, определил ясак полегче татарского и указал, как им жить. Шиг-Алей своей волей ничего не решает, тем более подчиненные ему воеводы, и депутацию нагорных племен спешно отправляют в Москву.

Едва выслушав коленопреклоненные моления нежданных посланцев, Иоанн своим острым чутьем, так рано обозначившимся под давлением слишком крутых обстоятельств, улавливает те внезапные преимущества, которые он получает без боя, без пролития крови людской, одним возведением сильной крепости в угрожающей близости от Казани, в нужном месте и в нужное время. Во-первых, к нему сама собой переходит чуть ли не половина Казанского ханства, что само по себе серьезно ослабляет татар. Во-вторых, с этой половиной татары теряют хоть и нестойких в сражении, однако злых, отчаянных воинов, в особенности искусных лучников из черемис. В-третьих, татары теряют обильный ясак, то есть деньги, без которых, как он успел убедиться на опыте, не ведется никакая война. Разумеется, стольких горьких потерь не выдержит беспредельно корыстолюбивое татарское племя, в осбенности ханы и мурзы, и без того плохо ладящие между собой, между ними заварится новый раздор, что, без сомнения, окончательно

погубит татар, поскольку губительную отраву раздоров он на своих подручных князьях и боярах хорошо изучил.

И он, только что грубо и жестоко обошедшийся с представителями спесивого, постоянно его унижающего польского короля, подчеркнуто милостиво принимает поволжских посланцев, дает руку, принимает дары. Он требует от них клятву верности, они охотно клятву дают, и он жалует нагорные племена царской грамотой, привешивает к ней золотую печать, позволяет приписаться к Свияжску, на три года вовсе прощает ясак, щедро одаривает, приглашает к столу и тем упрочивает их естественное желание мирно жить в пределах Московского царства.

Своим воеводам, хлопотавшим в Свияжске, он жалует европейские золотые монеты, которые в Московском царстве служат медалями, поскольку не имеют хождения в качестве денег, а с медалями отправляет приказ привести все нагорные племена к присяге на верность, переписать ясачное население и отобрать среди черемис несколько тысяч лучников на царскую службу. Племена безропотно принимают присягу, меняя суровое татарское подданство на милостивое московское. Вожди и старейшины черемис, чуваш и мордвы сотнями спешат явиться в Москву, чтобы лично засвидетельствовать свою нерушимую преданность московскому государю. Иоанн щедро одаривает новых подданных доспехами, тканями, шубами и конями, без счета сыплет золото и серебро, миром и щедростью покупая союзников прямо под носом Казани.

Еще одна мудрая мысль осеняет его. Ему представляется, что наступил тот счастливый момент, когда так же миром, бескровно, одним постоянным давлением можно покорить и Казань, что заставит присмиреть и одуматься не только собственных подручных князей и бояр, но и заносчивого польского короля и литовского великого князя. Для такого давления мало одного отложения нагорных племен от Казани. Потери потерями, однако они пока что ощущаются слабо, татары почувствуют потеряю ясака и подданных какое-то время спустя, когда войко ослабнет, когда истощится казна. Куда более наглядное и сильное впечатление произведет удар по Казани, нанесенный ей нежданно-негаданно ее вчерашними налогоплательщиками.

Шиг-Алей получает царский указ. Набирает воинов среди нагорных племен и перевозит на московских ладьях под Казань. Татары высыпают навстречу. Завязывается упорная сеча, и пока в ход идут сабли и стрелы, чуваши и черемисы мало чем уступают татарам. Тогда татары выволакивают из крепости пушки и открывают пальбу. Сами по себе мелкие ядра наносят мало вреда, однако гром кононады приводит в ужас далеких от цивилизации язычников, и эти воины, бесстрашные минуту назад, разбегаются в панике, оставив на поле сражения с полсотни пленных и около сотни убитых.

На большее едва ли и можно было рассчитывать, затевая эту скороспелую, скоротечную, на живую нитку подготовленную стычку, одну из многих, которые неизменно завершаются в пользу татар. Однако на этот раз незначительный эпизод имеет серьезные, к тому же предвиденные последствия. Смятение охватывает Казань. Крымские татары под предводительством хана Кащака, любовника Сююнбеки, бряцают оружием и клянутся в ближайшие дни перерезать русских собак, но немного задерживаются, поскольку прежде резни недальновидный, вздорный Кащак соблазняется учинить очередной заговор, один из тысяч, подточивших Казанское ханство, смысл которого в том, чтобы жениться на Сююнбеке, зарезать ее сына Утемиш-Гирея и попользоваться бесконтрольной властью в Казани. Правда, и тут у него на пути возникают преграды. Набег черемис возбуждает окрестных чуваш. Вооруженные, дерзкие, они являются перед дворцом, грозятся зарезать Кащака и крымцев и требуют бить челом Иоанну, чтобы взял Казань под свою государеву руку, справедливо предполагая, что русская власть снисходительней и разумней татарской.

У вознегодовавшего хана Кащака достает храбрости разделаться с назойливыми чувашами по-татарски, то есть устроить резню. Менее закаленные в подобных свалках чуваши, естественно, разбегаются, и все-таки дух мятежа распространяется подобно

степному пожару. Ропщут рядовые татары, которым давно осточертели бесконечные раздоры в верхах. Рядовые татары, подобно всем рядовым, тоскуют по порядку и миру и требуют от казанских ханов и мурз вступить в переговоры с Москвой, угрожая неугодным крымским пришельцам, кичливым и наглым, расправой. Наиболее ретивые из казанских ханов и мурз, посчитав, что под их бунчуками не более двадцати тысяч воинов, шлют за помощью в Астрахань, к ногаям и в Крым, не допуская сомнения в том, что братья по крови и вере непременно помогут против христианской Москвы, тогда как братья по крови и вере только и думают, как бы с них шкуру содрать. Наиболее трезвые из казанских ханов и мурз, тоже кое-что подсчитав, пооглядевшись вокруг, обнаружив, что на этот раз русскими перекрыты все подступы, все степные пути, по которым могли бы подойти и ногаи, и астраханцы, и крымцы, склонны вступить в перговоры с Москвой, однако из осторожности медлят, справедливо опасаясь крымских головорезов Кащака. Самые трусливые, самые подлые из казанских ханов и мурз тайком перебегают на московскую сторону, бросая своих братьев по крови и вере в беде.

Не успевает хан Кащак оглянуться, а уж против него вся Казань. Вчерашний головорез внезапно испытывает панический ужас, почуя коварный нож у себя за спиной. Ему удается собрать три сотни верных сторонников. Его сторонники наскоро грабят ханский дворец и, бросив жен и детей, Сююнбеку и Утемиш-Гирея, прорываются из Казани на север, вероятно, рассчитывая перевалить за Урал и уйти к братьям по крови и вере в Сибирское ханство. Русские захлопывают капкан, заблаговременно поставленный на хищного зверя. Воевода Зюзин, извещенный постами, достойно встречает беглых татар. Большая часть отряда Кащака перебита. Сам Кащак и сорок пять его верных отдаются в полон. Головорезов в полном составе отправляют в Москву, на суд царя и великого князя.

В Москве эта кучка трясущихся пленников представляется верным предвестником близкой победы. Эти вчерашние удальцы слишком известны жестокостью и пролитой кровью, причем не столько кровью русских, сколько кровью татар. Зрелище беспощадных врагов, захваченных в плен, новый дар пробуждает в душе Иоанна. Он прозревает неисчерпаемые возможности нового, невооруженного, психологического воздействия на самых неустрашимых, самых закоренелых противников. Перед ним раскрывается удивительная цепь обстоятельств. Вот на прежде безлюдной Круглой горе воздвигается крепость, ее пушки не сделали ни единого выстрела, а в Казани уже царит паника, защитники татарской твердыни разбегаются кто куда, ощутив московскую силу. Следовательно, необходимо давить и давить, не столько применять, сколько обнаруживать свою силу, чтобы получить Казань без сражений и приступов. И он решается показать приговоренной Казани свою твердость и свою справедливость: все пленники во главе с ханом Кащаком, бежавшие от гнева ограбленных, притесненных ими казанских татар и чуваш, кончают жизнь под топором палача, по его мнению, это кровавый, но необходимый урок последним защитникам крепости, приглашение казанским ханам и мурзам прекратить доброй волей сопротивление и отдаться на милость царя и великого князя, равно вершащего праведный суд над супостатом своим и чужим, равно прощающего того, кто принесет повинную голову.

Желаемый результат достигается с поразительной быстротой. Разъяренная Сююнбека, сжигаемая жаждой мести за позорную погибель любовника, грозит страшными карами своим неверным ханам и мурзам, приказывает укрепить стены города, пробует набрать воинов в соседних кочевьях, всегда готовых на резню и разбой, причем обещает платить золотом и серебром столько, сколько запросят за воинский труд.

Окруженные со всех сторон, ввиду новой русской твердыни, вразумленные свирепыми казнями Иоанна, ханы и мурзы уже не страшатся истерических Сююнбекиных кар. Посольство за посольством скачет в Свияжск. Еще недавно бесстрашные предводители разбойничих шаек, то и дело вероломно нападавших на беззащитную, миролюбивую Русь, ханы и мурзы валяются в ногах Шиг-Алея, малозначительного брата по крови и вере, перебежавшего на московскую службу, умоляют воротиться в родные края в ерховным

правителем, лишь бы царь и великий князь Казань не пленял, и то предлагают в жены ему постылую Сююнбеку, то клятвенно обещают отослать ее и Утемиш-Гирея пленниками в Москву, впридачу к женам и детям, брошенным отрядом Кащака. Бессильная действительно покарать бесстыдных предателей, Сююнбека покушается на жизнь Шиг-Алея. Шиг-Алею, столько же осторожному, сколько ничтожному, удается разгадать ее умысел и благополучно остаться в живых. Очередная свора перепуганных ханов и мурз сломя голову скачет в Москву и на этот раз падает в ноги самому Иоанну, выпрашивая у него, как высшей милости, Шиг-Алея и мира.

Иоанн не может не согласиться, однако радость бескровной, вдвойне приятной и почетной победы не кружит его головы. Его условия непримиримы и жестки: Казань выдает головой Утемиш-Гирея и Сююнбеку, тем пресекая раздоры и тайные сговоры против нового хана, поставленного Москвой, выдает вдов и детей Кащаковых воинов, освобождает всех русских пленных, обращенных в рабов, и лишается всех нагорных владений, уже принятых под царскую руку, а не будет исполнено хотя бы одно из условий, в сентябре полки царя и великого князя двинутся на Казань огнем и мечом.

Послы соглашаются безоговорочно и скачут с вестью мира в Казань. Следом за ними Иоанн отправляет в Свияжск Алексея Адашева с первым серьезным самостоятельным поручением: Адашеву надлежит проследить за неукоснительным исполнением всех поставленных Иоанном условий, в особенности за безболезненным отторжением нагорных земель и выводом пленных, однако никаких особенных полномочий ему не дается, он лишь представляет персону царя и великого князя, тогда как реальная власть остается за Семеном Микулинским, в Казани при Шиг-Алее поручается быть Юрию Булгакову-Голицыну, Патрикееву, Ивану Хабарову и дьяку Выродкову, а принять Утемиш-Гирея и Сююнбеку от казанских ханов и мурз должен Петр Серебряный-Оболенский.

6 августа Алексей Адашев прибывает в Свияжск и не дает татарам опомниться. Уже на другой день он осматривает так удачно возведенную крепость и официально знакомит Шиг-Алея с условиями, на которых тому передается свободный казанский престол. Шиг-Алей, в прошлом уже терявший этот престол кознями казанских ханов и мурз, приходит в смятение. Без нагорных земель ему долго не царствовать, своих важных потерь ханы и мурзы ему не простят. Он вопрошает, слегка патетически:

- Что ж будет мое царство? Могу ли требовать любви от подданных, уступив Руси знатную часть казанских земель?

Естественно, с его соображениями никто не считается, какими бы резонными они ни казались. В Казань шлют гонцов и требуют выдачи Утемиш-Гирея и Сююнбеки. Ознакомившись с волей царя и великого князя, Сююнбека падает в обморок, затем громко рыдает, проклинает свою злую судьбу, в которой отчасти виновата сама, целует гроб своего ненаглядного мужа, памяти которого так легко изменила, и завидует его вечному и ледяному спокойствию.

Ханы и мурзы будто бы тоже рыдают, потише и без причитаний над гробом, однако едва ли им жаль Сююнбеку, поскольку у каждого из них руки настолько в братской крови, что было бы смешно рыдать по таким пустякам. Если они и жалеют о чем, так о ясаке с нагорных племен, без которого жизнь ханов и мурз станет скудна (а без набегов на Русь, с которыми придется проститься - и многократно скудна). Возможно, в ханских душах еще теплится надежда как-нибудь извернуться, исхитриться, запутать и затянуть замиренье с Москвой, а там, глядишь, как-нибудь пронесет, кто-нибудь двинет на помощь орду, авось из Крыма, авось из ногайских степей.

В Свияжск прибывают послы, вертятся, униженно кланяются, держа за пазухой нож, клянчат нагорные земли, не особенно хлопоча о безразличной для них судьбе Сююнбеки. Адашев пока что остается непреклонен и тверд: либо мир, либо война. 9 августа послы отбывают назад. 10 августа уходит на сборы. День спустя Петр Серебряный-Оболенский

принимает бывшую ханшу и ее годовалого сына и речными путями в ладьях доставляет в Москву.

Жажда власти гонит Шиг-Алея вперед, как ни опасается он за малоуважительное положение московского ставленника, чуть не половину ханства уступившего вековому врагу. Его нукеры скачут в Казань спешно готовить к торжественному вселению ханский дворец. Два дня спустя новый хан является под стены Казани. Его сопровождают московские воеводы, поставленные на то Иоанном, три сотни касимовских служилых татар и две сотни московских стрельцов, вооруженных огненным боем, то есть пищалями. Разбивают шатры. Проводят в ожидании тревожную ночь.

Лишь в полдень 14 августа выезжает из крепости глава всех мусульман, окруженный муллами и нукерами. Вновь начинается торг, главным обра зом на прилавке - нагорные земли. Вновь татары получают жесткий, непреклонный отказ, уже от самого Шиг -Алея, за спиной которого стоят Булгаков, Хабаров, Выродков и еще не виданные стрельцы, пехотинцы с ручными пищалями, каких не имеют татары.

Глава мусульман удаляется, на прощанье ничего не сказав, нагорные земли до крайности нужны и ему. За его спиной затворяются ворота. Шиг -Алей снова ждет, хорошо понимая, что ворота внезапно могут раскрыться и что его за милую душу могут изрубить на куски. Ждет целый день. Наконец, его впускают в Казань. Он занимает долгожданный ханский дворец. По его личному указанию все посты во дворце занимают стрельцы.

Не позволяя ему обсидеться, обдуматься, московские воеводы требуют выдачи пленных. Шиг-Алей отправляет своих служилых татар из Касимова. Касимовцы рыщут по городу и приводят на ханский двор от двух до трех тысяч изголодавшихся оборванных пленных, малую часть всех казанских рабов, в разное время захваченных в Русской земле. Несчастных без промедления отправляют в Свияжск, где они обретают свободу, а с ней вместе получают одежду и пищу. Затем разыскивают пленников по улусам и стойбищам. Общим числом, по утверждению летописца, освобождают до шестидесяти тысяч рабов, трудом которых кормились и жирели кочевые татары.

Кажется, татарским разбоям приходит конец...

ПАМЯТЬ

В марте нынешнего года исполнилось 95 лет со дня рождения русской поэтессы Марии Сергеевны Петровых (1908 -1979)

Мария Петровых

СО МНОЙ – ВОССТАВШИЕ ИЗ ПРАХА

ВСТРЕЧИ ПОЭТОВ БЫЛИ ВЕСЕЛЫМИ…...

(из автобиографических заметок М.С.Петровых, написанных в 1967 году)

«Родина моя – Ярославль, вернее – Норский посад под Ярославлем (в 12 верстах от Ярославля). Природа, окружавшая мое детство, была на диво хороша: крутой берег Волги – гористый, с оврагами. (В одном из этих оврагов протекала речонка Нора; отсюда, как я понимаю, и Норское). На крутых горах – церкви: три церкви в Норском посаде и четвертая подальше – в селе Норском. Леса кругом были чудесные: или темные, хмурые – ель, или светлые – береза.

До шести лет я росла дома. В 6 лет я «сочинила» первое стихотворение (четверостишие), и это привело меня в неописуемый восторг, я восприняла это как чудо, и с тех пор все началось и, мне кажется, мое отношение к возникновению стихов с тех пор не изменилось.

Когда мне было 6 лет, меня отвезли учиться в Ярославль, где учились мои старшие братья и сестры. Первый год я училась в детском саду при начальной школе (частной). Тогдашний детский сад был не похож на теперешние – тогда дети не только играли, но и учились. Конечно, все мои сверстники, так же, как

Мария Сергеевна Петровых родилась в 1908 году в поселке Норский Посад под Ярославлем в семье директора фабрики «Товарищество Норской мануфактуры». Окончив школу в Ярославле, уехала в Москву, где окончила литературный факультет МГУ. Работала сотрудником в московских издательствах, занялась переводческой деятельностью. В 1934 году вышла замуж; в 1937 году ее муж, библиограф и музыковед Виталий Головачев был арестован и отправлен в карельский спецлагерь ГУЛага, где в 1942 году и умер. Дочь Арину поэтесса воспитывала одна.

В 1941 году вышла первая книга переводов М.Петровых. Первый сборник ее собственных стихов был отвергнут издательством в 1943 году как «несозвучный эпохе». Поэтесса много переводила с армянского, литовского, польского, чешского, болгарского, сербо-хорватского и словенского языков. При жизни Марии Сергеевны увидел свет только один сборник ее стихов – «Дальнее дерево», изданный в 1968 году в Ереване.

Заслуженный деятель культуры Армении, лауреат премии имени Е гише Чаренца.

Скончалась в 1979 году, похоронена на Введенском кладбище в Москве. Посмертно вышли в свет книги стихотворений «Предназначение», « Черта горизонта», «Домолчаться до стихов».

и я, умели читать и писать. Помню лучше всего занятия французским с француженкой (настоящей).

А потом – три класса начальной школы и подготовка в гимназию, где учиться мне так и не пришлось. Дальнейшее мое школьное обучение было уже в советской норско-посадской школе, а потом в ярославской школе им. Некрасова.

Когда мне было 15 лет (8-й класс), я стала ходить на собрания Союза поэтов. Зимой поэты собирались в какой-то библиотеке, усаживаясь между стеллажами, это было забавно и неудобно: часто не видно было читающего, но молоды были все и никакие мелочи, никакие неудобства никого не огорчали.

Атмосфера на этих собраниях была прекрасная – горячая бескорыстная любовь к поэзии, искренняя радость от чужой удачи, взыскательность – прежде всего, по отношению к самому себе и, хотя во многих стихах было много грусти, встречи поэтов чаще всего были веселыми и всегда – светлыми.

Грустно мне, что только теперь, когда пишу эти строки, я как будто впервые до конца поняла – какую же большую роль в моем духовном формировании сыграло это прекрасное содружество поэтов.

«Иных уж нет, а те далече»...

Летом поэтические собрания устраивались на пристани. Представляете? Вечер, темно, в узенькой служебной комнате на пристани горит неяркая лампочка; о борта пристани тихо плещутся волжские волны. Молодые поэты (самому старшему было вряд ли больше 25 лет) – читают стихи, обсуждают их, разговаривают о прочитанных книгах, о живописи – обо всем. <...>

Я не успела еще окончить школу, когда была принята в Ярославское отделение Союза поэтов.

Окончив школу, я уехала в Москву…...».

* * *

Я думала, что ненависть – огонь,
Сухое, быстродышащее пламя,
И что промчит меня безумный конь
Почти летя, почти под облаками...
Но ненависть – пустыня. В душной, в ней
Иду, иду, и ни конца, ни краю,
Ни ветра, ни воды, но столько дней
Одни пески, и я трудней, трудней
Иду, иду и, может быть, вторая
Иль третья жизнь сменилась на ходу.
Конца не видно. Может быть, иду
Уже не я. Иду, не умирая...
1942

* * *

- Но в сердце твоем я была ведь?
- Была:
Блаженный избыток, бесценный излишек...
- И ты меня вытоптал, вытравил, выжег?..
- Дотла, дорогая, дотла.
- Неправда. Нельзя истребить без следа.
Неясною тенью, но я же с тобою,
Сквозь горе любое и счастье любое
Невольно с тобою – всегда.
1943

СОН НА РАССВЕТЕ

Какие-то ходы и переходы,
И тягостное чувство несвободы,
И деревянный низенький помост.
Как на погосте, он открыт и прост,
Но это – стол, на нем вино и свечи,
А за столом – мои отец и мать.
Их нет в живых. Я рада этой встрече,
Я их прошу меня с собою взять
Или побыть со мною хоть недолго,
Чтоб Новый год мы встретили втроем.
Я что-то им толкую втихомолку,
Они молчат. Мы пьем. Нет, мы не пьем.
Вино как кровь. Нетронуты бокалы.
А у моих родимых небывалый –
Такой недвижный и спокойный взгляд.
Да полно, на меня ль они глядят?
Нет, сквозь меня. О нет, куда-то мимо.
А может статься, я для них незрима?
И что это? Настал ли Новый год
И при свечах втроем его встречаем,
Иль только близится его приход, –
Так незаметен, так необычаен?..
Отец и мать. И между ними – я.
Где ночью ты была, душа моя?
И Новый год – был или не был встречен?
Что спрашивать, когда ответить нечем!
Я помню только свечи и вино,
И стол в дверях, и что кругом темно,
И что со мной – восставшие из праха.
Я их люблю без трепета, без страха,
Но мне тревожно. Кто меня зовет?..
О, лишь бы знать – настал ли Новый год?
1957

* * *

Развратник, лицемер, ханжа...
От оскорбления дрожа,
Тебя кляну и обличаю.
В овечьей шкуре лютый зверь,
Предатель подлый, верь не верь,
Но я в тебе души не чаю.
50-е годы

* * *

Ты отнял у меня и свет, и воздух,
И хочешь знать – где силы я беру,
Чтобы дышать, чтоб видеть небо в звездах,
Чтоб за работу браться поутру.
Ну что же, я тебе отвечу, милый:
Растоптанные заживо сердца
Отчаянье вдруг наполняет силой,
Отчаянье без края, без конца.
1958

* * *

К твоей могиле подойду,
К плите гранитной припаду.
Здесь кончился твой путь земной,
Здесь ты со мной, ты здесь со мной.
Но неужели только здесь?
А я? А мир окрестный весь?
А небо синее? А снег?
А синева ручьев и рек?
А в синем небе облака?
А смертная моя тоска?
А на лугах седой туман?..
Не сон и не самообман:
Когда заговорит гроза,
Вблизи блеснут твои глаза –
Их синих молний острия...
И это вижу только я.
1959

* * *

Куда, коварная строка?
Ты льстишься на приманку рифмы?
Ты хочешь, чтобы вкось и вкривь мы
Плутали? Бей наверняка,
Бей в душу, иль тебя осилят
Созвучья, рвущиеся врозь.
Коль ты стрела – лети навылет,
Коль ты огонь – свети насквозь.
1963

* * *

Ни ахматовской кротости,
Ни цветаевской ярости –
Поначалу от робости,
А позднее от старости.

Не напрасно ли прожито
Столько лет в этой местности?
Кто же все-таки, кто же ты?
Отзовись из безвестности!..

О, как сердце отравлено
Немотой многолетнею!
Что же будет оставлено
В ту минуту последнюю?

Лишь начало мелодии,
Лишь мотив обещания,
Лишь мученье бесплодия,
Лишь позор обнищания.

Лишь тростник заколышется
Тем напевом, чуть начатым...
Пусть кому-то послышится,
Как поет он, как плачет он.
1967

* * *

Народ – непонятное слово
И зря введено в оборот, –
Гляжу на того, на другого
И вижу людей, не народ.
Несхожие, разные люди –
И праведник тут, и злодей.
И я не по праздной причуде
Людьми называю людей.

* * *

Немого учат говорить.
Он видит чьих-то губ движенье
И хочет слово повторить
В беззвучных муках униженья.

Ты замолчишь – он замычит.
Пугающие звуки грубы,
Но счастлив он, что не молчит,
Когда чужие сжаты губы.

А что ему в мычанье том!
То заревет, то смолкнет снова.
С нечеловеческим трудом
Он хочет выговорить слово.

Он мучится не день, не год,
За звук живой – костьми поляжет.
Он речь не скоро обретет,
Но он свое когда-то скажет.
1967-1968

* * *

Не знаю, бьют ли там старух,
В домах для престарелых,
Но знаю – говорят им вслух,
Что подошел предел их,
Что помирать давно пора,
Что зажились старухи...
О нет, все это не вчера,
И нынче в том же духе.
1975

Александр Еремин

Равнение на предание

МЕСТО И РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ПЕРВАЯ СРЕДИ РАВНЫХ

Согласно действующей Конституции Российской Федерации, все религиозные объединения в нашей стране отделены от государства и равны перед законом. Таким образом, с формально-юридической точки зрения, Русская Православная Церковь стоит в одном ряду с другими конфессиями. Однако юридическое равенство и реальный вес той или иной общественной силы – вещи разные, и ни для кого не секрет, что фактически РПЦ является сегодня в России ведущей конфессией. Нравится это кому-то, или нет, но факт остается фактом: светское государство, Россия, не стало безрелигиозным, традиционная церковь отделилась от государства, но не от общества, и с каждым годом ее позиции укрепляются.

История России в минувшее десятилетие полна примеров действенного служения РПЦ целям общественной стабильности, идеям социального согласия. Сегодня Церковь является поистине умиротворяющим началом во всех взаимоотношениях – межчеловеческих, межгосударственных, межэтнических и т.д., она постоянно ищет и находит пути к диалогу. Стоит здесь припомнить, с каким достоинством выполняли ее представители посредническую миссию во время известного политического кризиса в сентябре-октябре 1993 года, с какой настойчивостью искали вместе с другими общественными силами России мирный выход из этого кризиса. Церковь осуждала «братоубийственную брань» во время чеченской кампании, выступала за урегулирование конфликтов в Приднестровье, Нагорном Карабахе, бывшей Югославии и других «горячих точках» ближнего и дальнего Зарубежья. Руководствуясь библейскими заповедями, она сегодня, как и прежде, отстаивает право каждого человека и каждой нации на самоопределение, на достойную жизнь и процветание, выступает против насилия и беззакония и, несмотря на ряд проблем, которые разделяют ее с другими конфессиями, ищет пути к сотрудничеству с последними. Так, богатейший опыт ее реального соработничества со второй по величине российской конфессией, мусульманской во многом облегчает достижение стабильности в современном российском обществе.

Александр Владимирович Еремин родился в 1979 году в Ярославле, после окончания средней школы поступил на исторический факультет Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского. В настоящий момент учится в аспирантуре этого вуза, работает над кандидатской диссертацией на тему «Формирование социальной концепции Русской Православной Церкви в контексте государственно-церковных отношений в современной России». Преподает исторические дисциплины на нескольких факультетах ЯГПУ.

Имеет ряд научных публикаций, неоднократно участвовал во всероссийских и международных научных конференциях, стажировался в Германии. Лауреат областной премии 2001 года за лучшую исследовательскую работу.

Живет в Ярославле.

Предлагаемая статья написана специально для журнала «Русский путь».

© Александр Еремин, 2003.

Многие помнят, как в декабре 1994 года в Свято-Даниловом монастыре Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и лидер мусульман Чечни, муфтий А.Мухаммад-Хусейн публично отвергли саму возможность перерастания чеченского конфликта в христианско-мусульманское противостояние в целом, немало поспособствовав тем самым локализации этого конфликта и уничтожению в зародыше опасной перспективы противостояния людей друг другу на основе конфессиональной принадлежности.

Выступая в роли миротворца на внутриполитической сцене, РПЦ не только призывает политиков различного толка к благоразумию и предостерегает их от противоречащих миру и началам нравственности действий, но и сама активно участвует в процессе обеспечения взаимного сотрудничества всех значимых общественных организаций страны. Церковь, к примеру, патронировала такие политические силы, как Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС), Российское Земское Движение (РЗД); по инициативе Московского Патриархата был создан Союз Православных Граждан (СПГ), в который вошли политические лидеры, исповедующие подчас весьма различные взгляды на перспективы развития нашего общества

Многие политические силы, осознавая, насколько велик ныне реальный вес РПЦ, насколько слышим ее голос, хотели бы видеть ее в качестве союзника. Но Церковь аполитична. Поддерживая власть (так как «нет власти не от Бога»), она контактирует со всеми политическими организациями, в том числе и радикальными, видя себя при этом в роли арбитра. Не понимая истинной цели этих контактов, некоторые горячие головы подчас обвиняют ее в заигрывании, или даже сотрудничестве с теми или иными радикальными группировками. Но Церковь верна себе. Она стремится соответствовать главному принципу своей социальной миссии в обществе – единению народа на началах любви и мира, утверждению православных ценностей, которые сами по себе нравственны и гуманны.

Кое-кто, будучи недоволен высокой степенью значимости РПЦ в нашем обществе, называет Церковь «религией N 1» и делает вывод, что это обстоятельство способствует нарастанию конфликтов на национальной и этнической почве. Уместно, однако, заметить в этой связи, что православие, как известно, наднационально. Алексий II в 1991 году счел необходимым это подчеркнуть, заявив, что православие никогда не носило шовинистического характера, не выступало, например, с позиций антисемитизма, «…потому что мы всегда руководствовались словами апостола Павла, который говорил, что во Христе нет ни эллина, ни иудея. Сегодня мы продолжаем ту же линию».

ОБНОВЛЕНЧЕСТВО, ФУНДАМЕНТАЛИЗМ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

Действуя в светской, секулярной среде, Церковь не может не подвергаться «атакам изнутри» – со стороны сторонников гораздо большего, чем это имеет место быть в настоящее время, сближения РПЦ с современным секулярным обществом. Этих людей сегодня условно называют «обновленцами», подчеркивая тем самым преемственность их появления и деятельности с аналогичным процессом в начале XX века. Например, А.Мень, Г.Кочетков, А.Борисов, Г.Чистяков и др. в разное время выступали на стороне экуменистов, за замену литургического языка современным, за обновление устава Церкви и т.п. реформы. Однако в 90-х годах движение «за обновление» натолкнулось на сильное сопротивление со стороны противников, которых отечественная либеральная печать тут же окрестила «фундаменталистами». Кто-то из последних не возражал против такого названия, а кто-то, как раз наоборот, предпочитал именовать себя «традиционалистом», – и здесь есть о чем подумать. Ведь вопрос о том, «кого как называть», совсем не так прост, как кажется – имя, данное тому или иному направлению общественной мысли, в кратчайшие сроки способно превратиться в уничижительный ярлык, а затем стать основой для нападок не только словесных. Стоит поэтому припомнить историю зарождения самого понятия «фундаментализм».

Как известно, в начале XX века в США была опубликована серия произведений под общим названием «The Fundamentals. A Testimony to the Truth» («Основы свидетельства истины». 1910-1912), в которых провозглашалась верность таким традиционным представлениям, как безошибочность Священного Писания в каждой детали, рождение Христа от Девы, его физическое воскрешение, второе пришествие и т. д. Как раз к этому времени относится развитие протестантского движения, сопровождавшегося запрещением преподавания теории Дарвина, «обезьянними процессами» и т.п. В 1970-х в мире вспыхнула новая волна религиозного фундаментализма – началась исламская революция в Иране. Современная философская энциклопедия определяет фундаментализм, как «тенденцию, выражающую отрицательную реакцию консервативных религиозных кругов (XIX-XX вв.) на секуляризацию, т.е. эмансипацию науки, культуры и общественной жизни от религии, что стало причиной маргинализации последней. Противоположная тенденция – модернизм». Фундаментализм, как считается, свойственен не только исламу, но и иудаизму, протестантству, католичеству, новым религиозным движениям и сектам.

В настоящее время указанный взгляд утвердился, судя по всему, как в науке, так и в политике. Но, исходя из этой же трактовки, эмансипация науки и культуры от религии есть только отход от последней некоторых сфер знания, а вовсе не революция внутри самой религии. Сама в себе религия остается вполне незыблемой – и получается, что фундаментализм – явление сугубо светское, что это, в первую очередь, борьба с модерном за пределами Церкви. И большой ошибкой было бы считать борьбу с «обновлением» внутри Церкви «фундаментализмом». Нет, эта борьба – суть «традиционализм», свойственный Церкви на всем протяжении ее истории, это сохранение традиций, это защита предания, это – главная задача Русской Православной Церкви, ибо сохранение предания – необходимое условие существования православия. В этом плане оно само по себе фундаменталистично по определению, оно есть ortho doxa («правильная вера»). Оно опирается на богословские догмы и основания веры, оно яростно защищает их – и не может иначе, ибо защищает самую суть свою.

Ошибочное отождествление фундаментализма и традиционализма очень распространено на Западе. В трудах немецких специалистов, к примеру, часто можно встретить резкую критику РПЦ за «антидемократизм», за неприятие ценности отдельной личности, земных благ и т. д. РПЦ упрекают в мессианизме, в том, что исключительность православия приводит якобы к отрицанию других конфессий. Современный исследователь Ассен Игнатов (Assen Ignatov. Instrumenfalisierug des orthodoxen Christentums in Osteueropa heute. Theologische Argumente im politischen Kampf // Berrichte des Bundes institutes fur ostwissenschaftliche und international Studien. Nr. 28/1994.) отмечает, что в лоне РПЦ всегда высказывалась следующая мысль: Россия – арена борьбы добра со злом. Зло – все то, что не относится к православию, и западные миссионеры разрушают культуру России, основанную на православии. Если на Западе демократия является идеальным строем, то для многих православных иерархов демократия – это вседозволенность, в результате которой человек подвергается соблазнам. То же и с понятием «свободы» - если на Западе она понимается с точки зрения «светскости», то в православии – как свобода от искушения и мирских соблазнов.

Немецкие авторы в один голос утверждают, что именно это и создает «трудности для распространения демократии в России». Но воюют они тут, по сути, с фундаментализмом, который к внутрицерковным делам имеет отношение косвенное.

Да, влияние фундаментализма внутри самой современной РПЦ уже значительно – стоит вспомнить начало дискуссии о выходе РПЦ из Всемирного Совета Церквей, официальный отказ Церкви от признания подлинности останков членов царской семьи, осуждение налоговых номеров, отвержение сексуального воспитания в школе... …Но говорить об уходе РПЦ с позиций традиционализма, на наш взгляд, рано. Мнения отдельных православных иерархов могут быть антилиберальными, даже антигосударственными, но от имени всей Церкви эти мнения не произносятся. Более того,

руководство Церкви и Священный Синод борются с такими проявлениями, ибо они ставят Церковь в оппозицию к власти.

Абсолютная правда то, что сегодня в России ряд печатных изданий и интернет -сайтов стоят, как и некоторые официально зарегистрированные общественные организации, на открыто фундаменталистских позициях…... но ведь на то и демократия, чтобы каждый мог исповедовать и пропагандировать те взгляды, которые ему по душе. Есть ведь и СМИ, и общественные организации, стоящие на прямо противоположных позициях! И все это – дела светские, то есть, с позиции Церкви – мирская суета. Сама же Русская Православная Церковь, прежде всего, озабочена защитой традиционных православных ценностей, сохранением предания, верности канону, она традиционна и традиционалистична.

Таким образом, проблему православного фундаментализма, на наш взгляд, необходимо отделять от проблемы противодействия Церкви модернизму. И, кстати, эта, последняя названная проблема тоже весьма непроста. Социальная концепция РПЦ сформирована на позициях неприятия модерна, но Церковь действует в миру и, что греха таить, сегодня частенько лавирует между модерном и традицией. Соответствует ли ее концепция современному секулярному обществу? Будут ли найдены компромиссы? На эти вопросы Церкви еще только предстоит дать ответ. По логике некоторых авторов, если РПЦ не «обновится», не спустится до уровня «светскости», любые ее действия в обществе будут рассматриваться как фундаменталистские. Но эта логика, на наш взгляд – результат поверхностного подхода к сложной проблематике, не учитывающего отличий историко -культурного развития западного христианства, с одной стороны, и развития православия, с другой.

В ЧЕМ РАЗЛИЧИЕ?

Два различных вектора культурно-исторического процесса – «западный» и «восточный» – закладываются со времени разделения церквей, с начала XI века. Уже с IV в.н.э. западные богословы стали по-разному интерпретировать некоторые понятия веры; Арий, Пелагий, Августин, Ансельм Кентерберийский и Фома Аквинский окончательно систематизировали западную традицию христианства – она развивалась в духе рационализма, где разуму и интеллектуальной работе отводилось ведущее место. Пойдя по этому пути, западное христианство пошло за модерном, который сам по себе предполагает постепенную секуляризацию религии. Отношения между Богом и человеком в этой традиции рассматриваются более с внешнеюридической, нежели с религиозно-нравственной точки зрения, в основе этих отношений, как считается, лежат главным образом идеи права и долга, а не идея любви (которая представляется в Новом Завете основой отношений Бога и людей). Как отмечает протоиерей А.М. Иванцов -Платонов, «здесь, может быть, невольно отразились у западных богословов особенности древне -римского умственного склада, преимущественно имевшего юридическое направление».

Западные богословы отвергали постулат о двойной природе Христа, божественной и человеческой, утверждали, что Иисус – Бог, а не Богочеловек, ибо дух Святой исходит и от Него, и от Бога. Следовательно, между Богом и человеком – пропасть и человек должен приходить к спасению земными средствами.

Если в православной традиции Бог трансцендентен, непознаваем , то в трудах Аврелия Августина утверждается возможность познания Бога – правда, пока не только с помощью разума, но и через обращение к глубинам человеческой души. Разрыв между Богом и человеком, согласно Августину, огромен, человек вос принимается как тварь, а мир земной строится не на любви, а на рациональности, ибо он – от дьявола. Жизнь человека, согласно этим взглядам, не связывается с Богом (что затем приведет к идее оправдания и заслуг, к идее обеспечения себе спасения земными делами). В учении Фомы Аквинского также содержится идея возможности разумного познания Бога, человек у него – мыслящий и деятельный. Согласно Фоме, непосредственное знание о Боге мы получаем в

откровении – в писании или церковном опыте, которые, хотя и не противоречат разуму, совершенно от него независимы. Анализируя писания, человек может познать Бога и, таким образом, придти к нему.

Мартин Лютер, а затем Ульрих Цвингли выступили с протестами против торговцев индульгенциями, началась реформация, приобретшая у Кальвина облик стр огой системы. Но, преодолевая разрыв «Человек – Бог», протестанты находились по-прежнему в старой западной традиции, по сути, усиливая рационализацию и личностное начало в вере. Если в католичестве участие человека в спасении выражено хотя бы в юридическом факте заслуг, то в протестантстве отсутствует и это. Хотите познать Бога? Читайте писание! А в мирской жизни добивайтесь всего сами, без помощи Бога.

Макс Вебер усматривал зачатки рациональности в духе протестантизма. На наш взгляд, черты рациональности были присущи западному обществу уже на заре его развития, в раннем западном христианстве. Затем эта рациональность развивалась все более и более – и содержала в себе как возможность возникновения эпохи гуманизма, гражданского общества, капиталистических отн ошений, идеалов науки, так и логично вытекающую из этих идей необходимость революций, свержения монархии etc.

В отличие от западного христианства, в православии Бог совершенно непознаваем в существе своем, которого никогда невозможно ни познать, ни созерца ть даже в будущей жизни. Иисус Христос в нашей традиции – Богочеловек, в нем соединены царство Божие и царство земное, и соединиться с Богом человек может без всякого рационализма, через одно только приобщение к Христу. Человек должен жить во Христе, стр оить свою жизнь таким образом, чтобы она была близка Христу, духовна. Места праву и долгу, юридической стороне в православии нет, оно исключает всякий рационализм. Церковь, согласно этим взглядам, соединяет небо и землю; мир, общество, человек находят свое бытие только в Церкви – вне ее они пребывают во лжи и небытии и, по сути, нелегитимны.

Социальная жизнь, согласно православной традиции, является ареной борьбы духовных сил добра и зла, критерии ее оценки – нравственные начала, а не социальные установки. Скрепами общественной жизни являются в православии не справедливость и закон, а любовь и благодать, основными началами социальной этики – не творчество и свобода, а служение и покорность. Глава государства является здесь «помазанником Божиим», то есть представителем подлинного начальника и управителя – Христа, власть воспринимается православными не как превосходство, а как бремя служения, бремя ответственности начальника за своих подданных перед Богом.

Одно из ключевых понятий не только православной экклесс иологии, но и православной социологии – соборность, отсутствующая в западной традиции. В Церкви соборность подразумевает полноту и целостность всех объединенных верой и любовью во имя Божие, в жизни общества – единение людей, преодоление вражды и отчужденн ости, духовную солидарность. Государство, с православной точки зрения – это соборная жизнь народа, и в своем глубоком истоке цели Церкви и государства едины. Православная традиция сформировала доктрину симфонии властей (духовной и политической), православ ное миропонимание отвергает отделение Церкви от государства – не в «институивном», «юридическом» плане, какой, в конечном счете, только и признается на Западе, а в плане утверждения общей перспективы развития Церкви и государства, в плане соотнесенности их дел с одной и той же целью. Отсюда вытекает, что государство отдает духовную власть Церкви, последняя же отстраняется от мирских дел, чтобы полнее отдаваться божественному служению.

Одним из источников своеобразия православного понимания социальной действительности является его национальная ориентация, выраженная в понятиях Родины и православного народа. Родина, согласно православной традиции, есть духовная жизнь народа; любя Родину, нельзя не любить православный народ. Личность может существовать только в творческом единении с духом всего народа.

«ОБНОВЛЕНИЕ» = ГИБЕЛЬ

В силу своей традиции, самых основ своего существования православная Церковь отвергает западный опыт. Ориентированная на христианское государство, на христианское общество, она с большим трудом воспринимает реалии современной секулярной эпохи. Большинство православных священников – традиционалисты (не фундаменталисты!) и отвергают модерн, ориентируясь на труды отцов Церкви и великомучеников.

«Что значит быть христианином? – пишет Феофан Затворник. – Значит и веровать право, и жить свято, и освящаться таинствами, и слушаться руководства пастырей, и Церкви Божией православной принадлежать, и все повелеваемое строго исполнять». А святитель Игнатий (Брянчанинов) восклицает: «Не будем вводить ни чего нового! Последуем с точностью учению, преданному святою Церковью, учению, преданному святыми апостолами и святыми отцами! Главная причина нестроения Церкви заключается в том, что правила святых апостолов, соборов и отцов оставлены без внимания, даже забыты, а заменены они выдумками, чуждыми духа Церкви... …уничтожающими самый дух Церкви при оставлении одного наружного благоприличия в некоторой степени и форме».

Спуститься до зоны светскости – значит подвергнуть Церковь обновлению, и это – самая большая опасность для православия. Именно поэтому борьба с «обновленцами» велась много столетий и ведется до сих пор.

Принятые Юбилейным Архиерейским Собором в 2000 году «Основы социальной концепции РПЦ» написаны с позиций, которые никоим образом не противоречат преданию. Но сам факт их появления свидетельствует о том, что Церковь делает шаг навстречу обществу. Это заставляет предполагать, что она станет менее замкнутой.

Ольга Люсова

Как рыбы ртом, бутоны воздух ловят

* * *

Я затаилась в омуте прохладном,
из-за кувшинок щурилась на берег
и на твою протянутую руку,
сопротивляясь властному гипнозу.

Что это было - смерть или блаженство?
Когда, упруго выгибая спину,
ловили ртом невидимые нити
в твоих руках серебряные рыбы.

* * *

Сырым, дрожащим
маленьким комочком
сидело чувство
где-то между третьим
и пятым ребрами,
воспитанное в лучших
седых традициях
того матриархата,
который властвует порой
в неполных семьях,
в стенах высокого,
как дуб, образования.

Ольга Георгиевна Люсова родилась в 1980 году в г. Кемерово, ее предки родом из Ивановской области. В 1986 году переехала в Переславль-Залесский, где окончила школу, затем год училась в США. В 2003 году закончила факультет иностранных языков Ярославского педагогического университета имени К. Ушинского по специальности «английская и французская филология».

Стихи публиковались в областных газетах и коллективных сборниках.

В настоящее время работает и учится в Париже.

© Ольга Люсова, 2003.

* * *

Он мне вывихнул лопатки.
Я с тех пор хожу, как утка,
Как больная куропатка.
Он сказал, что это шутка.

Он кормил меня углями -
Я картавлю, как ворона,
И шарахаюсь углами,
Скрючась в позе эмбриона.

Он хороший, только падкий
На подобные проделки -
Взял и вывихнул лопатки,
Взял и вывернул коленки.

* * *

Ночь,
под розовым халатом
мну разбитое колено
и давлю опухшим пальцем
чуть дымящийся окурок.
Ночь,
хочу быть виноватой,
обменяла шанс последний
на зеленую бутылку
и реву, как бык, под острым
топором,
как кот влюбленный,
и подмигиваю лампе.
А окно уже открыто,
доползти бы...

БЕЗ ТЕБЯ

Думала - сгину,
засохну, истаю,
лягу на рельсы,
повешусь в кладовке,
вырежу печень,
полезу на стену,
скончаюсь на месте...
И я не ошиблась.

КЛАУСТРОФОБИЯ

Падаю,
падаю духом
на пол в мужском туалете.
Лампочка с масляным брюхом
плавится в собственном свете.
Белый,
в царапинку, кафель
так ненавязчиво светел.
Душит вопрос, словно кашель:
как? И зачем в туалете?

Кожей
вбираю прохладу
белых закрытых дверей.
Как? И зачем в туалете?
Падаю духом - и рада,
что есть полотенца, бумага...
Что кафель так искренне светел,
что дверь отопрут на рассвете.

* * *

Твое лицо,
которое я видела только в профиль,
которое наблюдала
издали, украдкой,
вдруг развернулось
полным анфасом,
полной луною,
полным фиаско.

* * *

Скончался дождь,
повсюду лужи крови,
склонились, плача,
ветви мокрых ив.
Как рыбы ртом,
бутоны воздух ловят,
но их сорвут -
на камень положить.

* * *

Тебя нет -
есть блокнот,
фотографии,
спрятанный адрес
далекой подруги,
еще твои джинсы,
на них светлый волос.
Навязчивый шепот
на грязной подушке...
Но это не ты,
А еще мне приснилась
беззубая кошка -
она существует!

* * *

Спотыкаясь о запятые,
по крышам заглавных букв
бегу до последней точки
твоего письма.
Измазав чернилами пятки,
присяду на слове «пока».
Зачем торопилась?
В итоге не помню ни слова.

* * *

Я разжевала травинку,
знала - она горька.
Глянула в небо. В обнимку
склеились облака.

Знала, что горечь эта
напрочь испортит вкус.
Все ароматы лета
не возвратишь! Рассыпались
порванной ниткой бус.

* * *

А в лесу не смолкали кукушки...
Монотонно считали они
На весенней поляне веснушки
И грядущие теплые дни.
На согретой лучами опушке
Я в смятенье искала приют.
А в лесу не смолкали кукушки...
О, как медленно годы плывут!

* * *

Если весна дышит,
мы - ее легкие.
Мы - паутины нити,
самые тонкие.

Если весна синеока,
мы - ее слезы.
Слышишь, как плачет сорока
на березе?

* * *

Я буду речкой,
сытой и влюбленной,
кишащей рыбой,
раками, планктоном,
Я потеку
легко и бесконечно...
Это мой выбор -
и не стройте лодок!

* * *

О тебе я писала так,
что у неба сводило скулы.
Попадала луна впросак
и сползал ее шарф со стула.

Почему ж, как упрямый бес,
не садилась тебе на колени,
а по-волчьи смотрела в лес?
И писала, писала, писала
стихотворения...

* * *

Несильный дождь.
Подъездный козырек.
Стучит вода по темени асфальта.
Я помню, так
мучители-китайцы
с ума сводили
всех врагов режима.

* * *

Заря времен. Земля пуста.
Из райской облачной долины
Мне Бог сказал, что он устал
И протянул кусочек глины.
Сказал: твори, лепи свой мир,
Ты мой так часто не любила...
И улетел на вечный пир.
Ну что ж, я этого просила.
А что лепить? С чего начать,
Чтоб мир красивым получился?
Я продолжала глину мять,
А первый день к концу клонился.
Твердел бесформенный комок,
Наутро превратился в камень.
Проснулась... Тот же потолок,
И тот же свет в оконной раме.

* * *

Ночью гигантские бабочки
В траурных платьях мечутся.
Страшные белые девочки
В доме напротив лечатся.

Девочка, выключи лампочку!
Время ложиться в стопочку.
Где мои белые тапочки?
Бабочки, бабочки, бабочки.

* * *

Мне детство скалилось волчонком,
Смотрело дико из угла,
Сжимая грязною ручонкой
Кусочки битого стекла.

Бежало прочь с ключом на шее
В дырявых красных сапогах
Туда, где все цвета - свежее,
Где небо ходит на руках.

* * *

О себе,
что боль выносила, не морщась,
что в почве не видела грязи,
кого не пугали ни порча,
ни случайные связи,
я плачу.

ПРОЗА

Евгений Барышев

Аккуратный камнепад

Разные рассказики

ПОХОТЬ

В гостях Коленька Складкин украл игрушечный пистолетик. При виде игрушки внутри у него что-то заныло, ручонки затряслись – он давно мечтал о таком вечерами, лежа в постели и притворяясь спящим. Как только пистолетик оказался у него, Коленьке сразу захотелось уединиться, чтобы старательно рассмотреть его. Посмотрев по сторонам и не найдя более подходящего места, Коленька помчался в туалет. Сняв штанишки и усевшись на унитаз, он начал рассматривать пистолетик, гладя его полирова нную поверхность, заглядывая в дуло, нажимая на спусковой крючочек, но в дверь постучали. И Коленька, быстро засунув игрушку в штанишки, побежал играть с остальными в лото.

В лото ему уже не игралось, Коленька был рассеян и много проигрывал. Он думал только о том, как придет из гостей домой, и его положат спать, и тогда под одеялом он будет играть пистолетиком, и пистолетик будет только его, только его и никого другого.

Коля Складкин уже давно ходил мимо витрины в магазине «Сувениры», там лежала его мечта – складной перочинный ножик с пятью лезвиями. Он целый месяц утаивал деньги, регулярно выдаваемые его родителями на обеды в школе. Копил, а утешением был ножичек, лежащий в витрине, ножичек, на который он ходил смотреть каждый день.

Однажды, накопив нужную сумму, Коля Складкин тайком купил ножичек. Родители, правда, не разрешали Коле играть ножичками, поэтому он, придя домой, спрятал свою покупку под матрац и потом целый день не находил себе места, с вожделением представляя, что он с ним будет делать. А ночь ю... ну, уж это понятно, что было ночью.

Долго упрашивал своих родителей Николай Складкин, чтобы те купили ему мопед. Те не сдавались, но потом, подумав, что лучше уж пусть сын будет с переломанными ногами, чем алкоголиком, или, еще того хуже, токсикоманом , купили дорогую вещь. Николай чуть не сошел с ума от радости и предвкушения.

Евгений Валерьевич Барышев родился в 1978 году в Ярославле, в семье врачей. Окончив школу, получил специальность инженера в Ярославской государственной сельскохозяйственной академии, затем поступил в аспирантуру в этом же вузе. Работает над кандидатской диссертацией.

Стихи и прозу начал писать в школьные годы. Публиковался в областных газетах и коллективных сборниках.

Живет в Ярославле.

© Евгений Барышев, 2003.

Он научился ездить на мопеде и гонял с утра до вечера, а потом старательно мыл его с мылом везде-везде, ну а уж если, не дай бог, что-то сломается, то перебирал, влезая в сочленения, весь мопед, до винтика. И никому не давал прокатиться.

Сколько лет Николай Иванович Складкин мечтал о своей бабище! Долгими мастурбационными вечерами она приходила к нему, маня своей непорочностью, но в самый неподходящий момент ускользала. Наяву он видел ее проезжавшей мимо в троллейбусах и, опять же, оставляющей его в томящем одиночестве. Так продолжалось довольно долго, пока он с ней, наконец, не познакомился. Затем, томимый желанием заполучить ее всю, поглядеть на нее как следует, потрогать и сделать кое-что еще, он привел ее домой, но так как родители его были строгих нравов и появление женщины в доме вызвало бы настоящий скандал, он потихоньку провел ее в свою комнату и спрятал под матрац до вечера. Весь день он ходил как неприкаянный: стукался лбом об углы, отвечал на вопросы невпопад и творил черт-те знает что. А все потому, что дома на антресолях его ждала ЕГО бабища. Его - и никого другого.

ПОСТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ!

Примерно год назад я очень сильно заболел неизвестной болезнью. То есть врач-то знал, какой болезнью я заболел, и мне сказал, как эта самая болезнь у них по-научному зовется. Мне это название ни о чем не говорило, поэтому я понял, что очень сильно заболел и, вероятно, в последний раз. Впрочем, речь пойдет не об этом.

Врач прописал мне постельный режим и, сказав, что зайдет ко мне эдак через годик, ушел восвояси, оставив меня и постельный режим одних. Пропиши врач мне глотать какие-нибудь гадкие пилюли или пить неперевариваемые микстуры, я был бы куда более рад, ведь порошки и микстуры выписывают больным, у которых еще есть шансы выздороветь. А постельный режим совсем другое дело – дело безнадежное. Ко всему прочему, я не знал, что надо делать человеку, когда ему такое говорят (как соблюдать этот самый режим, врач не пояснил), посему я решил, что будет лучше, если я этот режим буду соблюдать круглосуточно.

Однако перед лечебным процессом со стороны меня вставала непреодолимая преграда – я не умел лежать. Просто родители меня в детстве не научили, а когда я подрос, тоже не научился. От меня даже жена ушла из-за этого. Говорит: «На фига мне в доме мужик, который лежать не умеет?» А я-то что, я ведь взаправду не умею, да и незачем мне это: стоя спать и все остальное делать намного удобнее! Ну да ладно, черт с ней, что было - то прошло.

Начал учиться я лежать. Поначалу ничего не выходило – ведь лежа-то я даже дышать не умел, но после месяца долгих, тяжелых и изнурительных тренировок научился все-таки. Потом все пошло у меня как по маслу. Прошло почти полгода, а я уже все делал лежа – ел, спал, мылся, убирал квартиру, разговаривал по телефону и открывал дверь, короче, все делал лежа.

И теперь я делаю все лежа, и буду так делать в дальнейшем – ведь лежа-то намного приятней и удобней, чем стоя. Так что, и вам советую. А от болезни я вылечился, и если теперь случайно умру, то только своей смертью – и лежа!

РОГУЛЬКА

Как-то мне очень понадобилась рогулька, ну просто позарез стала нужна. Стал я ее искать сначала дома. Все перевернул, но не нашел. Раздосадованный, я решил съесть яйцо всмятку, чтобы потянуть время, немного успокоиться и, может, что-нибудь да придумать.

Съев яйцо всмятку, успокоившись, я пошел в магазин, чтобы ее купить, но в магазине мне сказали, что рогульки у них кончились, а остались одни загогулины. Что ж, пришлось купить себе загогулину.

Придя домой, я подумал, что все-таки загогулина мне не подойдет. Ведь загогулина - это хоть почти и рогулька, но не совсем. Это меня очень расстроило и я решил съесть еще одно яйцо всмятку. В холодильнике яиц всмятку больше не оказалось: там остались только сырые, которые я до того не люблю, что весь покрываюсь сыпью. Пришлось есть луковицу всмятку, она меня тоже успокоила. После луковицы всмятку меня осенило. Но, конечно, не совсем. Поэтому пришлось делать из загогулины рогульку. Но почему-то у меня получались одни палочки, кругляшки и штуковины с крючочками.

Потом у меня вышла-таки рогулька, и она мне очень пригодилась, но зачем, я вам не скажу: вам-то какое дело?

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Шура Ведрова сидела у себя на кухне и страдала. Страдала она оттого, что мучило ее жестокое похмелье, а похмелиться было не на что. Она бы что-нибудь продала из дома, только бы ей не было так плохо, но, к сожалению, все, что можно было продать, было уже продано, а из вещей у нее остался только проссанный рваный матрац. Шура продала бы и его, но матрац представлял ценность только для нее, к сожалению. Вот потому-то и сидела она, и мучилась, потому-то и смотрела с тоской и завистью в окно на прохожих.

Только было засмотрелась Шура Ведрова на совершенно не сочувствующую ей погоду, на ясное голубое небо, на яркую зелень на ветвях, как вдруг стекло окна покрылось сетью трещин и высыпалось внутрь комнаты, понукаемое объемным свертком.

Шура Ведрова села на пол, усыпанный игравшими при свете солнца осколками. Она не знала, что ей делать: расстраиваться окончательно, или радоваться ворвавшемуся внутрь свежему воздуху. Сначала она решила развернуть сверток, а потом уж и плескать своими эмоциями в разбитое окно.

В свертке оказалась БУТЫЛКА ВОДКИ! Теперь-то Шура знала, что ей делать - конечно же, радоваться, смеяться и веселиться: голубое-голубое небо ниспослало в ее окно избавление от долгих утренних мук!

Шура Ведрова выпила пол-бутылки - и ее горе, и болезненное состояние исчезли вместе с двухста пятьюдесятью граммами водки. Теперь она была в нормальном состоянии, она могла начинать радоваться вместе со всем людом чудесной погод е. Чтобы радоваться было способнее, она допила водку и чуть-чуть захмелела. Ура, погода хороша, все хорошо, водка хороша!

Однако ей хотелось продолжать радоваться, а водка уж кончилась. Что бы сделал на ее месте обычный обывательский алкоголик? Он, конечно же, расстроился бы. Но не такова была Шура Ведрова. Она была смышленой алкоголичкой и, к тому же, у нее было еще одно окно. Посему она незамедлительно перебазировалась к нему и принялась ждать еще одного чуда.

Что ж, жди, Шурочка, жди!

БУЛКА

Однажды, прогуливаясь по городу, я встретил на улице булку. Как только наши взгляды встретились, между нами что-то такое проскочило, электрическо-непонятное. Ни минуты не раздумывая, мы кинулись другу в объятия. Это была любовь с первого взгляда.

Мы дарили друг другу любовь каждую секунду нашего пребывания вместе. Наши теплые и мягкие тела, утопая друг в друге, были счастливы, как никогда. Мы надеялись так провести свою жизнь. Вместе.

Я любил ее, а она меня еще много-много лет. Даже когда она стала черстветь и из нее стали сыпаться крошки, я не заглядывался на свеженьких и еще горячих булок, потому что я любил свою булку. Никакая другая не была нужна!

Как-то раз, когда мы сидели с булкой на кухне и разговаривали, пришел один мой прагматичный знакомый. Строгим взглядом посмотрев на меня и на нее, он схватил мою ненаглядную и выбросил в мусоропровод. Я был вне себя от его наглости и зверства и кинулся было спасать свою булку, но он мне не дал этого сделать. Я пытался ему объяснить, что ну и что, что она заплесневела, ну и что, что она черствая, но я-то ведь ее люблю, и с собой ничего не могу поделать.

Как ни странно, он не стал мне говорить, что любить булку зазорно, он просто, повращав укоризненно глазами, сказал, что я уже совсем рехнулся. И, громко хлопнув дверью, ушел.

Чего он нашел плохого в том, что я рехнулся, я не знаю. Зато ведь перестал говорить вслух по ночам. А булка, как я понимаю, тут ни при чем.

АККУРАТНЫЙ КАМНЕПАД

Маша Комкова всю жизнь свою была увлекающейся девушкой. Поначалу она увлекалась ерундой всякой: вышивала крестиком и ноликом, разводила красивеньких рыбок, коллекционировала обертки вкусных конфет и многим чем еще. Но, став смышленой девушкой, она не изменила своей привычке увлекаться, продолжая этим заниматься в свое свободное время уже с осознанным размахом и энтузиазмом. Родители и окружающие на нее нарадоваться не могли, ставили в пример несмышленым сверстникам и всегда, чем могли, в ее увлечениях помогали.

Увлекалась Маша страстно, однако не очертя голову, как это делают у нас некоторые непрактичные люди, а обстоятельно и даже, можно сказать, педантично. Книжки на тему почитает, совета у знающих людей спросит, сама попробует. И очень многое у нее выходило ну прямо-таки здорово!

Очень она любила советы знатоков своего дела слушать. Бывало, увлечется Маша премудростями окраски своих волос и бежит за советом к своей подруге Ире Портновой. Та ей не только расскажет, но и покажет на деле, как все это делается. Маша Комкова походит окрашенной в чудный цвет, а потом дня через три возьмет да и облысеет. Сразу видно, научилась как следует!

Увлекалась и каллиграфией. Помогал ей учиться этому сложному делу Федя Проворов. Училась она, пока не забеременела. Потом увлеклась Маша революцией и ее застрелили в уличных боях с милицией. И теперь она увековечена в Лете, знаменита, ей поклоняется молодежь, берет с нее пример. Куда уж нам до нее!

НЕ ЗРЯ ПОТЕРЯННОЕ ВРЕМЯ

Вот идет впереди вас по улице в шляпе, в очках и при галстуке очень интеллигентный человек. Торопится. Видно, очень занятой. Это, конечно же, Иван Антонович с работы спешит. Он очень начитан и даже почти эрудит, но так как времени ему всегда катастрофически не хватает, он читает практически везде. Это он читает в общественном транспорте, это он читает за обедом.

Иван Антонович приходит домой, снимает шляпу и... конечно же, мчится в сортир, как совершенно нормальный человек после долгого рабочего дня. Там снимает свои засиженные портки, садится, и хватает с небольшой полочки книгу. И упоенно читает ее, увлекшись процессом.

Однажды, придя домой и удобно устроившись на своем фарфоровом троне, Иван Антонович обнаружил, что книга дочитана. И вконец расстроился - ведь не мог же он так просто терять свое бесценное время! Вконец же он расстроился из-за того, что утром в магазине у него украли кошелек, в транспорте выписали штраф, а в обеденный перерыв, когда он сидел в кафе, ему не принесли дипломат с важными бумагами.

Глубоко вздохнув, Иван Антонович решил думать. Да-да, думать! Сначала он начал думать о работе, но это было неинтересно, и он стал думать о самом себе. Думать не выходило - отвлекался на физиологию. Но потом пошло-поехало. Иван Антонович думал, что он сын, потом, что он отец, а потом понял, что быть отцом и сыном одновременно абсурдно, ведь не Господь Бог же он, да и не Святой Дух. И поэтому он твердо решил стать кем-то новым и в единственном числе.

Однако в этот самый момент его процесс закончился, и он побежал смотреть футбол, довольный тем, что не зря провел время.

А вот Сергей Викторович так делать не стал бы, а напился бы в зюзю - уж это он может!

ОДНОСТОРОННЕЕ ОБЩЕНИЕ № 1

Я сел на пол и задымился. Наивный друг, ты, наверное, подумал, что всегда, когда я сажусь на пол, сразу же начинаю дымиться? Ничего подобного, не думай про меня такие глупости! Ведь я дымлюсь, когда мне захочется, и где угодно. Дымиться я могу и в ванной, и на кухне, и на улице. Просто мне иногда нравится подымиться.

Но не завидуй мне, приятель, прошу, не надо! Ведь если ты не умеешь дымиться, то никогда не поздно этому научиться. Ты, наверняка, умеешь и любишь менять у воздуха запах? Значит, и дымиться научишься!

Еще очень бывает полезно побыть иногда гейзером, извергающим струи теплой воды или грязи. В такие моменты испытываешь ни с чем не сравнимое удовольствие и успокоение.

Однако, рассказ этот может затянуться, и я начну писать про гимнастов, странных таджиков, про хитрых пчеловодов и сравнивать их всех с умалишенными шахматистами. Но именно сейчас я этого делать не намерен. Так что, не обессудь, вали, читатель, к чертовой бабушке. Почему? Потому, что именно сейчас мне захотелось срочно побыть гейзером.

ОДНОСТОРОННЕЕ ОБЩЕНИЕ № 2

Дрожи от страха, мой глупый читатель, ибо пришло время мне начать свой рассказ о патологических личностях. Я обещал тебе поведать о них в «Одностороннем общении №1». Это, друг мой, гимнасты, странные таджики, хитрые пчеловоды, шахматисты и, конечно же, велосипедисты. Все они представляют для тебя опасность, так как ими движет патология, а тобой, я надеюсь, здравый рассудок.

Начнем со странных таджиков. Они, как известно, отличаются от всех остальных патологических личностей тем, что вокруг всего роют свои арыки. Стоит тебе остановиться и задуматься о чем-нибудь вечном, смотришь, а вокруг тебя уже вырыт глубоченный арык. Ничего удивительного не случится, если ты расстроишься. Но только ты расстроился, как считай, что ты пропал: странным таджикам именно этого-то от тебя и надо. Они удовлетворяют свои патологические потребности только таким способом.

Теперь рассмотрим, к примеру, велосипедистов: они прибегают к другому, не менее хитрому, приему. Их патологическое влечение удовлетворяется посредством велосипеда.

Идешь ты, совершенно спокойный, и тут вдруг мимо тебя едет на велосипеде эта тварь. Ты, конечно же, терпеть этого не можешь, и пинаешь по велосипеду. Велосипедист незамедлительно падает, гремя своими колесами. Вот ты и опять попался! Ведь именно этого-то и хотел от тебя паскудник, уж такова его натура. И не обижайся! Ведь ты сам, по своей воле, дал заманить себя в эту ловушку. А он, велосипедист, уже на седьмом небе от счастья.

Если же тебе попался хитрый пчеловод, то тут вообще ничего не поделаешь: он тебя просто непременно обманет. Но не надо, пожалуйста, потирать от предвкушения битвы хитрых умов руки, мой славный, - не надо! Он тебя начнет обводить вокруг пальца уже в

тот момент, когда ты еще только начнешь потирать свои сухие, бухгалтерские ладони. Хитрый пчеловод от этого получит огромное удовольствие, а ты, мой друг - только расстройство нервной системы.

Однако, я смотрю, ты совсем мною запуган... Не боись! Есть средство, которое всегда тебе поможет. От тебя лишь требуется не обращать на этих субъектов своего внимания - и ты никогда не попадешься им на крючок.

Я не рассказал тебе пока только одного. Ты, наивный, сидишь сейчас где-нибудь в уголке, читая мой рассказ и напрягая свое драгоценное зрение. И не подозреваешь, что я сижу рядом, незаметный, и впадаю в сладострастную кому оттого, что ты попался на МОЮ уловку с этим рассказом. И уже почти пропал! Незаметно, исподволь я заманил тебя в СВОЮ ловушку. Ведь я тоже ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ личность! Теперь тебе из моих сетей уже не выпутаться. Я съел тебя, приятель, а ты того и не заметил. Что ж, ты был забавен. Прощай, дружище!

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ

На десятилетие мне подарили кактус. Он был большой и колючий, поэтому мне и понравился. Я поставил его на свой письменный стол и всегда любил им любоваться. А вот поливать его я просто ненавидел. И не поливал. Он рос в условиях безводья, как у себя на родине, в Мексике и, наконец, когда мне исполнилось двадцать - высох. Занятная история, не правда ли?

Я долго ходил безутешный, оплакивал потерю, ведь десять лет вместе - это вам не папироску выкурить. И однажды нашел ему замену - купил себе пластмассовый кактус. Точь-в-точь такой же, какой был у меня, только он имел одну особенность - не высыхал!

В двенадцать лет мне подарили двух хомячков. Они были забавные, эти хомячки: круглые сутки напролет грызли газеты вместе со своей клеткой и бегали, как одержимые, в своем хомячьем колесе. Однако они, как и кактус, не умели просить есть и за две недели, объевшись газет, издохли.

На замену им я купил себе двух плюшевых и посадил их в пустующую клетку. Они не грызли газет и не носились по колесу, как угорелые. Короче, заменой я был доволен.

В двадцать два года я съехал от родителей и бешеной сестры на пустующую квартиру и вырезал там себе из картона родителей и сестру, расставив их по квартире. Теперь они меня не доставали, хотя и присутствовали в моей жизни. Оставалось только регулярно стряхивать с них пыль. Это мне больше нравилось, чем ругаться с ними каждый день по пустякам.

Когда я решил завести себе жену, то столкнулся с проблемой: все претендентки, которые вначале меня устраивали, на поверку через пару месяцев оказывались невыносимыми стервами. Этот факт меня нисколечко не раздосадовал. Я знал, как решить эту проблему – просто сходил в ближайший секс-шоп и купил себе резиновую жену.

Все в моей жизни было просто прекрасно, но однажды я понял, что в ней не хватает детей. Вы, наверное, уже догадались, как они у меня появились, – я просто купил их в магазине, таких премиленьких пенопластовых детишек, которые не хулиганят, не разбивают любимую вазу, и вообще не путаются под ногами.

Наконец-то я зажил счастливой, полноценной семейной жизнью! Ведь меня теперь все устраивало - и мои пенопластовые дети, и моя резиновая жена, и несгораемые родители из картона. А также плюшевые хомяки в клетке и пластмассовый кактус.

А о твоей жизни, обыватель, можно только пожалеть. Мне жаль тебя, задерганный этим жестоким миром человек!

РЫБА

Захотелось мне как-то поесть, и стал я думать, чего же мне такого хочется. После дня размышлений я перехотел есть и даже забыл о еде. На следующий день я опять захотел есть и опять напряженно думал, чего я хочу.

Так прошло восемь дней и я очень похудел, но все таки не решил, чего хочу. Через несколько дней, – через сколько, уже не помню, – меня, наконец-таки, осенило: хочу я не чего-нибудь, а рыбу. Рыбу, и все тут!

Сходив в магазин, который находится рядом с моим домом, я обнаружил, что он не работает. После долгих размышлений я понял, что сейчас ночь, и именно поэтому-то он и не работает. Пришлось идти домой. На следующий раз магазин был на учете, но вот в третий я нашел-таки его работающим. Я ликовал в предчувствии вкусной рыбы во рту!

В магазине было много рыбы, но вся она была почему-то мертвая. Переступить через себя я никак не мог и есть мертвечину не собирался – ну, не извращенец же я!

Пошел по городу, надеясь найти живую рыбу, и нашел ее на базаре. Ею торговал спившийся рыболов-спортсмен за 1 р. 50 коп. Поторговавшись, я купил себе рыбину на килограмм за 1 р. 15 коп.

Придя домой, я положил рыбу в таз с водой. Пока готовил сковороду, рыба плескалась в воде и залила всю кухню. Потом я взял рыбу руками и положил ее на сковороду. В это время рыба открывала рот, говоря мне что-то и вращая глазами. Но я по-рыбьему нисколько не понимаю, поэтому изжарил ее и съел.

СМЕРТЬ ДЕВУШКИ

Девушка стояла посреди улицы и задумчиво упала в обморок. «Весна пришла», - подумала она, вставляя выкатившийся левый стеклянный глаз на прежнее место и отряхиваясь. «Грачи прилетели», - сказала она уже вслух и вторично упала в обморок. На этот раз подбежали люди, подняли ее и поставили на прежнее место, вставив в сустав ее пластиковую ногу. Откуда ни возьмись, налетевший ветерок подхватил с ее головы потрепанный паричок и понес на другую сторону улицы. «Непорядок», - сказал, покачав головой, проходивший мимо серьезный человек, глядя на непокрытую волосами девичью голову. Девушка поправила свой съехавший на бок силиконовый бюст и ухмыльнулась во всю ивановскую вставными зубами. И опять упала в обморок.

Подъехала машина техпомощи и заменила девушке батарейки. Новые батарейки к ее искусственному сердцу не подошли и поэтому она, сделав два шага, упала и в ее голове произошло короткое замыкание.

Приехавший механик, поковырявшись в девичьем нутре, только развел руками и сплюнул. Жильцы соседних домов ждали, когда уйдет механик. Когда он ушел, они кинулись разбирать молодое создание на запасные части для своих пылесосов, телевизоров, унитазных бачков и своих детей. Они не брезговали даже обгоревшей проводкой!

ЛЮДИ И КАРМАНЫ

Вот идет Петр Иванович, на работу торопится, опоздать боится. Давайте остановим его и пороемся у него в карманах, чтобы узнать, что за человек такой этот Петр Иванович.

Выворачиваем первый карман и видим ключи, талончик на автобус и одну затрепавшуюся карамель. По первому карману выводы делать рановато, поэтому выворачиваем второй. Находим там расческу и очки. Других карманов у Петра Ивановича нет, тогда пришьем ему третий и положим туда бумажку, удостоверяющую его как человека хорошего и серьезного. Отпустим его восвояси, пусть идет, куда шел.

А вот бежит в магазин Роман Владимирович - покупать себе на обед колбасу и бутылку кефира. Отвлечем его немного от дел насущных и пороемся у него в карманах. Однако... что это с его голосом? И почему он в чулках? И усы куда-то делись... «Что это с вашей грудью, Роман Владимирович? Ах, извините, я ошиб ся, это не вы, Роман Владимирович, а ваша жена, Маргарита Семеновна – не разглядел, не разглядел!»

Что ж, если это не Роман Владимирович, поглядим в карманах у его супруги. Что же мы видим? Помаду, зеркальце, носовой платочек и записку от ее ухажера, сложенную вчетверо. Да, легкомысленная особа... Ну, что же, пусть идет себе в магазин, или к своему любовнику – не наше это дело.

А вот и Федор Евгеньевич - в толстых очках, растрепанный весь и, как всегда, прогуливается с отсутствующим видом. У него много разных оттопыренных карманов. Очень интересно: что там? Давайте заглянем!

В первом кармане лежит гнутый ржавый гвоздик и кусочек линейки. Заба вно! Во втором – помятая прошлогодняя газета, карандаш, пять разноцветных пуговиц и пластилиновый шарик. Та-ак! Из третьего и четвертого достаем подсвечник с пробкой от бутылки, горсть табака, селедочный хвостик и дверную ручку. Ха! Пятый и шестой полны камешков различной формы, а вот в седьмом лежат детская сандалька и косточка от абрикоса. Другие карманы мы даже смотреть не будем, уж больно странный этот Федор Евгеньевич. Нехорошо, нехорошо, Федор Евгеньевич, бесполезный вы этакий, глупый вы человек! Идите на все четыре стороны - и больше нам не попадайтесь. А не то пришьем вам еще карман - и положим туда бумажку со скверным содержанием!

Здравствуйте, Николай Савельевич! Заждались мы вас! Где там ваши три кармана? Вы их отпороли? А тот, что не для всех – потайной такой, за подкладочкой? Ах не знаете такого... Сейчас посмотрим! Ага, вот он. Какой же вы скрытный, Николай Савельевич, нехорошо! Там ведь, кажется, должна лежать пачечка зелененьких-презелененьких купюрочек. А что это у вас за щекой, ну-ка, ну-ка... Нехорошо запихивать себе в рот золотой перстень, он же грязный – глисты могут быть. И не дрожите, как осиновый лист, будьте мужчиной, вы же у нас такой мускулистый. Сейчас вот мы возьмем одну денежку и стукнем вас в глаз, чтобы вы не были таким жадным с купердяем.

Очень нехороший человек этот Николай Савельевич! Давайте помоем руки после него и пошарим в своих карманах. Может, найдем что-нибудь?

КАПРИЗЫ ХАРАКТЕРА

Авдотий Макарович был чрезвычайно чистоплотен. И не то, чтобы он просто соблюдал чистоту тела - он был всегда абсолютно чист, даже, можно сказать, до стерильности чист. Содержал он себя в таком виде не из соображений медицинских или этических, а из-за своего характера. Характер его был педантичен до ужаса. Начав, например, уборку в доме, он заканчивал непременно капитальным ремонтом. Такой уж был человек.

Чистоплотностью своей Авдотий Макарович очень гордился. Окружающие люди его уважали, а родители несносных детей ставили его в пример. В компаниях он пользовался непререкаемым авторитетом и был живым идолом своего городка. Все его любили и буквально носили на руках. Авдотий Макарович был желанным гостем на всех выставках, банкетах и заседаниях. Даже сам мэр и другие сильные мира сего здоровались с ним за руку, повстречав на улице.

Сидел как-то воскресным вечером Авдотий Макарович у себя дома, и вдруг ни с того ни с сего навалилось на него меланхолия. Заметил он вдруг, что дома у него ничем не пахнет. Когда он приходил к кому-нибудь домой или просто выходил на улицу прогуляться, его тончайшее обоняние улавливало тысячи разнообразных житейских, или каких еще запахов. А вот у него дома ничем не пахло!

Решил этот пробел Авдотий Макарович заполнить. Принялся он готовить всякие запашистые блюда. Но почему-то, стоило их приготовить, запах от них куда-то девался, и

дома опять ничем не пахло. Гонимый жаждой что-нибудь унюхать, он разбрызгивал у себя дома всякие духи с одеколонами и расставлял везде букеты самых запашистых цветов. Но чудно пахнувшие вне дома цветы и духи теряли свой аромат, стоило их принести домой. Даже метеоризм, случавшийся с ним с завидным постоянством, запаха не имел.

Тут в самый бы раз Авдотию Макаровичу с горя повеситься или хотя бы тронуться рассудком, но нет – не на того напали, рассказ не тот, да и сам герой, оказывается, не хлипкого был десятка! Добрые люди посоветовали ему сидеть безвылазно дома недели две и жечь кришнаитскую зловонь, не моясь и ходя вместо туалета по углам.

Погоревал Авдотий Макарович немного, и последовал дружескому совету. Сначала он очень мучился без любимых сантехнических уголков своей квартирки, но потом мало-помалу начал привыкать к такому образу жизни. На исходе первой недели ему приснился вещий сон, будто сидит он у себя дома и наслаждается запахами. И вдыхает их, и вдыхает, и надышаться не может! Так и проснулся.

На середине второй недели у Авдотия Макаровича случился пожар. Но он не сгорел, нет! Его спасли пожарные. Предстал он перед толпой зевак весь заросший, грязный, в лохмотьях, чего с ним прежде никогда не случалось. Сердобольные люди предлагали ему свою помощь, звали помыться, побриться, аккуратно подстричься и одеться. Не забывайте, что Авдотий Макарович совсем недавно был кумиром горожан по части чистоплотности. Однако, сам погорелец не только желания не выказывал, но даже и слышать ничего не желал подобного. Все подумали, что это он с горя так реагирует на разумные предложения, поэтому решили его пока оставить в покое.

Когда квартира начисто сгорела и остались лишь одни стены да потухшие уголья, Авдотий Макарович ринулся на пепелище. На следующий день его там и нашли, всего в слезах. Никто не понял истинной причины его слез. Он рыдал от счастья: дома у него, наконец-то, не только пахло, но по настоящему воняло!

КАК Я ПЕРЕСТАЛ ПИТЬ ВОДКУ

В моей голове однажды завелось десять бабочек: две синих, две желтых и две вообще не поймешь какого цвета. Откуда они у меня там взялись и почему именно в голове, мне неведомо – просто однажды взяли и появились. Жить и думать бабочки мне не мешали, поэтому я решил их не выгонять. Пусть живут, жалко, что ли?

Жил я себе не тужил с бабочками в голове, пока однажды не стал замечать странных вещей – сначала из головы стали пропадать ручки с бумагой, потом игрушки и погремушки и, наконец, бабочки стали курить и ругаться матом. В голове моей стало душно и очень громко. В восемь бабочек - это вам не хухры-мухры!

Терпел я их, терпел... Наконец, не выдержал и решил выгнать. И выгнал. Теперь в голове у меня нет бабочек!

ПЛОДОВИТАЯ ЖЕНЩИНА

Марья Алексеевна Семенова была плодовитой, как черноземная земля, женщиной. Пока она пила за завтраком чай, родила три карандаша и один будильник. Когда же смотрела телевизор, сидя в кресле и разговаривая по телефону с одной очень тучной женщиной, родила раскладушку, несколько тараканов, которые тут же разбежались, и премиленькую вазочку для цветов.

Недавно Марья Алексеевна явила на свет божий очень дохлую кошку, и ходила сконфуженная целых три дня, и все эти дни у нее рождались только канцелярские скрепки и сургучовые печати с веревочками.

Вы думаете, такого не бывает? Еще как бывает, скажу я вам! Вы, наверное, просто не разбираетесь в женщинах, поэтому так и думаете. А Марья Алексеевна Семенова - ну, очень плодовитая женщина!

ОПАСНЫЕ ПОЗЫВЫ

Интересно, что будет, если у лягушки оторвать хвостик? Без него она рыбой уже, наверное, не будет и плавать, вероятно, не сможет, а просто возьмет и утонет, как консервная банка. Повращает глазами там, в иле - и превратится в простую ракушку-прудовика.

А в кого превратится слон, если у него отпилить рога и копыта? Со слоном уже сложнее: как он будет выкапывать ягель из-под снега и с ревом драться из-за самок? Хотя, если к нему привязать той ниточкой, которую я вчера нашел у себя в кармане, хвост от лягушки и научить плавать, то, наверное, он превратится в рыбку.

Что будет с улиткой, если ее поить вместо чая апельсиновым соком? А если еще у нее открутить все пятнадцать колесиков и пообламывать ветки с листочками, то что тогда будет?

Какие-то у меня сегодня в голове кровожадные мысли. Надо бы перестать об этом думать, а то вдруг еще что случится…...

Александр Богатырев

Пора меж волка и собаки

ПОХМЕЛЬНЫЙ СИНДРОМ

Очередное Смутное время в России плавно перетекло в похмельный синдром, обычный после всякой разудалой (а другой у нас не бывает) пьянки. Как и положено по законам социальной физиологии, сознание общественно-политического организма, претерпевшего столь из ряда вон выходящие нагрузки, находится в неизбежно помраченном, то есть сумеречном состоянии, что и дает основания именовать переживаемую нами пору временем сумерек: порой «м еж волка и собаки». При этом привычный спор «о судьбах России» сводится к судьбоносному выбору между стаканом, наполовину, на взгляд оптимиста, полным и наполовину (если верить брюзжанию присяжного пессимиста) опустошенным.

Что представляют собой данные общественно-политические сумерки: пору желанную, предрассветную или же период недолгого угасания того, что еще осталось? Мирный домашний пес придет вскорости на смену вольному хищнику первонакопления, или же окончательно восторжествует закон большой дороги, когда жить имеет право только тот, кому клыки и зубы позволяют?

В наших конкретно-исторических условиях этот условный выбор меж волком и собакой приобретает дополнительный зловещий оттенок. Потому что, в сущности, речь идет о том, удастся или нет России, наконец-то, приручить те самые общечеловеческие ценности демократии и прав человека, которые до сих пор у нас косят красным глазом в темный брянский лес, сколько ни корми их рассуждениями о национальных особенностях построения гражданского общества в России. А может, мы и впрямь обречены сидеть по уши в «собственной специфике», то есть, в той ситуации, когда единокровное государство (по штатному расписанию означенное как домашний пес на страже обывательского моего благополучия), того и гляди, вцепится снова в глотку хозяину, разомлевшему под первыми лучами солнца свободы. Тем более, что кормить сторожевого пса у нас как-то даже и не принято: выдали тебе табельный пистолет, сапоги и форменную фуражку, так зачем же и на жалованье еще казне тратиться?

Александр Михайлович Богатырев родился в 1952 году в селе Каменка Приморского края в семье подполковника медицинской службы. В 1967 году получил травму позвоночника и первую группу инвалидности пожизненно. В 1975 году окончил педагогический институт по специальн ости «преподаватель английского языка». С 1997 года сотрудничает в качестве публициста с рядом региональных газет. Главный редактор ярославских газет «Вечерний Ярославль» и «Ярославский инвалид». Заместитель председателя Ярославского отделения Всероссийско го общества инвалидов. Член президиума политсовета Ярославского регионального отделения партии «Либеральная Россия».

Живет в Ярославле.

Предлагаемая статья написана специально для журнала «Русский путь».

© Александр Богатырев, 2003.

У русского человека брюхо устроено так, что начинает послушно выделять желудочный сок не от вида реального мяса или хотя бы запаха оного, но просто даже от условного звоночка, посредством коего его созывают для соборного решения перезревших проблем исторического развития. Вечевой колокол, правда, пробуждал в массах гражданскую активность, а звоночек - лишь провоцирует напрасные социально-политические выделения. Но гром державной меди нас давно пугает, поэтому власть предержащим приходится ныне ограничивать силу звука побудительных сигналов. Таким вот образом и получается, что, заслышав очередной вкрадчивый шепот, мы почему-то уверены, что приглашают нас на торжественное заседание по случаю окончательного возрождения Великой России, с музыкальной частью и непременным обедом за счет заведения. Однако почему-то каждый раз вместо ложки на входе нам вручают кайло в руки и отправляют рушить все то, что аккурат вчера достроили с потом, кровью и всенародным матерным энтузиазмом.

Потому так исконно и манит всякого русского светлое будущее, что жизнь в постоянных исторических потемках способствует развитию социально-политической куриной слепоты. Народу до тошноты, в конце концов, надоедает это вековое блуждание с протянутой рукой - то ли в просьбе подаяния, то ли в опаске натолкнуться на неизбежный острый предмет. Понятно, что в протянутую эту руку могут вложить разве что орудие пролетариата, которое мы и бросаем наобум в ту сторону, куда неисповедимая русская душа укажет. И только убедившись по звуку, что снова грохнули что-то нужное в хозяйстве, начинаем задумываться о том, что нам и дальше предстоит жить в том же самом бедламе, усеянном собственноручными черепками.

Опосля, как водится, начинается следующая стадия народного протрезвления. Раздираемый мучительной болью за вчерашнее безобразие, мужик сидит посреди осколков семейного достояния и, зажав похмельную свою головушку, ругает себя последними словами, перемежая покаяние привычным матом по адресу жида-кабатчика, который, вестимо, всегда рад испить православной кровушки по сходной цене. Вот это и есть сумерки русского национального сознания. Причем возможны два исторических выхода из этого общественно-политического тупика: либо, не выдержав мук совести и головной боли, поправить здоровье, снеся в кабак последнюю женину тряпку, либо, окончательно убедившись, что пропито все подчистую, обмакнуть голову в ведро с холодной водицей и приступать к процессу восстановления народного хозяйства.

Рубежом здесь можно считать неуклонное нарастание в условном общественном сознании понимания того, что процесс выживания как-то слишком затягивается. Ибо самое опасное и для страны в целом, и для каждого отдельно за горло взятого гражданина - это когда выживание из чисто физиологического процесса превращается в образ жизни. Когда большинству начинает надоедать просто выживать, страна начинает развиваться, поскольку ничего другого ни ей, ни ему просто не остается.

Еще одним наглядным показателем перехода революционной эпохи бури и натиска в зону сумеречной стабилизации является столь же неуклонно нарастающее в обществе равнодушие даже к важнейшим и первейшим завоеваниям революции: политическим правам и личным свободам. Сегодня в России большинство зарегистрированного электората не желает не то что штурмовать расплодившиеся «Белые дома» всех уровней либо столь же самозабвенно оборонять окопавшихся там хомячков, но и просто исполнять первейшую гражданскую потребность в изолированной кабинке для голосования. В некотором отношении это даже замечательно, ибо оплеванное всеми пропагандистами и агитаторами равнодушие обывателя к своим гражданским обязанностям - есть неотъемлемое и всемирное свойство нормального мещанина. Уровнем же «нормальности» конкретного обывателя определяется степень цивилизованности, вменяемости социально-политической системы страны в целом. Чем меньше свободный гражданин бегает по митингам и демонстрациям, тем больше времени остается у него для ремонта квартиры и воспитания собственных детей.

Когда страна приказывает быть героем, и таким героем по вызову становится любой, то это не страна, а сумасшедший дом, где в каждую коммунальную палату на пятерых всенепременно впихнут для «уплотнения» не меньше восьми коек, на которых спят по три Наполеона за раз. Естественно, что санузел в такой стране - один на этаж, да и тот не прочищен, потому как не наполеонам же канализацию обустраивать.

В общем, как бы ни тщились очернить нашу сумеречную действительность непримиримые злопыхатели, наш спад явно сменился подъемом. Тут даже не в процентах дело: когда минимум треть экономики официально считается теневой, то пять процентов туда или сюда - просто статистическая погрешность. Дело в ином: изменилось ощущение значительной части выжившего списочного состава. Конечно, до рассвета еще далеко, а значит, дождутся не все, но уже повеяло в морозной мгле чем-то свеженьким. Я хочу сказать, что особенность данного текущего момента состоит в том, что несомненное большинство непредубежденного населения демонстрирует уверенность скорее в ожидающем нас промозглом рассвете, чем опасения по поводу дальнейшего усугубления окружающей тьмы повседневного существования.

Мы привыкли терпеливо ждать светлого будущего... Но при этом как-то мало верим в саму возможность его наступления. Хорошая жизнь - это не сам факт, и даже не сама вера, а, пожалуй, лишь необходимость веры. Веры в то, что обязательно будет завтра, но на самом деле не будет никогда. Русский человек мечтает о хорошей жизни, однако еще больше - боится ее. Может быть, именно поэтому он и собственную сегодняшнюю свою жизнь всегда готов отдать ради светлого будущего.

Сумерки - это наше все, то есть наиболее привычная среда обитания национального сознания. Потому что именно в сумерках как-то особенно хорошо размышляется и мечтается, и при этом можно ничего не делать: былинный Илья Муромец сиднем сидит на своей печи аккурат напротив не менее символичного дивана Ильи Ильича Обломова. Ясно, что в подобных условиях дискуссия о судьбах многострадальной родины и путях дальнейшего развития обречена на бесконечность. Перманентная дискуссия о том, как надо жить, вместо самой жизни - именно в этом и состоит та самая национальная идея, без которой русскому даже водка пьется далеко не с тем удовольствием, какого заслуживает.

ГИБЕЛЬ БОГОВ

Империя умирает не то что трудно, но очень уж надоедливо. Уже и сам больной давно знает, что обречен и, следовательно, каждый лишний день лишь увеличивает напрасные страдания. Но ведь даже и страдания все же лучше окончательного небытия! Основная проблема при этом состоит в справедливом разделе наследства покойного.

В России всегда слишком много принадлежало государству и слишком мало - отдельно взятому верноподданному. Более того, исторический менталитет нации на том и возрос, что высшей доблестью человека и гражданина провозгласил ежеминутную готовность не токмо возложить на алтарь Отечества все движимое и недвижимое, но и животы свои покласть на это же самое жертвенное блюдо. Это чисто языческое поклонение державному идолу, с обязательными кровавыми жертвоприношениями, русское православие, кстати, не только не затронуло в сути своей, но, напротив, подхватило и творчески развило: нет выше доблести, чем положить живот свой за други своя. Причем под «другом» понималось всегда именно и только государство, священная наша держава, которая в качестве ответной

взаимности имела обыкновение плевать на человека и гражданина, оставшегося без последнего живота своего. В результате, русский человек привык жить и поныне живет на положении индийской вдовы, коей обычай предписывает добровольно разделить с безвременно усопшим мужем и господином его погребальный костер. Он не просто чувствует свою личную вину за развал империи - он виноват уж тем, что пережил свою

почившую в бозе родину! Всякую же вину хочется посильно искупить, и именно с этим связана пресловутая ностальгия по «светлому вчера», которая заставляет то украш ать лобовое стекло обретенной, наконец, иномарки портретом Виссарионыча, то совершенно добровольно и вполне осознанно голосовать за Вольфыча.

Империя бессмертна в том смысле, что в нынешнем своем геополитическом образе Россия обречена на имперское величие, ибо только оное может быть единственно возможной формой ее существования. Потому русское национальное сознание не может не быть имперским: в противном случае оно просто перестает быть таковым, сознательно растворяясь тоненькой струйкой в общем потоке гло бального, а потому безродного космополитизма. Общечеловеческие ценности для нас - это современная разновидность так хорошо нам памятной общенародной собственности: это то, чего нет, потому, что принадлежит всем, а значит, никому. Таким образом, бессмертна не сама империя, но идея о ней, которая и есть, собственно, русская идея. Именно поэтому любая революция у нас в качестве первого и основного лозунга провозглашает борьбу с империей: с этого начинается - этим и заканчивается. То есть, возвращение к имперск ой идее в новом виде является самым бесспорным признаком окончания очередного революционного цикла.

Всякое языческое божество сохраняет свою силу лишь до тех пор, пока ему согласны приносить жертвы. Без постоянной подпитки живой кровью грозный идол станови тся простой раскрашенной деревяшкой, которую толпа новообращенных язычников с превеликим энтузиазмом стаскивает с пьедестала и волочет в пыли и грязи на свалку истории, непременно подвергая демонстративному оплевыванию и прочим разновидностям проявления хо лопьего усердия. Для всякого холопа нет выше счастья, как плюнуть в морду тому, чей зад лизал вчера. Таким образом, революция продолжается до тех пор, пока, во-первых, есть куда плевать, а, во-вторых, пока еще не вполне определился тот конкретный, персониф ицированный зад, в очередь к которому можно выстраиваться с гарантией на воздаяние.

Главная задача любой революции - вовремя кончиться. Если революция не кончается, то сие означает, что никак не разрешаются те проблемы, которые и подвигли на последний (как им обещали) и решительный бой вовлеченные в это дело широкие массы. А главным двигателем всякой общественной заварухи является надежда. Надежда на то, что если дальше «так» жить нельзя, то как-нибудь «по-другому» жить станет, наконец, можно.

В приснопамятном августе рубежного девяносто первого страна пошла не столько за демократами, тогда еще не взятыми в кавычки, сколько именно за обещанной надеждой. В результате бездарно разыгранного фарса рухнула не заплеванная к тому времени империя (которой, к тому же, никогда и не было), и даже не коммунистическая, как уверяли, идеология (коей никто так и не сподобился узнать, ибо к нашей повседневной жизни отношения она не имела). Рухнула конкретная власть, исчерпавшая себя самообманом собственной лжи, возведенной в закон. Рухнула система, выстроенная на вере в догмат о насилии, как повивальной бабке истории, но надорвавшая свой державный пуп в обреченных попытках силой и уздой втащить загнанную клячу старого мира в светлое стойло обобществленного грядущего. Как Петр не скупясь мостил телами русских смердов топи чухонских блат, прокладывая в Европу свои невские перспективы, так и его самопровозглашенные наследники из ордена партийных меченосцев не колеблясь уложили уже целые поколения под асфальт и щебенку магистрально го пути человечества, дабы не пробуксовывало на крутых поворотах России ненасытное колесо истории. Поэтому и в девяносто первом, как в семнадцатом, страна не столько победила, сколько надорвалась. Разуверившиеся в бесполезных (то есть ставших бессильными) идолах люди просто отказались еще раз (самый, как всегда, распоследний) пожертвовать собой. Второй раз в тысячелетней своей истории Россия не захотела идти послушным солдатским строем под заунывную дробь державных барабанов, и этого опять оказалось достато чно, чтобы несокрушимое в битвах государство даже не пало, а просто рассыпалось. И как в «ту»

революцию не нашлось никого, кто хотя бы попытался спасти помазанника божьего в священной особе государя, так и в «эту» никому даже в голову не пришло оборонять цитадели руководившей и направлявшей вчера еще партии, брошенные на радостное поругание толпы.

Так до сих пор и не усвоенным уроком тех суматошных августовских дней должно было бы стать (но не стало) осознание очень понятной мысли: равнодушие народа делает бессильной любую власть. Политическая импотенция правителей неизбежно ведет к державному бесплодию: судьба смоковницы, плодов не приносящей, предопределена со времен ветхозаветных.

Национальная беда всякой русской революции в том, что в результате к власти (к государственному то есть, в буквальном смысле, «кормилу») приходит несуразное число профессиональных революционеров, для коих вся-то наша жизнь есть борьба, поскольку ничего другого они попросту не умеют. Именно поэтому наши революции имеют отвратительное свойство никак не кончаться. Вождь ни за что сам не слезет с бронемашины, боясь затеряться в толпе. Кажется, врожденная беда всякого российского вождя в том, что он не может всю жизнь, подобно Симеону Столпнику, простоять на башне танка с простертой в указующем жесте дланью. Иногда думаешь, что и для вверенного ему народа было бы лучше, если бы он там и оставался: самый лучший вождь - Медный всадник, потому хотя бы, что его можно развернуть в любую удобную и нужную в данный исторический момент сторону.

В последнее время общество наше все больше начинает напоминать дни незабвенные, впоследствии находчиво поименованные застоем. Не прекращающаяся и не знающая продыху борьба за выживание превращает повседневную жизнь большинства в один беспросветный процесс элементарного существования, в коем политика стала даже не роскошью, а эдакой не слишком уместной забавой для тех, кто может себе это позволить. Народ безмолвствует, привычно «возложив чаяния» на очередного Спасителя Отечества.

Сегодняшняя Россия по-своему уникальна тем, что низы притерпелись, а верхи первоначально благоустроились. Низы не желают революционных потрясений, ибо на своей шкуре неоднократно убедились в том, что любые революции всегда были и будут только за их счет. Верхи же не могут себе никаких катаклизмов позволить именно потому, что сами вчера были внизу и еще хорошо помнят, каково там. В результате, бедные готовы пока терпеть богатых, а власть насквозь видит оппозицию, понимая, что все мы, в сущности, хотим одного и того же, по разные же стороны баррикад нас разводит лишь степень личной сопричастности к по-прежнему одной на всех державной кормушке. Империя несокрушима, пока толпе хватает хлеба и зрелищ, а народные трибуны озабочены обретением депутатской неприкосновенности и окладом своего содержания.

Пресловутого противостояния власти и оппозиции у нас как не было, так и нет, потому что власть и оппозиция в России и по сию пору - близнецы-братья. Потому что по сию пору на вершине пирамиды власти сидит не столько демократически избранный президент, сколько назначенный решением Политбюро генеральный секретарь правящей партии, она же и единственно возможная руководящая и направляющая сила всего исторического развития. Парадокс разве что в том, что нет самой этой формальной партии. Но в реальном статусе Генерального Секретаря ничего от этого не меняется. В России всегда не вождь для партии, а партия для вождя. Так что, был бы вождь, а партию для него слепить - дело техники. Никакое правительство парламентского большинства у нас невозможно в принципе, потому что у президента и генсека разные не только представления о власти, но и сами по себе властные функции. Президент управляет страной, тогда как генсек правит руководящей силой. Именно потому все скороспелые «партии власти» последних лет и получались такими недоношенными, что их штатные организаторы никак не могли уразуметь эти две большие разницы. В наших условиях «партия власти» нужна вождю главным образом для того, чтобы бороться с собственным партийным аппаратом. В этом сходство схемы сегодняшней власти в России с основными

постулатами квантовой физики: то, что невозможно представить, нужно просто высчитать, а затем вывести соответствующую формулу, дабы самому суметь в нее вписаться.

Идолы истинного партийца (а президент Путин такой же истин ный партиец, каким был и президент Ельцин) - власть и государство. Сталинская формула святого триединства заветного ордена большевиков-меченосцев: Вождь-Партия-Государство. Это триединство должно быть спаяно единой руководящей волей и силой. Воля вождя дол жна быть поддержана силой партии. Искусство же вождя состоит в том, чтобы укротить силу партии. Народ безмолвствует, как ему и положено, ибо положено ему известно что - мужественно переносить неизбежные тяготы, не теряя веры и надежды, а также честным трудом посильно способствуя и приближая. Все это, конечно, можно изложить гораздо более демократически удобоваримыми терминами, но суть останется прежней.

Суть же в том, что Генеральный Секретарь - это должность, на которую можно быть избранным и с которой мож но быть свергнутым. Наша многострадальная история не знает только одного варианта: когда генсека не переизбрали бы. Собственно, именно с реального переизбрания президента России и можно будет начинать отсчет подлинно демократического этапа в историческом р азвитии страны. А назначение преемника - это свойство и следствие сугубо монархического механизма верховной власти нынешнего государства российского. Смутное время кончается с появлением самодержавного властителя, на смену которому, в свою очередь, приходи т диктатура тех, кого он «недодавил» за время своего правления. Таким образом, основная задача правителя эпохи сумерек - не столько раздавить как можно больше блох и прочих паразитов, присосавшихся к державному телу (сие невозможно по определению), сколько обеспечить такие условия, которые не позволили бы этим паразитам взять реванш после его неизбежного отхода от кормила власти.

Самая большая и непосредственная опасность для современной России кроется в продолжающем не только сохраняться, но и все более уг лубляться взаимном отчуждении народа и власти. С одной стороны - власть, замкнутая по-прежнему исключительно на самое себя, в то время, как политическая борьба сводится к перманентной грызне противостоящих кланов и группировок. С другой - подавляющее больш инство населения, которое уже просто устало разочаровываться и молчит лишь потому, что не верит никому, в том числе и себе, но при этом подспудно готово пойти за любым, кто сумеет внушить любую духоподъемную веру и надежду, пусть самую дикую и несбыточную, пусть даже кровавую. Ведь чем больше в России демократии, тем больше нам хочется НКВД. Потому что каждый наивно полагает, будто сам он настолько мелкая сошка, что уж им -то «органы» точно не заинтересуются, но вот его соседа -миллионщика непременно возьмут к ногтю. Можно даже и многое претерпеть, лишь бы иметь если не гарантию, то хотя бы надежду, что односельчанина-единоличника рано или поздно раскулачат. Это и значит для русского самосознания жить не по закону, но по совести. Справедливость же для нас состоит в том, что един лишь правитель волен в животе и смерти не только последнего своего холопа, но и любой из первейших особ государства.

В этих условиях фигура самодержавного властителя будет неизбежно оставаться для широких масс единственной возможностью перекинуть некий мост между собственным бессилием и монаршим всемогуществом. Там, где народ бесправен, тиран неизбежен. При всем том исторический опыт свидетельствует, что в России самодержавие всегда было нужно не столько самому монарху, сколько его ближн ему кругу, кругу стоящих жадною толпою у трона, с разинутыми клювиками, в ожидании более или менее жирных кусков. Здесь уже не до перспектив развития и прочих стратегических химер долгосрочного планирования. Хапать нужно здесь и сейчас, потому что каждый к усок может оказаться последним. Горизонт ограничен даже не сроком полномочий, а временем пребывания в фаворе: бери, пока дают.

Особенно наглядно эта клиническая близорукость правящей элиты проявляется в отношении к представительным органам власти. По сию пору депутат любого уровня рассматривается в России как неизбежное зло, которое способно более или менее вредить власти исполнительной в ее человеколюбивых усилиях. Общество в целом, в том числе и его элита, никак не придет к пониманию простого факта, что единственной известной миру альтернативой представительной демократии является та или иная форма более или менее кровожадной диктатуры. Поэтому от души аплодировать расстрелу из танков неправильного парламента либо публичному повседневному унижению парламента холопского может лишь человек, твердо уверенный, что водворившаяся взамен неизбежная диктатура будет «его», кровной, что называется, диктатурой, либо, на крайний случай, хотя бы гарантированно не тронет его самого и его семью. В сумерках кровь - это просто темная жидкость, в которой даже и запачкаться не так страшно, потому что не слишком заметно.

Только и при этом следует помнить, что нет - и не может быть - ни одной диктатуры, которая была бы в состоянии не только дать такое слово, но и сдержать его. Диктатура вообще по сути своей может существовать лишь в атмосфере постоянного поиска и непременного нахождения очередных врагов. В конце концов, очередь доходит и до тебя, причем скорость зависит лишь от степени того, в какой мере воцарившийся самодержавный правитель считает себя хоть в какой-то степени обязанным тому или иному конкретному очереднику: чем больше обязан, тем быстрее продвигается очередь на плаху именно в этом направлении.

Теперешнюю Государственную Думу России (с примкнувшим к оной Советом Федерации) нельзя, по большому гамбургскому счету, назвать даже Парламентом Ее Величества, как именуют подобное устройство благопристойные англичане. Наш парламент ничего не может требовать от нашего самодержавного президента, он может лишь с большим или меньшим внешним достоинством просить всенародно избранного монарха-президента более или менее с собой считаться, при этом президент отнюдь не обязан на подобные прошения обращать какое-либо внимание. Самое занятное, что кое-кто всерьез полагает (впрочем, скорее, делает вид), будто эдакое вот феодальное государственное устройство может способствовать нашему естественному присовокуплению к сонму цивилизованных европейцев.

Нынешний кабинет министров России - кабинет именно монархический как по форме своего назначения и утверждения, так и по своей кадровой сути, то есть, по подбору министерских назначенцев. Как и всякий нормальный Спаситель Отечества, президент Путин, похоже, искренне верит в то, будто все наши временные неудачи и отдельные все еще имеющие место быть недовыполнения успехов происходят единственно оттого, что его правильные указания никак не получат достойного воплощения на практике. Именно поэтому любое наше правительство сегодня должно действовать, не считаясь ни с чем, кроме личной воли президента. Ясно, что в таком правительстве не может найтись места ни одному деятелю, способному осмелеть настолько, чтобы хотя бы попытаться заиметь собственную точку зрения: нужны и допустимы только исполнители. Одновременно происходит и четкое разделение руководящей ответственности: все успехи возможны только благодаря четкому исполнению, неудачи же происходят исключительно в результате самовольных отступлений от проведенной перстом президента генеральной линии. Очевидно и то, что на таких оригинальных условиях контракт могут подписать только люди без политического роду и племени, коим терять нечего, кроме неведомого никому доброго имени, приобрести же они могут воистину все.

Таким образом, Россия снова возвращается в привычное монархическое стойло, а монархия у нас быть конституционной не может по определению, потому что во главе Российской империи должен сидеть самодержавный властелин - Государь Император, но никак не английская королева.

RUSSLAND, RUSSLAND UBER ALLES!

Древние славяне не подозревали о существовании евреев, а потому по неграмотности списывали все происходившие с ними беды на счет темных сил природы. С тех идиллических времен приходили на Русь варяги, немцы, евреи, прочий мировой империализм - и володели, как могли, вечно недовольными аборигенами, потому как земля наша обильна, но порядка в ней нет и по сию пору. Знать, враги продолжают вредить. То есть по-прежнему в кране нет воды, особенно летом.

Правда, за последние десять лет непрерывные успехи процесса демократизации привели к тому, что в освобожденном от оков отечестве нашем из евреев подзадержались разве что народные артисты России да сотни полторы олигархов, исполняющих тяжкие обязанности по владению русскими недрами, деньгами и средствами массовой информации. Для простого народа сие плохо тем, что из какого-нибудь Мышкина либо Углича до этих господ запросто вот так не доплюнешь, а между тем вражья морда должна у нас постоянно маячить перед глазами и всечасно не давать житья русскому патриёту непосредственно по месту его прописки и употребления спиртных напитков. Именно поэтому превращение части вчерашних соотечественников по союзу нерушимому в «лиц кавказской национальности» было столь же неизбежным, как великое крещение партийно-хозяйственного актива в истинно православную веру. Кстати, трудно сказать, которое из этих двух событий стало для России более разрушительным в нынешней исторической перспективе.

Русский национализм ничуть не лучше (как, впрочем, и не хуже) любого другого. На фоне искренней, на полном серьезе тоски по Великой какой-нибудь Латвии либо рассуждений о всемирно-историческом значении культурного наследия людоедов из племени тумбо-юмбо пьяные слезы о Великой России смотрятся прямо-таки неизбежным и естественным элементом здравого смысла и политкорректности.

На фоне общей стабильности социально-политической ситуации в России, сегодня особенно явно и ощутимо возрастает напряженность в национальных отношениях. Одной из причин этого можно считать неуклонный рост числа «инородцев», прежде всего тех же лиц кавказской национальности, под коими, впрочем, у нас понимаются не только выходцы с Северного Кавказа заодно с азербайджанцами, армянами и грузинами, но и коренное население бывших республик Средней Азии. С каждым годом так называемых «черных» просто физически становится все больше на улицах и - особенно - на рынках, причем не только в местах традиционного оседания либо сезонных подработок вахтовым методом, но уже и в самых удаленных местностях, где прежде удивлялись даже соседям по уезду.

Насколько можно судить, у большинства из вновь прибывающих и оседающих на более или менее длительные сроки на территории русских областей отсутствуют сколько-нибудь достоверные документы, подтверждающие их право как на само пребывание в России, так - и подавно - на занятие предпринимательством, прежде всего в сфере рыночной торговли. Это приводит их к необходимости устанавливать отношения с органами местной исполнительной власти и находить понимание в правоохранительных органах. Естественно, это сопровождается резким ростом коррупции на всех уровнях госаппарата, что не может оставаться незамеченным для коренного населения, уже русскоязычного. Среди прочего, происходит более чем ощутимый общий рост расценок взяток и подношений, которые вымогаются с любого просителя в присутственном месте, несмотря на национальность и уровень дохода.

По сути, корень проблемы не в самих по себе «черных», а в тех дополнительных сложностях для коренного населения русских областей, которые появляются и все более усугубляются по мере роста количества пришельцев. Очевидно, что, установив взаимопонимание с местной властью, пришлые пытаются использовать все и любые возможности, которые в результате у них появляются. С другой стороны, внешнее

давление со стороны враждебно настроенного местного населения приводит к необходимости создания жестких структур подчинения и дисциплины внутри каждой замкнутой конкретной национальной группы. Если же учесть, что неизбежные накладные расходы такой национальной группы изначально на порядок выше, чем у местных (взятки, взносы в общак диаспоры, переводы семьям домой, необходимость обустройства и раскрутки бизнеса), то столь же неизбежными становятся и поиски наиболее прибыльных сфер деятельности, что почти всегда ведет в конечном итоге к образованию этнической преступной группировки, сила которой - в закрытости для посторонних (а значит, и для правоохранительных органов), в железной дисциплине, спаянной круговой порукой и подкрепленной фактическим статусом заложников членов семьи на родине, где все друг друга знают.

Власти пытаются проводить политику диалога с официальным руководством национальных диаспор, но следует признать, что это скорее тактика, направленная на собственное (и начальства, в том числе в Москве) успокоение, чем стратегия, способная принести действенные результаты. Вряд ли формальные руководители диаспор имеют эффективные рычаги воздействия на основную массу соотечественников, особенно из числа радикально настроенной молодежи. Власти на местах слишком повязаны общим бизнесом с авторитетами национальных группировок, слишком большую выгоду имеют все - от постового до чинов администрации соответствующего муниципального образования и региона в целом, чтобы решиться на сколько-нибудь решительные меры в отношении упорядочения как условий проживания тех же местных чеченцев, так и их бизнеса (как законного, так и криминального). Значит, все будет по-прежнему спускаться на тормозах, а неизбежные инциденты будут исправно списываться на несовершенства федерального законодательства. Здесь, как нигде, необходимо вмешательство федеральных органов и ведомств, иначе, в конце концов, возможен погром не просто «черных», но заодно и всей местной власти скопом, купленной ими (готов и лозунг).

Примечательно на таком внутреннем фоне, что, с другой стороны, на международной арене Россия сегодня выступает в роли, чем-то напоминающей именно роль того самого «лица кавказской национальности», с которым внутри страны никак не налаживается более или менее конструктивный диалог. Мы как-то несерьезно обижаемся на то, что Запад не хочет понимать собственной выгоды от приобщения России к семье единой цивилизованных народов, но при этом носимся со своей неповторимостью, претендуя почему-то на почти официальную должность духовного наставника и местоблюстителя неких высших моральных ценностей. Мы то клянчим подаяние, то бьем себя в грудь; с утра униженно просим на опохмелку, а к вечеру уже запросто являемся к их семейному ужину и требуем налить на том лишь правовом основании, что «вы тут омаров жрете, а людям на водку не хватает».

Продолжение подобной теории и практики международной политики приведет к тому, что очередная гуманитарная интервенция вынуждена будет спасать уже не изнывающий под гнетом диктатуры иракский народ, а огнеопасные ядерные арсеналы России, вблизи коих аборигены слишком уж заигрались со спичками. И тогда объединенные миротворческие силы высадятся для нашего же блага и под наши же аплодисменты где-нибудь под Калининградом, коему, естественно, тут же вернут не только историческое название, но и государственную принадлежность.

Чтобы быть с цивилизацией на равных, чтобы уметь достойно отстаивать свой национальный интерес, надо этот самый национальный интерес хотя бы наконец осознать и потрудиться членораздельно сформулировать. С того хотя бы начать, что перестать юродствовать над национальной трагедией собственной истории.

Как уже было сказано, мы любим утром не помнить о том, что навытворяли предыдущим вечером. Неудивительно, что и историю собственной страны мы полюбили регулярно начинать с чистого листа. Как это по-нашенски, по-русски: на глянувшийся Петру голландский флаг с перепутанным чередованием полос влепить герб отжившей

византийской империи, привезенный усатой Софьей Палеолог в качестве приданого Ивану III, и провозгласить сей монархический гибрид республиканским символом Российской Федерации.

Дело, естественно, не во флаге, гербе или гимне, дело в нас самих. Когда те же коммунисты пеняют триколору его власовским прошлым, то и им можно напомнить, что свастика была первым официальным символом новорожденной Советской республики: на дензнаках она смотрелась эффектно. Дело в том, что не отрекаются любя, как прозорливо заметила всуе здесь поминаемая Вероника Тушнова. И под трехцветным знаменем умирали далеко не худшие люди России, и под алым стягом с Нерукотворным Спасом стояли русичи еще на поле Куликовом. Может быть, самым ценным приобретением прошедших со времен «славного августа» лет стало простое осознание того очевидного факта, что историю Отчизны невозможно ни переписать заново, ни заново начать со следующего понедельника. История - не булка с изюмом, который можно при желании выковырять.

Мы в который уж раз рискуем крупно просчитаться, понадеявшись, что само по себе наше неподдельное стремление присовокупиться к Европе дает нам хоть какие-то преимущества в глазах общепризнанно полноценных европейцев. С другой стороны, и оные наши наставники по разуму могут не менее крупно лопухнуться, поверив всему тому, что беззастенчиво плетет им о собственном народе его же, то есть как бы наша, самозваная элита.

До сих пор наличествует некая странная извращенность в мировоззрении русской интеллигенции в отношении собственного народа: русский интеллигент, лоб готовый расшибить в показном умилении перед народом, уверен в то же время, что к благам цивилизации русского мужика привести можно не иначе как силой. А еще лучше, под конвоем. Своих сил не хватит, тогда не зазорно и интервента пригласить. Либо, как сейчас это именуется, специалиста по консалтингу и эксперта по менеджменту. Как поверили в сказочку о призвании варягов, так и жить стало удобнее: приидите и во лодейте. Мы не верим в свои силы, а потому боимся конкуренции. Отсюда идет наше извечное требование к государству, чтобы оно оградило наши интересы: местная власть должна изгнать «черных» с рынка, а руководство страны - защитить отечественного производителя. Пусть даже ценой того, что местная петрушка станет дороже ананасов, а за руль отечественного автомобиля надо будет садиться под страхом судебного преследования.

ПРАВОЗАЩИТНИКИ НА ОКЛАДЕ

Было бы даже странно, если бы в нынешней России само по себе расплывчатое понятие «прав человека» не стало еще одним поводом для ожесточенных политических спекуляций. Как всегда у нас, «взгляд на проблему» зависит строго и единственно от точки зрения рассуждающего. Если ты «демократ» (кстати, почему это у нас чуть ли не все общечеловеческие понятия непременно сопровождаются кавычками?), то просто обязан презирать незабвенную тоталитарную колбасу за два двадцать. Если же назвался коммунистом либо патриотом, то прямо-таки обречен клеймить продажность «свободной» (опять же, именно и всегда в кавычках) прессы и не к месту поминать пятый пункт бывшей анкеты новых русских олигархов. Кстати, мало кому у нас ведомо, что само по себе принуждение человека к обозначению собственной национальности вполне может рассматриваться как нарушение его прав, причем весьма серьезное.

Вообще, права человека - это то, к чему в России всегда относились не то чтобы иронически, но и не настолько серьезно, чтобы обретенные личные свободы считать достаточной компенсацией за неизбежные побочные проявления. Оно и понятно. Когда человеку и гражданину не на что купить хлеба (лекарства, одежду, молоко для ребенка), то долгожданная свобода слова, собраний и даже демонстраций кажется далеко не такой

привлекательной, как выглядела некогда на интеллигентской кухне под водочку и вышеприведенную колбаску, пусть и вывезенную с боем из образцового коммунистического города-героя.

В то же время уже сейчас ни в одной стране мира нет, кажется, эдакой прорвы правозащитников на жалованьи и по служебным обязанностям: профессиональные общественники, солдатские матери по должности, защитники природы по штатному расписанию, освобожденные (в смысле, на зарплате) обманутые вкладчики, борцы за права пенсионеров с тысячными окладами...это далеко не исчерпывающий перечень. И чем больше мы боремся за права человека, тем труднее ощутить наличие последних в повседневной жизни. Права человека в России - как деньги госбюджета: все время расходуются нецелевым образом.

Рядовой и условно освобожденный гражданин России никак не дорастет до осознания того очевидного факта, что права человека предполагают прежде всего его личную ответственность как за само их наличие, так и за возможности ими воспользоваться. Зачем нам «свободная» (пусть даже в кавычках) пресса, если у основной массы все равно нет денег подписаться на газету? Да и вообще, свобода - это право человека на выбор. Парадокс, однако, в том именно и состоит, что по мере расширения диапазона возможностей для общества в целом, возможности реального выбора для конкретного и отдельно взятого человека и гражданина продолжают у нас неуклонно скукоживаться. В результате, сегодня этот самый «реальный выбор» подавляющего большинства населения России стал даже более ограничен и более жестко предопределен его социально-экономическим статусом, чем в предреволюционном 1990 году. И до тех пор, пока гражданин России будет лишен этого своего права, он неизбежно будет ощущать собственную неполноценность - как человеческую, так и гражданскую. Беда в том, что право-то на выбор у него уже есть, а вот самого выбора - нет. Раньше была одна на всех колбаса, теперь - одна на всех свобода. Вот бы соединить, да пока что-то не получается. Но борьба продолжается...

ПРОГЛОТИТЬ - И НЕ ПОДАВИТЬСЯ

История с «независимостью» России может служить одним из наиболее наглядных примеров того, какую сумятицу могут у нас вызывать, - как в отдельно взятых головах, так и в масштабе «национального менталитета», - понятия вроде бы бесспорные и во всем прочем мире в объяснениях не нуждающиеся.

Примечательно в этой связи, что в новой России даже названия национальных праздников имеют способность изменяться в зависимости от колебаний конъюнктуры текущей генеральной линии. Когда Москва предавалась утехам самолюбования по поводу своей авангардной роли в славном деле «сокрушения империи», то двусмысленную во всех отношениях дату 12 июня больше было принято именовать на ставший уже родным американский манер - Днем независимости. Впрочем, в провинции, например, и до сих пор именно этим термином пользуются региональные возглавители даже и в официальных своих приветствиях «к народу по поводу». Однако в масштабе общегосударственном, по мере протрезвления широких электоральных масс (в связи со все более наглядными результатами сей исторической виктории) само понятие голой (в буквальном смысле) независимости стало признаваться кремлевскими теоретиками все менее политически рентабельным. Миновав промежуточную станцию с совсем уж неудобоваримым названием (День принятия Декларации о государственном суверенитете России), державная мысль угомонилась, наконец, на наиболее лаконичном из возможных - Дне России. Но даже и эта общепримиряющая, казалось бы, формулировка по-прежнему не вызывает в широких нижних слоях должного энтузиазма и долгожданной гордости за принадлежность. Праздника не получается, несмотря на указание отметить. Почему?

Собственно, независимость свалилась на Россию примерно тем же макаром, что и последующий ваучер: особо вроде никто не стремился, но и возражать не то что опасались, а, скорее, не считали целесообразным. А в общем, попросту не воспринимали все это всерьез. Забавно, но почти уже год спустя после едва ли не единодушного одобрения этой самой Декларации о государственном суверенитете «дорогие россияне» все еще в подавляющем большинстве (за некоторым исключением, в виде столичных отщепенцев) столь же искренне и всенародно проголосовали - вероятно, для очистки совести - за сохранение Союза нерушимого.

На то и удобная своей загадочностью русская душа, чтобы снять с себя ответственность за последствия собственных решений. Причем в национальных республиках эта геополитическая шизофрения у русских принимала совсем уж клинические формы: самозабвенно проклинали империю и требовали свободы для малых сих, искренне в то же время полагая, что их лично волна взбаламученного не без их помощи освободительного движения никоим образом не обмочит. Как кажется, в этом сказалось неизбывное чувство вины, которую почему-то испытывает всякий русский на новом для него месте проживания, хотя бы даже здесь не только он сам родился, но и его деды-прадеды.

В метрополии же главную роль в тогдашнем непротивлении стремлению поголовно обсувереиться сыграла, опять же, исконная убежденность всякого и каждого истинно русского в том, что несчастную и по-дурацки доверчивую Россию обманывают и доят все кому не лень: от латышей и узбеков до кубинцев с арабами. Никто в России девяностого года не сомневался, будто все вокруг буквально только то и делают, что живут за наш счет, и вот именно потому-то «мы» в Москву за колбасой и ездим.

Вообще, сама по себе вареная колбаса как символ освободительного движения достойна отдельного постамента в паноптикуме наших исторических реликвий, ибо в деле сокрушения тоталитаризма она сыграла роль отнюдь не меньшую, чем очки Андрея Сахарова и биомасса Валерии Новодворской. Если в октябре семнадцатого возобладал соблазн все отнять и поделить, наконец, по справедливости, то в июне девяностого, как и позднее, в августе девяносто первого, «мы» не смогли противостоять искушению побыстрее напечатать себе отдельный российский талон на свою гарантированную пайку за общесоюзным тогда еще столом. И что бы ни пытались потом переиначить задним, как всегда в России, числом тогдашние вдохновители и организаторы, у народа видимой и потому единственно осознаваемой целью было, похоже, именно и не более чем это: оградить свою нефть, свой газ, свой паршивый, но дефицитный «жигуль», свою драгоценную колбасу по два двадцать и свой кровный рубль по шестьдесят центов официального курса от прочих четырнадцати разинутых ртов младших собратьев по общесоюзной очереди.

Пока еще и не проглядывался девяносто шестой, в коем дорогие россияне послушно проголосовали сердцем, но именно тогда, в девяностом, «мы» безоглядно проголосовали брюхом. А девяносто первый - лишь естественное, и потому неизбежное следствие. И вот именно в этом, в самом факте и возможности голосования брюхом, и состояла обреченность руководящей и направляющей силы, заведшей страну в ту кучу дерьма, в коей СССР к девяностому году уже сидел по уши: если вверенный тебе народ на семьдесят третьем году победоносного и безраздельного твоего правления все еще принужден подчиняться гласу не разума, но брюха, то никаких врагов даже и придумывать не надо - сами непременно вырастятся в родном коллективе, как аппетитные опарыши в теплой навозной куче.

Голодный человек чисто физиологически не в состоянии быть полноценным гражданином, ибо даже верный, но некормленый пес идет не по нужному следу, а на всепобеждающий зов пусть только обещанной, но колбасы. Житейский обыденный опыт учит, что, чем скуднее в тарелках у рассевшихся по лавкам за общим столом, тем напряженнее обстановка во время обеда. Одновременно, тем больше и соблазна

разбежаться опять по отдельным (и уже губернским) углам, чтобы там в одиночку давиться тем немногим, что удастся урвать у всех других.

Слишком долго в истории России от конкретного и отдельно за горло государством взятого человека и гражданина ничего не зависело, чтобы он мог быстро свыкнуться с общепринятой в мире мыслью, что независимость - это прежде всего то бремя ответственности, которое именно ты готов взять на себя лично. И если дети нового русского считают за удовольствие нагадить в лифте собственного дома, то вряд ли сие проявление неполовозрелого остроумия можно списать на тяжкое наследие тоталитаризма. Ведь их папенька вываливает ядовитую дрянь в ту самую речку, куда потом поедет с деловыми партнерами и девочками посильно отдохнуть.

Дело не в отдельных недостатках все более среднеющего образования, но в постоянном ощущении непрочности бытия, владеющем большинством населения «этой страны». Если уж олигархи до сих пор невольно вздрагивают от каждого свойского подмигивания ока государева, то что там говорить о каком-нибудь ИЧПисте (индивидуальном частном предпринимателе) либо ПБОЮЛе (предпринимателе без образования юридического лица). Вся эта мелочь пузатая готова по первому сигналу послушно всплыть кверху брюхом и поплыть на указанные пункты сбора бытовых отходов. Отсюда мораль: жри, пока дают. Даже если уже в глотку не лезет, так хоть понадкусывай, чтобы не досталось голодающему пролетариату, который скоро пришлет продотряд для изъятия твоих потом и кровью заработанных хлебных излишков.

ГОРЕ ОТ УМА

Деньги решают все, а кадры - все остальное. При этом ни одна из частей этой двуединой формулы не срабатывает взятая по отдельности. Вопреки поголовному убеждению широких беспортошных масс, в России всегда было слишком много денег и слишком мало людей, способных оными эффективно распорядиться, то есть, обеспечить требуемую рентабельность их вложения. Именно поэтому мы испокон приглашали то варяжских князей, то немецких колонистов, то «месье» из парижских подворотен в гувернеры, то «чикагских мальчиков» в экономические наставники. И они приходили и володели, строили кремлевские соборы и петербургские дворцы, железные дороги в Сибири и нефтяные промыслы в Баку, командовали армиями и составляли для великодержавных аборигенов словари их собственного языка. В конце концов, императоров и революционеров в России стало объединять одно - ни те, ни другие не могли, по нынешней терминологии, назвать себя представителями коренной национальности. Свойство и беда России в том, что мы почему-то заимствуем не машины, жизненные удобства или технологии, но чужую непременно философию, чужой образ жизни и чужих идолов, пред коими потом и стучим истово лбом в немытые свои половицы.

А все потому, что в России, как нигде, не любят тех, кто «высовывается». Пожалуй, единственная страна, в повседневном языке которой слово «умный» может быть ругательством. Ты, что, самый умный? Это невозможно перевести ни на английский, ни на японский, ни на ханты-мансийский. При всем том любой русский из кожи вон готов вылезти, лишь бы было «не хуже, чем у людей». То есть, опять же, чтоб не выделяться в общем строю. В результате подобных особенностей национальной психологии ни одна страна не угробила столько своих гениев, не задушила столько собственных талантов, не растранжирила попусту столько человеческих и природных ресурсов, как это сподобились сделать мы.

Нам и коммунизм полюбился чуть ли не только потому, что в примитивном истолковании доморощенных марксистов (в отличие, скажем, от тех же европейских социал-демократов, которые Маркса учили отнюдь не по краткому курсу) именно он, русский коммунизм, создавал, наконец, окончательную возможность для всех и каждого стать бесповоротно одинаковым. Даже в семье единой Союза нерушимого (плюс

близлежащий лагерь осуществленного социализма) мы все-таки предпочитали любить монголов, потому что они были беднее нас, и не любили прибалтов, которые были нас богаче. При этом бедных мы все-таки невольно презирали, а богатым неподдельно завидовали. И рухнул наш коммунизм потому, что, чем дальше, тем завидовать нам приходилось все больше. Только если раньше мы могли попросту давить тех, кто высовывается (то есть, тех, кому мы завидовали), то потом силенок стало не хватать, и система сдохла сама собой. Понятно, что на первый план при этом выперло именно тех, кто смог ранее других и далее других высунуться, так что нам, которые все остальные, даже не пришлось особенно напрягаться с перенацеливанием на объекты нашей новой зависти и новой ненависти: сменился строй, но мы-то все остались.

Именно тогда и пошло гулять по стране возрожденное словцо «олигарх». По прямой наследования оно объединило в себе «деньги» и «кадры», в результате какового коитуса не могла не родиться «власть». Ибо в наших условиях только власть может хоть как-то гарантировать сохранение твоих денег и твоего при них места. Значит, у любого разнесчастного нового русского олигарха, кое-как трудами праведными сколотившего свою персональную империю, попросту нет другого выхода, кроме как пробиться к механизму государственной власти, да поскорее и попрочнее там и окопаться. Иначе затопчут - не чужие, так свои.

Текущий момент как раз тем и интересен, что мы присутствуем при смене поколений в стане новых русских аллигаторов. Фактически уже ушли в историческое прошлое периода первонакопления скорохваты финансовых пирамид и чудотворцы злокачественных новообразований в недрах госбюджета. Дорогу к трону и кормилу железной грудью прокладывают трезвые дельцы, которые уже имеют искомую точку опоры, а также точный математический расчет конструкции рычага, с помощью коего они готовы буднично и технологично перевернуть, наконец, если не «весь мир» (пока), то уж «эту страну» наверняка. Человек в нарукавниках идет на смену флибустьеру и авантюристу. И хотя державный истукан еще пытается сопротивляться в споре хозяйствующих (а значит, и властвующих) субъектов, размахивая исполнительной вертикалью, как пьяный мужик оглоблей в деревенской драке, уже очевидно, что нынешнее поколение дорогих россиян будет жить именно под властью таких людей, а не той или иной политической партии.

Современная Россия мается неустойчивостью из-за отсутствия инертной массы третьего сословия, вбирающего в себя служивый люд, рабочую арист ократию и мелкого собственника, в том числе земельного, переименованного из крестьян в фермеры, - вот опорные столпы и несущие конструкции обустроенного государственного строения.

Основная наша беда - в болезненной нехватке квалифицированного управления по всей вертикали державного древа власти. Любая революция, даже самая что ни есть демократическая, характерна прежде всего падением коэффициента полезного действия хозяйственного механизма: слишком много рабочего пара уходит в сопутствующий свисток. К рулю прорывается немало тех, кому с детства внушили, будто Ленин и впрямь предлагал каждой кухарке попробовать себя в управлении государством. Еще хуже, что сам себя подобный выдвиженец ощущает не менее как шеф-поваром.

Вероятно, этот неизбежный этап в истории всякой реформации является и самым опасным с точки зрения постоянной угрозы экономического штопора, при котором шансов разбиться гораздо больше, чем вывернуться. В России положение усугубляется всегдашним стремлением поставить во главу угла факторы прежде всего политические, когда личная руководящая преданность и приверженность идеалам, равно как и формальная партийная принадлежность, становятся первичными по сравнению с профессиональной подготовкой и деловыми качествами. В то же время, несмотря на подобные откаты самого последнего времени, есть все же основания полагать, что в целом этот опасный этап пройден. Дело не в статистически обозначенной стабилизации отвлеченных экономических показателей: человеку, по-прежнему получающему зарплату ниже официально установленного прожиточного минимума, плевать на улучшение

структуры макроэкономического баланса. Дело в новых принципах управления, становящихся руководством к действию.

Идет трудный процесс перехода от демократического романтизма и проистекающей из него реформаторской скороспелости к трезвому осмыслению реальной повседневности. Избирают уже не столько за умение красочно бить себя копытом в грудь перед микрофоном, сколько за способность обеспечить нормальные условия жизни вверенной территории и людей. На смену героям и демагогам приходят бухгалтеры: пора зачехлять знамена и надевать нарукавники. Нормальная жизнь в стране, губернии и городе начинается тогда, когда соответствующие руководители привыкают работать с восьми до пяти, аккуратно прерываясь на обед и своевременно уходя в очередные отпуска. Политика перестает быть осью вращения всей остальной жизни, ибо слишком уж концентрированно и всеохватно воплощать собой (и тем самым подменять собой) экономику можно лишь тогда, когда сама экономика со своими естественными функциями не справляется.

ПРОДАЖНАЯ ДЕВКА ИМПЕРИАЛИЗМА

Если не слишком придираться, то Конституция у нас вполне ничего себе, вполне, то есть приличная, понимаешь, Конституция. Вроде уже и попривыкли, и даже Конституционный суд разъяснять начал, что там в виду имелось в процессе написания. Да и вряд ли будет лучше, если переделывать примемся, ибо сегодня дело не в том, что там понаписать в итоге очередной дискуссии, а в том, как ко всему написанному относиться.

Наскоро скроив Основной Закон страны под конкретного человека, мы не перестаем удивляться тому, что вот уже и другой совсем человек пришел и сел на трон, под ножки коего подложили эту не слишком толстую брошюрку, но ничего, не шатается, вернее, шатается, но даже меньше, чем при том, первоначально посаженном. Между тем, ничего странного, напротив, все совершенно естественно, ибо когда книжица используется лишь для выравнивания уровня державного стула, то не имеет особого значения, какие именно формулы и постулаты прописаны на ее страницах: важно лишь, чтобы ее удобно было подло жить под конкретное седалище, для чего сама она должна быть как можно более технологичной, то есть пригодной для такого истолкования, которое в данный момент признается единственно верным.

Любая Конституция - это воплощение в статьях и параграфах общественного идеала, возобладавшего в коллективном сознании на данном историческом этапе. И весь вопрос в том, насколько этот идеал соотносится с повседневной действительностью, этим обществом переживаемой. Беда всех наших идеалов, прошлых и нынешних, в том, что они всегда были (или казались нам самим) слишком хороши для реального воплощения. Мы слишком привыкли не относиться всерьез к официально провозглашаемым идеалам и именно поэтому столь безоглядно готовы их менять; просто вчера мы не верили в одно, а сегодня не верим в другое.

Нынешняя Конституция слаба не потому, что она плохо написана (хотя можно бы и получше, да некогда было: шибко торопились), а потому, что мы в нее не верим. Не верим же мы в нее потому, что у нас было слишком мало поводов убедиться в ее действенности. Когда статьи Конституции исполняются «в соответствии с возможностями бюджета», то поневоле в бюджет веришь больше, чем в Конституцию. С другой стороны, верховная власть обращается к Конституции только тогда, когда это ей, власти, ничем не грозит. По-прежнему, закон, в том числе и Основной, служит в России все тем же дышлом, проще говоря, оглоблей, которую можно развернуть в любую удобную для власть предержащих сторону.

Мы слишком привыкли двигаться по историческому пути развития короткими перебежками, будто под вечным огнем противника, а потому Боевому уставу пехоты до сих пор доверяем больше, чем Всеобщей декларации прав. Но война как-то незаметно

кончилась, и мы потерялись, оставшись без родного до боли врага, всезнающего командира и полевой кухни. Мы боимся заблудиться без четко обозначенных свыше ориентиров на местности. Это относится и к самой власти, даже верховной. Именно поэтому на всех уровнях нашего нынешнего общества с такой истошной истовостью идет вечный поиск этих трех источников и трех составных частей национального менталитета: Враг, Вождь и Цель. Причем цель - не коммунизм или иная разновидность светлого будущего, но конкретная котлета на условную голову среднестатистического россиянина. Основная ошибка действующей власти именно в том и состоит, что она никак не может произвести привязку к местности своих программ и планов, а заодно уж и сама, опять же, определиться на местности. Удвоить ВВП, или утроить его к тому или иному сроку - это лозунг, в котором смысла не больше, чем в патологическом стремлении догнать или перегнать Америку по производству стали, молока, да хоть бы и кукурузных хлопьев. Потому что рядовому россиянину снова остается непонятным, каким именно образом это отразится на его повседневном рационе. Голодная армия плохо воюет, но зато горазда насчет мародерства. Прежде чем требовать самопожертвования, следует накормить, или хотя бы объяснить правдоподобно, кто спер мою пайку, чтобы знать, кому морду бить.

Конституция - это торжественное обещание государства перед лицом своих граждан, но у нас она почему-то считается скорее присягой гражданина на верность государству, ибо благодаря ей мы имеем слишком много прав, которыми не можем воспользоваться, и слишком много обязанностей, от которых не имеем возможности отвертеться. В результате, в России по-прежнему считают невыгодным жить по писаному закону и предпочитают обходиться «по совести», которая хороша уже тем, что у каждого своя, а значит, с ней всегда можно договориться.

Национальная особенность Конституции России состоит в том, что подавляющее большинство списочного состава удовлетворяется самим фактом существования сего судьбоносного документа. Дело при этом не в том, что вышедший с-под гнета тоталитаризма россиянин не любит свободу, как о том веками стенает гнилая его интеллигенция, и не ощущает жизненного позыва защищать свои дарованные свыше права и обретенные снизу вольности. Беда в том, что сегодняшний россиянин по-прежнему не чувствует потребности в самом существовании, а уж тем более и в осуществлении этих прав и вольностей. Права отдельно, а жизнь - сама по себе: по сию пору властвует такой вот правоприменительный принцип.

Нищему политические права без надобности - именно в этом и кроется причина нынешнего всеобщего простонародного равнодушия не только к положениям Конституции, но и к политическому процессу в стране в целом. Как советский народ в своем монолитном единстве обходился без провозглашенных свобод слова, собраний и демонстраций, осуществляя право на плюрализм в рамках единственной всепобедившей партии, так и российский люд, если и озабочивается неприкосновенностью личности, то исключительно в рамках собственного семейства, ибо думать о родине ему по-прежнему некогда - приказано выжить.

И ВЕЧНЫЙ БОЙ...

Призрак бродит по России, призрак тоталитаризма... В крутые моменты исторических переломов неизбежно возникает соблазн поверить, будто давно перезревшие и надоевшие всем проблемы можно, наконец, решить разом, пусть даже и кровью (при этом всегда обещают «малую»), но непременно одним могучим ударом. В сознании обывателя, русского в особенности, веками уложилось, что власть - это прежде всего сила. Однако, отсюда недалеко уже и до естественного логического перевертыша: сила - это и есть власть. И если у действующей власти не хватает реальной силы, в то

время как реальная сила ограничена отсутствием общепризнанной власти, то не пора ли вынужденным толчком восстановить природный порядок развития?

Насилие, по примитивно понимаемому Марксу, есть повивальная бабка ист ории. Но если эта самая история чересчур застряла в родовых схватках, то разве не дело чести и не профессиональная ли обязанность для повитухи помочь мученице кесаревым сечением революции? Когда цель оправдывает средства, а результат понимается как единств енный критерий правоты, то всегда можно задним числом подправить действительную историю, чтобы уже и сами применявшиеся в ходе борьбы средства как можно более адекватно соответствовали достигнутому.

При этом уже не так важно, откуда именно в данный историч еский момент исходит революционная инициатива: сверху или снизу. Из всех соблазнов властителя наиболее труднопреодолимый - быть всегда правым. Потому что в таком случае любой мешающий осуществлению предначертаний воспринимается уже не просто как человек добросовестно заблуждающийся и тем самым тормозящий естественный ход развития, но как враг народа, сознательно загораживающий путь в светлое будущее. Быть «немножко тоталитарным» нельзя точно так же, как нельзя быть немножко беременным или более или менее кровожадным. Раз поддавшись искушению решить силой хотя бы наиболее кричащие вопросы повседневности, уже невозможно потом вернуться к роли честного пахаря на правовом поле.

Война хороша тем, что здесь все ясно и четко, за ценой победы не стоят, а грехи списываются по мере их искупления в бою. Здесь некогда спорить и биться над выбором вариантов и поиском альтернативных путей развития. Чем больше побед, тем более ты прав, а неизбежные поражения лишь еще более сплачивают перед лицом неприятеля.

По сию пору любая дискуссия в России неизбежно становится подручным орудием текущей политической борьбы, хотя подобные споры выявляют не истину, а всего лишь политические пристрастия участников. В таких спорах конечной и единственной целью является не оценка аргументов и компромисс, а унижение оппонента, неизбежно становящегося врагом. Именно поэтому само слово «компромисс» в России - исконно ругательное, а строка в характеристике «склонен к поискам компромисса» приравнивалась прежде к внутренней готовности имярека предат ь родину.

Компромисс - это не просто, когда, скрипя зубами, терпишь соседа по сов мещенному санузлу, потому как податься все равно некуда. Компромисс - это признание, прежде всего перед самим собой, что и сам ты не являешься совсем уж и во всем совершенным , признание и за другим права жить не так, как кажется правильным тебе (да хоть бы даже и ЦК КПСС), а по его, другого, собственному разумению.

В сущности, политика - это и есть наука, либо искусство, именно совместного проживания. Соответственно, государст венные институты - это те же сантехники, лифтеры и дворники, которые должны обеспечивать более или менее терпимые условия жизни ответственным квартиросъемщикам. При этом, как всякая наука, как всякое искусство, политика может и способствовать, и усугублять . Однако политика способствующая незаметна, ибо и дыхание мы начинаем ощущать лишь тогда, когда его перехватывает. Напротив, политика усугубляющая всегда на виду, она не дает забыть о себе, как больной зуб либо тесные сапоги, чтобы человек не успел осознат ь, насколько без этой стервы легче дышится и свободнее ходится.

Революция - всегда реванш неудачников. Поэтому чем больше людей в данном обществе опускается на дно повседневности, тем ощутимее становится кого -то опаляющее, а кого-то и опьяняющее дуновение революционной одержимости. При этом политика способствующая направлена на посильное уменьшение взрывоопасного количества, политика же усугубляющая ставит своей целью доведение массы до уровня критической, чтобы последующее самозарождение цепной реакции неу правляемого уже взрыва сделало процесс необратимым. Необратимость же нужна для того, чтобы лишить отдельного вовлеченного в водоворот человека возможности выбора. Когда каплей

льешься с массами, то уже обречен нестись в общем потоке, который становится железным и сметает на своем пути все, в том числе и тебе же вчера еще дорогое и близкое. В толпе единомышленников, сдавленных со всех сторон тисками партийной дисциплины, историческую перспективу заменяет необходимость равняться на грудь четвертого от тебя максимум.

Для заветного окончательного расчета с прошлым у нас еще слишком недостоверное настоящее. И чем дольше будет сохраняться непреодолимый разрыв между не разумеющими друг друга сытыми и голодными, тем больше будет налипать на сапоги марширующих к победе липкая грязь былой надежды, ставшей очередным разочарованием.

Политика - это действительно концентрированное выражение экономики. Именно-с, бытие все еще определяет сознание, как бы ни было сие противно прогрессивной общественности. Следовательно, степень политизации общества и уровень в нем культуры, в том числе и политической, определяется, прежде всего, достигнутым экономическим развитием этого общества. В переводе на псевдонародный: где дадут полопать - туда и топать. Не изощренные заклинания разнообразных народных трибунов приводят массы к бунту либо к примирению и согласию, но сами массы вынуждают вождей либо возглавить бунт, либо приходить к междусобойному компромиссу.

Единственным эффективным громоотводом революционной грозы было и остается ощутимое повышение благосостояния пусть не подавляющего, но большинства подвергнутого выживанию населения. Потому и ненавистен бунтарям всех мастей сытый мещанин под шелковым абажуром с женой и канарейкой, что его на баррикады не загонишь. Вряд ли придет в голову разрушать до основания тот мир, в котором, кроме цепей, ты можешь потерять и какое-никакое движимое с недвижимым.

В России до сих пор никак не хотят внутренне привыкнуть к совершенно противоестественному для советского человека зрелищу, когда твой личный классовый враг стоит на всенародной трибуне и в открытую несет свои злобные измышления на всю страну. А средства массовой информации эту антинародную ахинею распространяют и тиражируют, вместо того чтобы воздать отщепенцу на всю катушку по совокупности содеянного. Когда у меня лично не хватает аргументов для достойного ответа, то хочется свистеть и топать, чтобы его, гада, хотя бы слышно не было. России еще только предстоит дорасти до осознания давно всем миром усвоенной мысли, что чем больше болтовни в парламенте, тем меньше крови на улицах. Свободный парламентский микрофон - это дудка факира, заунывная мелодия коей завораживает всегда готовую к употреблению многоглавую гидру гражданской войны. Лучше спящий депутат, чем бодрствующий часовой, примкнутым штыком указывающий тебе единственно верный путь к твоему же грядущему и неотвратимому счастью.

ФЕДЕРАЦИЯ КАК МАТЕРЬ СВОИХ СУБЪЕКТОВ

Оценивая нынешнее состояние федеративного государства в России, необходимо исходить из того, что непосредственная угроза территориальной целостности и государственному единству страны может считаться если не устраненной полностью, то, во всяком случае, снятой с текущей политической повестки дня. На сегодня в Российской Федерации не существует сколько-нибудь влиятельной политической силы, как и сколько-нибудь массового общественного движения, открыто выступающих против действующего федеративного государственного устройства в принципе. Это само по себе можно расценить как главное достижение последних лет.

В этом отношении весьма характерна та готовность, а зачастую даже и поспешность, с которой лидеры «субъектов федерации» выстроились в очередь для присяги на верность президенту Путину. Дело отнюдь не только (а, скорее всего, даже и не столько) в личности самого Владимира Владимировича, сколько в осознании на местах

неизбежности и необходимости (а самое главное, неотложной своевременности) построения в стране действенного и именно федеративного механизма государственной власти. Отныне речь может идти лишь о более или менее рав номерном и справедливом (с точки зрения регионов) распределении и разграничении полномочий по единой и неделимой исполнительной вертикали. Руководители абсолютного большинства регионов не просто примирились с неизбежностью и необходимостью определенного от ката в пользу властных прерогатив и исполнительных полномочий федерального центра, но даже сами готовы подталкивать федеральный центр с целью ускорения данного процесса.

Можно (что и делается слишком часто и поспешно) назвать это ностальгией по сильной руке, но, скорее, это именно стремление к усилению действенности системы государственной власти в России в целом. Сегодня коренной вопрос для регионов - эффективность исполнительной власти в центре и на местах. При этом есть и понимание того, что в целом власть может быть эффективна только в том случае, если будет эффективен федеральный центр. Конечно, не стоит переоценивать степень сознательности региональных элит, но здесь как раз тот случай, когда удельные князья кровно и шкурно заинтересованы в крепком це нтрализованном государстве, пусть даже и с самодержавным властителем во главе.

При этом у каждого конкретного региона, как и у каждого отдельно взятого руководителя, зарезервирован некий рубеж обороны, который он готов отстаивать. На данный момент, правда, борьба идет еще лишь на самых дальних подступах к подобным рубежам. Во многом сказывается инерция прежнего подхода, когда само политическое существование федерального центра зависело от более или менее лояльного по крайней мере отношения к нему со стороны регионов. Тогда федеральный центр вынужден был проводить политику откупов, в буквальном смысле отдавая на откуп региональной элите те свои функции и полномочия, которые сам он в любом случае не в состоянии был осуществлять самостоятельно.

Необходимо понимать, что пресловутый лозунг президента Ельцина «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!» был не спонтанным экспромтом заигравшегося в демократию секретаря обкома, а фактическим предложением своего рода пакта о ненападении между федеральным центро м и региональными элитами. Ибо тем самым федеральный центр перекладывал на регионы ответственность за сохранение территориальной целостности и государственного единства страны. В определенной степени этот вынужденный компромисс себя оправдал.

Именно этого очень многие (в том числе и в руководстве России) не понимали тогда и не понимают сейчас. Эти люди исходят из примитивного, в общем -то, представления о том, что региональные элиты и по сию пору чуть ли не основной своей задачей ставят дальнейшее всемерное дистанцирование от федерального центра и отвоевывание все новых и новых региональных прав и вольностей. В связи с этим перспективы федеративного строительства в России рассматриваются исключительно с точки зрения борьбы федерального центра и региональных э лит за право считаться (и быть на деле) «царем горы». Довольно опасное заблуждение (иногда сознательное), по своей потенциальной провокационности сравнимое разве что с известным тезисом И. В. Сталина о неизбежности обострения классовой борьбы в СССР по мер е дальнейшего успешного строительства социализма. Такие настроения в известной мере провоцируются теми, для кого борьба на уничтожение политического оппонента является единственным шансом остаться на виду и на плаву. Генералам нужна война, потому что в мир ное время остается гораздо меньше возможностей для получения внеочередных звезд и лампасов.

На самом деле сегодня именно региональные элиты едва ли не в наибольшей степени, кровно и непосредственно, заинтересованы в укреплении федеративного государства в России. Если попытаться искать исторические параллели, то можно вспомнить, что на определенном этапе строительства российского государства именно боярская вольница не просто смирилась с самодержавием государя, но фактически сама призвала его к власти.

Потому что именно боярство на том конкретном историческом этапе было более всех других заинтересовано в обеспечении стабильности государственной власти, а следовательно, в стабильности экономической, политической, общественной и всей прочей. И если для этого потребовалось выдать головой на алтарь самодержавия несколько сот славнейших и сильнейших конкретных боярских фамилий, то и такая цена сочтена была приемлемой в исторической перспективе. Михаила Романова посадили на трон не потому, что он был самым достойным, а потому что пустота на престоле становилась опасной для самого существования государства российского и всей его элиты скопом.

Региональная нынешняя элита, как класс, точно так же готова пренебречь конкретными интересами и отдельными судьбами некоторых своих (пусть даже наиболее заметных и влиятельных) представителей. И отнюдь не потому только (и даже не столько потому), что она испугалась твердой руки президента Путина, а потому, что именно в укреплении федеративного государства (а значит, и власти федерального центра, и власти лично президента, как основного звена нынешнего государственного механизма) она видит свой классовый интерес (если считать элиту классом, а это именно так). И если сейчас потребуется выдать головой федеральному центру и лично президенту всех поголовно действующих губернаторов и даже президентов национальных республик, то новые региональные элиты пойдут на это, если при этом им будет гарантирована стабильность в экономическом и общественно-политическом отношении.

Любой, кто сейчас попытается противостоять федеральному центру (то есть, фактически лично президенту Путину) будет воспринят региональными элитами как бунтовщик и подрыватель устоев, а значит, будет неминуемо отторгнут. Именно в этом и состоит на сегодня общественно-политический консенсус в России. Ситуация достаточно редкая и весьма благоприятная в том отношении, что позволяет рассчитывать на формирование широкого общественного согласия по основополагающим принципам строительства нового федеративного государства на длительную историческую перспективу.

Нужно учесть, что на сегодня в России в основном закончен процесс формирования ядра новых региональных элит. Эти люди не просто пришли во власть, они уже стали властью, а следовательно, им самое время зафиксировать прибыль, если пользоваться профессиональным жаргоном биржевых игроков. Ради этого, как уже говорилось, они готовы дать определенный откат федеральному центру, то есть пожертвовать частью, чтобы гарантировать сохранение главного - себя во власти. Ведь любой, даже самый авторитарный президент национальной республики (в составе России) понимает, что если он останется один на один со своим электоратом (а более того, со своей элитой), то он обречен будет вести постоянную борьбу на уничтожение за собственное выживание (причем иногда в самом буквальном смысле). Наглядный пример того же Масхадова весьма способствовал осознанию этой безальтернативной мысли. Лучше уж предоставить президенту России право смещать (но, значит, и назначать) даже самого легитимно и всенародно избранного президента национальной республики, чем рисковать уже не только постом, но и головой в борьбе с на все готовыми собственными единокровными беспредельщиками.

Конечно, само понимание «федеративного государства» может сильно отличаться у различных региональных элит и среди их лидеров. Однако можно все-таки попытаться наметить некие достаточно общепризнанные рубежи обороны в области желательного федеративного устройства России, с которыми в любом случае и неизбежно придется считаться как федеральному центру (и лично президенту Путину), так и представителям регионов и региональных элит.

Во-первых, это сохранение на обозримую перспективу особого статуса национальных республик. Здесь основной торг пойдет вокруг положения «нетитульного» населения, то есть так называемых русскоязычных. И несмотря ни на какую грозную риторику

президента Путина, вряд ли здесь можно ожидать каких-либо перемен. Потому что главное для федерального центра - это сохранение управляемости территории. С другой стороны, тактика национальной элиты сведется к всемерному поощрению (в том числе и неправовыми методами) усиления национальной однородности подведомственной территории, то есть к вытеснению русскоязычного населения в той или иной форме. И федеральному центру придется (хотя бы до поры) закрыть на это глаза. В наиболее вероятном варианте речь пойдет о достаточно осторожном продолжении процесса фактического выравнивания статуса различных субъектов федерации в рамках новообразованных семи федеральных округов. Одновременно будет продолжена политика создания единого экономического пространства, что в данном случае сведется к унификации налоговых льгот и порядка расщепления налоговых поступлений для всех субъектов федерации.

Во-вторых, это бюджетный федерализм. Здесь рубежом обороны можно считать соотношение 40 : 60 в пользу федерального центра. При достаточно сильном нажиме со стороны центра регионы могут примириться и с третью, но тогда неизбежен саботаж федеральных программ и обострение пресловутой проблемы регионального сепаратизма, что чревато переводом вопроса из экономической плоскости в политическую. Наиболее же предпочтительным для регионов вариантом были бы так называемые «три трети»: треть консолидированного бюджета федерации - федеральному центру, треть - региональному бюджету, треть - местному самоуправлению. Собственно, данный лозунг можно считать скорее политическим, поскольку под него можно сформировать некое общественное движение, внешне не связанное, например, с той или иной политической партией, однако поневоле примыкающее к той политической силе, которая захочет данный лозунг приватизировать и взять на вооружение. Именно в сфере бюджетного федерализма центр может столкнуться со вполне реальной угрозой противостояния уже внутри субъектов РФ по линии «русские области - национальные республики». В любом варианте будет сохранен механизм дотирования национальных республик, разве что дотации пойдут не напрямую из федерального бюджета, а из неких внебюджетных фондов псевдорыночного образа и подобия.

Наконец, в-третьих, это неизбежность изменения административно-территориального деления областей и краев Российской Федерации (не касаясь нацреспублик). В этом пункте на сегодня таится наибольшая потенциальная угроза, причем воспринимают это именно как угрозу большинство более или менее ответственных политических партий, общественных сил и движений. Тем не менее, очевидно, что именно этот пункт уже в самое ближайшее время станет центром политической дискуссии вокруг необходимости изменения федеративного устройства России и самих принципов построения нового федеративного государства. Здесь стержнем является, конечно, статус национальных республик, который на первом этапе будет вообще вынесен за скобки, но неизбежно проявится впоследствии.

С другой стороны, реформирование административно-территориального деления областей (прежде всего, в Центральной России) пойдет под лозунгом создания экономически обоснованного районирования, что должно на первых порах привести к образованию в Центральной России трех-четырех укрупненных субъектов федерации на месте полутора примерно десятка нынешних «русских» областей. При этом многими упускается из виду, что сама по себе консолидация «русских областей» неизбежно будет воспринята национальными республиками именно как непосредственная угроза, что, в свою очередь, неизбежно активизирует рост националистических проявлений. Поэтому наиболее вероятным представляется такой вариант, при котором президент Путин предпочтет отложить саму дискуссию по крайней мере до своего второго президентского срока. Хотя вполне возможно и высочайшее поощрение инициативы снизу в качестве некоего эксперимента по образцу бывшего некогда в моде «укрупнения» колхозов с присоединением отстающих к передовикам. В таком случае очевидно, что первыми

кандидатами на поглощение будут отстающие области Центральной России (к тому же относящиеся к пресловутому «красному поясу», хотя этот фактор для самого президента вряд ли может иметь сколько-нибудь серьезное значение).

На сегодня возможность реформирования территориального устройства России представляется весьма маловероятной из-за неопределенного количества (политических, прежде всего) рисков, связанных не только с попытками осуществления подобной реформы практически, но даже и с попытками развернуть публичную дискуссию по этому вопросу. С этой точки зрения, административные новации президента Путина с образованием семи федеральных округов можно рассматривать, с одной стороны, как попытку решения данной проблемы по существу, не обременяя себя и общество излишними формальностями и не привлекая ненужного и чреватого внимания к щекотливому вопросу, а с другой, как попытку если не уйти от этой проблемы совсем, то хотя бы отложить ее на неопределенное время.

На самом деле все достаточно серьезные политики в России отдают себе отчет в том, что корень зла данного вопроса отнюдь не в тех или иных административно-территориальных подробностях и даже не в излишне большом, по мнению многих, количестве субъектов нынешней РФ. Разговоры о том, что семь лучше, чем восемьдесят девять, хотя и выглядят довольно убедительно, но вряд ли имеют отношение к реалиям серьезной политики.

Суть проблемы административно-территориального устройства РФ - в неравноправном статусе отдельных субъектов федерации. Нынешнее пятиуровневое формально-правовое деление субъектов по рангу приводит к тому, что большинство «системообразующих» субъектов (краев и областей) чувствует себя ущемленными в правах по сравнению с «субъектами первого ранга» в лице национальных республик.

Остроту проблемы еще более усугубляет то, что при таком раскладе «русскоязычные», а еще проще, русские края и области противопоставляются национальным республикам. Особенно нетерпимым такое положение считают те русские, которые проживают в тех национальных республиках, где именно они составляют большинство (иногда подавляющее) населения, однако оказываются лишенными допуска к реальным рычагам политической власти и возможностям экономического плана вследствие национальной квоты для так называемой титульной нации.

На сегодня именно здесь следует усматривать наибольшую потенциальную опасность политической стабильности и общественному согласию в России.

Не случайно все проекты будущих вероятных изменений административно-территориального деления России так или иначе сводятся в конечном итоге к уравниванию в правах (то есть в формально-правовом статусе) всех субъектов федерации без каких-либо исключений. Так или иначе, в той или иной форме, но все подобные проекты ведут дело к «губернизации» России, то есть переходу к одноуровневому федеративному устройству. При этом зачастую (и исключительно по невежеству) ссылаются на положительный дореволюционный опыт Российской империи с ее «равноправными губерниями». На самом деле до 1917 г. в России существовало более полудюжины субъектов империи различного правового статуса: от Царства Польского и Великого Княжества Финляндского до Кавказского наместничества, Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Это служит лишним подтверждением того, что высшее государственное руководство даже при абсолютном самодержавии вынуждено было считаться с национальными особенностями различных территорий империи. Следовательно, в нынешних условиях тем более нереально (а значит, весьма опасно) пытаться унифицировать статус субъектов федерации без учета их национально-правового своеобразия.

При всем том формально-правовое неравенство субъектов федерации следует рассматривать лишь как своего рода перевернутое отображение экономического неравенства. Не может быть и речи о долговременном и прочном единстве федерации в

условиях, когда реальный доход на душу населения отличается в различных субъектах РФ на порядок, а производство валового продукта и вовсе в тридцать и более раз. На этом фоне все рассуждения о делегировании полномочий и разграничении сфер правовой ответственности теряют смысл, поскольку для рядового гражданина дел о выглядит таким образом, что федерация существует только для того, чтобы кормить нахлебников, не желающих работать (в том же Дагестане либо Ингушетии), либо, с другой стороны, чтобы Москва имела и дальше возможность обирать регионы в свою пользу (тот же Д агестан либо Ингушетию). Не бывает прочных государств с официальным разрывом первых и последних в 14 : 1 (а неофициальный, но компетентно подсчитанный, и вовсе от 35 : 1 до 65 : 1).

Именно в экономическом неравенстве субъектов и состоит основная потенциаль ная угроза единству и социально-политической стабильности России на обозримую перспективу.

Следовательно, определяющим фактором становятся темпы экономического роста и динамика выравнивания уровня экономического развития различных территорий.

ПАМЯТЬ

В январе нынешнего года исполнилось 80 лет со дня рождения поэта-ярославца Евгения Федоровича Савинова (1923 -1978).

Евгений Савинов

Звенит колечко вечное

КОГДА УДАРЯТ – ГРУДЬ БОЛИТ

Он был домашним человеком, шумных компаний не любил. Но жизнь есть жи знь – после писательских собраний и творческих вечеров оставался к застолью. Однако и тут не перебарщивал ни с выпивкой, ни с вдохновенными речами: скажет то, что хочет, порой удачно сострит – и тут же вновь замолчит, наблюдая за шумными своими друзьями и коллегами. Он, думается мне, вообще любил приглядываться – к людям, к природе, к самой жизни... Наверное, именно это качество и позволяло ему находить те поэтические строчки, что не могли не тронуть наши сердца, сердца его читателей и почитателей.

Скромный, интеллигентный, совестливый человек – таким остался в моей памяти Евгений Федорович Савинов. Как сейчас помню: в «писательском домике» на улице Терешковой ему вдруг стало плохо, гортанью пошла кровь. Пересиливая себя, он прошептал несколько слов – и это была не просьба о помощи и не гнев на обострившуюся болезнь. Он просил у всех извинения за то, что испортил нам настроение, за причиненное неудобство...

А между тем за плечами этого человека была война, он почти четыре года шагал по ее огненным дорогам, от Калинина до Кенигсберга, видел такое, о чем мы, люди не воевавшие, могли только догадываться. И вот – не озлобился, не очерствел душой, остался интеллигентом в полном смысле этого слова.

Евгений Федорович Савинов родился в 1923 году в Ярославле, в с емье мастера-кузнеца, владельца кузнечного производства; его предки по обеим линиям были старообрядцами. В Ярославле он провел детские годы, окончил десятилетку, работал в областной комсомольской газете. В августе 1941 года восемнадцатилетним юношей был пр изван в действующую армию.

После войны работал журналистом в областных газетах. В 1953 году местное издательство опубликовало первый сборник его стихотворений «Мастера весны». Затем в Ярославле и Москве увидели свет около десятка поэтических книг Е. Савино ва.

Скончался поэт в 1978 году.

Спустя много лет после его смерти, а умер он очень рано, 55 лет от роду, я узнал об одной маленькой, но красноречивой детали его биографии. Оказывается, он не употреблял спиртного и на фронте, свои фронтовые сто грамм всегда отдавал товарищам. Значит, не водка, а что-то другое спасало его там от понятного и простительного, но все-таки озлобления, от жгучей ненависти, помогало не ожесточиться душой. Что? Думается, и здесь я знаю ответ. Это была природа.

Сколько вдохновенных строк он посвятил ей – белым березам, голубым небесам, зеленой траве... С каким неподдельным волнением рассказывал своим друзьям и товарищам (порой часами) про обитателей лесов и лугов – зверей, птиц, насекомых, про их незаметную, но полную своих радостей и тревог жизнь. Как ненавидел он тех, кто губил все это – живое, жаждущее жить. «Но бьют в него, а у меня – когда ударят – грудь болит» – так о подстреленном на охоте тетереве мог среди наших поэтов сказать он один. «Ни пригубить, ни пить не могу эту кровь беззащитной березы» – это он о безобидном, вроде бы, сборе березового сока. Натяжка? Нет, он именно так и чувствовал, глубоко принимая к сердцу чужое страдание. Сколько же сил понадобилось его сердцу, чтобы вобрать в себя кровь и ужас войны – и не разорваться от боли!

Барабанные стихи, которых требовало время, у него не получались, он был по сути своей задушевный лирик, не случайно среди его увлечений, кроме поэзии, были музыка и театр. Я помню, как на поэтических вечерах реагировали на его стихи слушатели : посреди канонады политически выверенных виршей прочих стихотворцев на сцену выходил Савинов, и в его стихах нам всем вдруг открывалась как бы тихая поляна – то ли с проросшими из-под земли трепетными подснежниками, то ли окаймленная вьюжно-белым кольцом цветущей черемухи... На этой поляне хотелось остаться – и именно в таких стихах поэт достиг, на мой взгляд, истинной творческой свободы, свободы духа, который дышит, где хочет и когда хочет, в любые времена.

Четверть века его нет с нами, скончались уже и все близкие поэта. Но лучшие стихи его живы до сих пор – и я вместе с вами трепетно перечитываю сейчас эти строки. В них ветвится синяя нить молнии, дрожит на ветру гладь озер, они пропитаны горько-терпким запахом вереска и наполнены прощальным криком осенних птиц. «До встречи, добрый человек!» - кричат чайки в одном из его стихотворений; «до новых встреч с твоими чудесными стихами, Евгений Федорович» - повторяю я вслед за ними.

То, что написано сердцем – всегда вернется.

Виктор БУЛАНОВ,
член Союза журналистов России,
г. Ярославль.

* * *

Когда уходят – не зови:
Летящий лист недолго кружится…
И просьбой не вернешь любви,
А лишь свое унизишь мужество.
Не окликай ее в дверях,
Ходи по комнате – насвистывай
И, позабытый второпях,
Подальше прячь платок батистовый.

* * *

Масляный отблеск калужниц
Высветлил берег реки
С белых черемух, завьюжась,
Молча летят лепестки.

Сизо-зеленые злаки
Подняли колос литой.
Желто-лимонные маки
Плавно парят над землей.

Что она так нарядилась?
Хочет кого удивить?
Вспыхнула и разветвилась
Молнии синяя нить.

Словно навеки сшивает
Чьей-то судьбы полотно
И наяву воскрешает,
Что отболело давно.

* * *

Злых собак боюсь и ненавижу
И, на всякий случай, стороной
Обхожу я нюхателей рыжих –
Пусть интересуются не мной!

Что с них взять, коль привязь оборвали
И теперь – владыки всех канав?
Это люди их обворовали,
Доброту веревкой доконав.

И не зря, где псы на каждый шорох
Обнажают белые клыки, –
Там стоят высокие заборы
И висят пудовые замки.

* * *

Я раньше не верил, что можно
Бродить, как в потемках, днем
И думать всерьез, тревожно
О взгляде одном, ледяном.

Не верил, что можно столько
Стоять под окном с тоской,
Где тень от лампы настольной
Кажется тенью мужской.

Я раньше никак не верил,
Что могут на стук – молчать,
Даже не вынув из двери
Повернутого ключа.

ГРУДЬ КОСАЧА

У косача не грудь, а щит.
У косача не грудь – броня.
И он презрительно молчит
Под вспышкой смертного огня.

А тот, кто выследил, как вор,
Чтоб повернее – метит в грудь.
Но дробь, хлестнувшая в упор,
Отскакивает, словно ртуть.

И лишь бровей багряный взлет,
Как будто брызнувшая кровь,
Над чистым снегом промелькнет –
И чистый снег белеет вновь!

У косача не грудь – броня,
У косача не грудь, а щит.
Но бьют в него, а у меня,
Когда ударят – грудь болит…...

* * *

Сажусь в затишье на валежник
И слышу, как звенит родник.
А рядом – трепетный подснежник
Всю синь зимы в себе хранит.

С открытой негой все живое
Вбирает первое тепло.
Голубка талою водою
Врачует сизое крыло.

В кустах бахвалятся одежкой
Щеголеватые щеглы,
А за охотничьей сторожкой
Горят сосновые стволы.

И с веток капает живица –
Крутая солнечная соль.
И, прежде чем в ансамбль включиться,
Скворец разучивает роль.

Земля душиста и крупчата –
И пахарь перед ней затих.
А за селом поют девчата
О милых-суженых своих.

* * *

Нахохлились рябины алые,
Озера на ветру дрожат…
И лето майку полинялую
Вчера сменило на пиджак.

Идешь дорогой – и не верится,
Что луг ромашковый отцвел.
Лишь горько-терпкий запах вереска
Зовет к себе последних пчел.

Грибовики утрами поздними
Спешат в притихшие леса.
Лежит на одинокой озими
До полдня белая роса.

И, чтоб зимою чаек помнили,
Они сейчас, как первый снег,
Тревожно кружатся над поймами:
- До встречи, добрый человек!

КОЛЕЧКО

Птица синенькая, маленькая
Тенькает на сосне.
На зеленой наковаленке
Кует колечко мне.

Как орешки, вновь раскалывает
Минувшие года.
На две стороны раскладывает
Мои и «нет», и «да».

И звенит колечко вечное.
Такое кольцо
Надену – и все мелочное
Долой, за крыльцо!

Надену – и, поверьте-ка,
В канун весны
Я вновь, как на портретике
В погонах старшины.

* * *

Старой финкой бересту рассек,
Словно вырезал пояс нательный.
И по капле березовый сок
Собирает в кувшинчик скудельный.

Я сказал ему, точно врагу:
- Отольются безвинные слезы! –
Ни пригубить, ни пить не могу
Эту кровь беззащитной березы.

ПЕРВОЕ ЗАТИШЬЕ

Еще не кажет зубки земляника
И ландыши в бутонах прячут цвет,
Но меньше стало треньканья и звика.
Молчат скворцы, летящие в рассвет.

Черемуха на днях благоухала,
Звала к себе пчелу или шмеля.
Но и она, как птица, затихала.
Слабее пахла, ветви шевеля.

Она уже с девичеством рассталась,
Не нужен ей сейчас красавец-шмель.
Еще полдня, какая-нибудь малость –
И хлынет лепестковая метель.

И мне бродить в серебряных хоромах,
И слышать звон обиженных шмелей,
И сладко думать, будто след черемух
Меня уводит к юности моей.

* * *

А в полях – засиверило,
Всю траву засеребрило,
Все осины зазнобило.
Осень, что ли?

А ночами стало сниться,
Что в окно мое стучится
Одинокая синица.
Старость, что ли?

А вернусь к дневным заботам,
Как пчела к открытым сотам, –
Тихо в двери стукнут. Кто там?
Не любовь ли?

ОПЫТЫ

Олег Гонозов

На три буквы

ПРАПОРЩИК ПЕТРЕНКО

Прапорщик Павел Прохорович Петренко – последний пьяница. Посмотришь повнимательнее: постоянно поддатый. Питается плохо, политзанятия пропускает. Перед построением пьет «Перцовку», потом падает, ползает по плацу по-пластунски, плюется, придуривается, пародирует полковника. Позорит, понимаешь, полк ПВО!

После последних подобных приколов подполковник Петр Платонович Пржевальский, погрозив прощелыге пальцем, прилюдно пообещал пропойцу перевоспитать. Проницательный политрук Пархоменко предусмотрительно подстраховался – принес полугодовую подшивку «Правды», положил прямо перед прапорщиком:

- Приказываю переписать передовицу «Противостояние пьянству». Послезавтра приду – проверю. Предупреждаю: похмелишься – полетят погоны! Понял?

- Понял... - поежился Петренко. Печально покивал политруку, почесал плешь. Предстоял противный процесс переписывания политической погани.

«Потом перепишу, – полистав периодику, подумал прапорщик. – Пойду попью пивка!».

Пивная потрясала припозднившихся посетителей полумраком. Почерневшие подоконники пахли протухшими помидорами, пивная пена, пузырясь, ползла по прогнившим половицам. По приемнику передавали полузабытую песню «Паромщик»: певица Пугачева пыталась перекричать Паулса, пианино, подпевающих полупьяных посетителей.

Прапорщик принял полкружечки, пригорюнился. Припомнил подлые потуги Пархоменко, поднятый перст Пржевальского, прослезился. «Подлецы!.. – прошептал Петренко, – подонки!.. Погоди-и-те... попомните прапорщика Петренко!..». Принял полкружечки повторно.

Подошла постоянная посетительница пивного павильона, подвыпившая Полина Пахмутова. После полностью потраченной получки Полина Пантелеевна

Олег Сергеевич Гонозов родился в 1956 году в Ярославле, его детские и юношеские годы прошли в Ростове Великом. Окончив техникум, работал проводником поезда, электромонтером, художественным руководителем парка культуры и отдыха. В 1987 году окончил Московский государственный институт культуры по специальности «режиссер клубных массовых представлений». Полтора десятка лет работает журналистом в областной прессе.

Первые литературные опыты О.Гонозова увидели свет в 1974 году на страницах районной газеты. За минувшие три десятка лет его рассказы, повести, стихи были опубликованы во многих столичных газетах и журналах, он стал автором девяти книг. Член Союза российских писателей с 1997 года, с 2001 года – председатель правления Ярославского регионального отделения этой организации.

В 1997 году переехал из Ростова в Ярославль, где и живет сейчас.

© Олег Гонозов, 2003.

приятно преобразилась: пепельный парик, польские полусапожки, потрясное платье. Петренко приосанился, порозовел.

- Павлик, похмелись! – предложила проверенная подруга, протягивая прапорщику полстакана «Посольской».

Петренко покачал плешью, подумал. Пиво, «Посольская»...пожалуй, потом плоховато придется.

- Поздняк придуриваться, Павлуша... - проворковала Полина. – Прими!

Подумав полминутки, прапорщик принял предложение. Поперхнулся, присел, побагровел: «Посольская» пошла похуже политуры.

- Пройдет! – пренебрежительно произнесла Пахмутова. – Подумаешь, полстакашка...поболе принимали! Покури, Паша.

Полина приоткрыла поблескивающий портсигар.

- «Прима»? – поинтересовался постепенно принимающий привычное положение прапорщик.

- «Прима», Пашенька. Простая, постсоветская, прекрасная «Прима». Прикуривай!..

- Плохо мне, Полюшка, - прикурив, пожаловался Петренко. – Пржевальский придирается, Пархоменко – почище Пиночета. Пригрозил, падла, погоны посрывать.

- Подумаешь, проблема! – презрительно протянула Пахмутова. – Позвони председателю правительства, пожалуйся Полтавченко, полномочному представителю президента, подключи прессу. Помнишь порнографическую пленку прокурора? Поснимай похотливых полканов, поакцентируй пикантные подробности...

- Попробую, Полина Пантелеевна, - приободрился прапорщик. – Правильно! Проучить придется прежних приятелей, пусть призадумаются... Послушай первое попавшееся предложение: проведем праздник Первомая по полной программе! Позови подруг, пусть приоденутся поприличнее, прически понакрутят...Полканы – похотливое племя, приползут, пакостники...

Полина подлила приятелю пойла. Петренко повеселел, печаль полностью прошла.

- ...Полковник Пухов, Полюшка – почти пенсионер! Прост, подобно правде. Пенсне, полосатая пижама... псориаз...птички-попугайчики... Поклонник Понаровской, Пугачихи. Подполковник Пржевальский – помоложе, посложнее: пацифист, почитатель Пикассо. Пьет, правда, прилично. Португальский портвейн покупает, по полтиннику. Примет полста, принесет полусгнивший патефон, подпевает «Песнярам», потом порнуху просматривает. Под Пасху, прикинь, подцепил пятнадцатилетнюю плечевую. Поизгалялся полчаса, поросенок, потом принялся «Перцовку» потреблять...Полк ПВО, понимаешь! Позорище! Помоги, Полинушка, прищучить паразитов!

- Помогу, Паша, помогу. Прикупи, пожалуйста, поллитровок пятнадцать «Пшеничной», пару пузырей пунша, портвейна побольше, пражского пива, пепси-колы. Похавать приготовь. Помидорчиков, печеночного паштета, пельмешек, пирожков. Поросеночка поджарь, помоложе... Понятно, презервативов припаси, пачек пятнадцать. Противозачаточные пилюли потребуются...Просекаешь?

- Потрачусь прилично... - поскучнел Петренко. – Пальто пуховое продавать придется...

- Паспорт продай!

- Политические провокации, Полина Пантелеевна, пока прибереги, потом пригодятся. Погоди...Придумал, Полюшка! Попытаюсь, пожалуй, продать полковой противотанковый пулемет...припрятал по пьянке, прости подлеца. Поможешь продать? Получится – поделюсь прибылью, процентов пятнадцать получишь. Пустословь поменьше: прокуратура поймает – посадят...прощай, погоны!

- Полно, Паша, печалиться! Помогу, провернем...Подумаешь, прокуратура!

Петренко подумал, почесал плешь.

- Племяннице позвони, Павлине Птицыной. Пусть приходит, пианистка придурочная, поиграет полковнику падеграс. Понравится, поди, паразиту...

- Позвоню, Павлуша. Пелагею Пушкину приведу...помнишь пухлощекую Палашку? Правильная подруга, прикольная.

- Проститутка проституткой!

- Парижанка, Паша!

- Парижанка...парле...пляс Пигаль...Плевать, пусть приходит!

...Презренный политрук Пархоменко подкрался потихоньку:

- Прапорщик Петренко, переписали передовицу?

- Погоди, Платон Прокопьевич! – покраснел прапорщик. – Передовица пусть подождет...предлагаю прежде пригубить понемногу «Пшеничной» . Праздник, понимаешь, Первомай! Позовем полковника, подполковника, подружек повеселее. Посидим, послушаем песни Пугачевой, потанцуем...

- Посидеть-потанцевать? – подскочил политрук. – План принимается, Павел Прохорович! Примем пока по полстакашка, пообмозгуем...

Первомай получился прекрасный. Поначалу пили «Пшеничную» под пиво, потом портвейн под «Пшеничную». Прожевав пельмень, Полина Пантелеевна предложила пирующим потанцевать. Пианистка Птицына, подмигнув Петренко, пригласила пошатывающего Пржевальского, Палашка Пушкина – политрука. Поплясали, присели, продолжили пьянку.

Приятно порозовевшая пианистка попросила полковника подлить пуншу. Пузатый Порфирий Петрович, перевыполнив просьбу, простецки полез Павлине под подол, порвал просвечивающее платье. Побагровел, пожелал представиться:

- Полковник Пухов. Позвольте поцеловать птичке плечико?

- Попробуйте, падре.

«Падла», - послышалось политруку.

- Прошу прощения, Порфирий Петрович, - полушепотом произнес Пархоменко. – Полковника – «падлой»?

- Пошел прочь! – популярно приказал Пухов.

Подполковник Пржевальский полуобнимал Пелагею Пушкину, предлагал прилечь. Палашка, потупившись, пока противилась. Подполковник плел полубред:

- Посмотри, Пелагея – простой парень, петербуржец...Подростком предотвратил падение пирамид, потом помогал первобытным племенам переваривать плоды прогресса. Полгода питался плодами папайи, перцем, просто падалью...

- Падла? – переспросил политрук Пархоменко. – Попрошу повторить!

- Пристрелю! – прорычал подполковник.

- Попробуй!

Парадный пиджак политрука покрылся птичьими потрохами. Повеяло потасовкой.

- Предлагаю покурить план! – предчувствуя приближающееся побоище, прокричал прапорщик Петренко.

- План! План! – подхватила публика.

Покурили. Полковник помолодел, подполковник полностью преобразился. Политрук Пархоменко потребовал продолжения. Потолок плыл.

- Пошли париться, пацаны! – позвала Полина.

- Париться! Париться! – поддержали присутствующие. Плавки полковых проказников полетели прочь, предчувствующие приятное продолжение подружки полезли по полкам.

- Политрук, поддай пару! - пробасил полковник Пухов, прикрывая портупеей поросшую пухом промежность. - Природа права! Покажем Пентагону пролетарскую плоть!

- Покажем! Покажем! – покатывалась публика.

...Провокационная пьянка, подготовленная прапорщиком по плану Полины Пахмутовой, продолжалась. Пели песни, парились, пили, падали...Потом прикемарили. Позевывая, полковник Пухов по привычке погладил подоконник пухлой пятерней. Подоконник подозрительно прогнулся под пальцами Пухова. Повисла порядочная пауза.

- Предатель! – прошептал прозревший полковник. – Падла...

Поражаясь подлости полкового пьяницы, полковник почти протрезвел. План прыткого прапорщика приоткрывался, пузырился, парил, прессуя подсознание Пухова. Пугая примолкших присутствующих, побелевший полковник приподнялся.

- Поснимать приятелей придумал? – прорычал Пухов. – Потом пленку политуправлению ПВО показать? План провалился, подонок! Приказываю покинуть помещение!

Путаны попрятались под полками. Поднялась паника. Покидая подозрительный приют, полковые прохиндеи позабыли про прежнее приятельство, про положение, про погоны. Пытаясь прорваться поскорее, падали, ползли, пинались. Полковнику поломали пенсне, Пржевальскому попало пяткой по подбородку, политруку прищемили пенис.

- Проходимец! Погоди, попляшешь! – проклинал прапорщика подполковник Пржевальский. – Почистишь плац! Пометешь пыль!

- Продажная паскуда! – плакал политрук Пархоменко. - «Предлагаю пригубить понемногу...праздник Первомай...посидим-потанцуем»... Паскуда, профурсетка!

Путаны предусмотрительно помалкивали.

...Поутру полковнику Пухову позвонил Полтавченко, полномочный представитель президента. Порфирию Петровичу поплохело. Подоспевший Пржевальский протянул побледневшему приятелю пирамидон.

- Полковник Пухов? Передайте, пожалуйста, прапорщику Петренко первомайское поздравление президента Путина! Понятно?

- Понятно...

Пели первые петухи. Пробуждающуюся природу прославляли проснувшиеся птицы. Прапорщик Петренко переписывал передовицу «Правды», предвкушая предстоящее повышение.

НАЧАЛЬНИК НАЛОГОВОЙ

Начальник налоговой Н.Н.Наливайко негодовал! Натолкнувшись на неблаговидную неуплату налогов некоторыми неуправляемыми налогоплательщиками, Николай Николаевич неделю нюхал нашатырь, недосыпал, недоедал. Наконец, назначил наиболее непонятливым новые нормативы. Неприятно, но – надо...

Начиная назревшие новшества, Наливайко напал на Никиту Назарова. Никита Нилович – настоящий нувориш: начальник «Норильского никеля», «Нефтеюганской нефти», «Находкинской нерпы» . Непьющий, некурящий. Новенький «Ниссан», немерено недвижимости, невеста Наташка носит натуральную норку.

- Никита Нилович, налицо недоимка!

- Наговор! – напрягается Назаров. – На «Норильском никеле» - непосильная налоговая нагрузка. Налички нет! Нижневартовский нефтепровод накрылся, недра нам недосягаемы, нужны нефтевозы. Нефтедобытчики недовольны: навигация не началась, нет ни нерпы, ни наваги, ни налима. Налоги несоразмерные! Нищенствую, недоедаю. Накормите, Николай Николаевич!

- Не ной! Налоги нормальные! Надо начинать немедленную налогоуплату, Никита Нилович! Неужели непонятно?

- Ну, никак невозможно, Николай Николаевич! Никак нельзя!

Наставлял-наставлял Наливайко непонятливого Назарова - ноль налогов. Напал на наглеца Назараускаса, неплохо наварившегося на нечерноземных несушках. Направил негодяю необходимую ноту.

Назараускас нарисовался нескоро. Негодует:

- Николай Николаевич, Нечерноземье – наша неволя. Непогода, надои низкие, несушки не несутся. Народ нетрезвый, необязательный, неряшливый. Недовесы! Насекомые! Ну, никак не наскребаются налоги, Николай Николаевич! Никак! НЭП нужен, наверное...

- Не НЭП нужен! Наказывать нужно! Нарсудом! Недобросовестным налогоплательщикам наденем наручники, наиболее неуправляемых – на нары! Нерчинск – наилучшая наука! Надоело наблюдать, Никифор Наргизович!

- Не надо наручников, не надо нар, - ноет несудимый Назараускас. – Неразбериха начнется, Николай Николаевич. Националисты начнут непотребное нести, новые напасти нагрянут...

Наливайко наседает, Назараускас ноет. Налогов – ноль.

Наметил Наливайко нацмена Назарбекова, Нарзана Нурбердыевича. Нахичеванский нахал: неграм недогружал нафталин, нанайцев нагрел на «Нивах». Наркоман, насиловал несовершеннолетних. Небритый, нестриженый... Нечисть!

- Ну, Нарзан, начинай налоги направлять на нужды народа!

- Николая Николаевич, Назарбеков нерусский. Назарбеков невезучий: нога некроз начался. Нежилец несчастный Назарбеков. Невропатолог нужен! Неплательщик налогов неумышленный. Не надо наказывать Назарбекова...

Ну, не надо Назарбекова – надо Назармана. Нотариус, негоциант, недвижимости нахватал. Начес, нога на ногу, носочки новенькие...

- Наум Натаныч, налоговая недоимочка набежала.

- Неправда, Николай Николаевич! – надувшись, начинает Назарман. – Наезжаете на неугодных нотариусов? Нелепо! Неприлично, невоспитанно, незаконно! Нащупали нашу недвижимость? Не напугаете! Нотариусы начеку! Наезжайте на нейрохирургов-надомников, Николай Николаевич. На Назар-оглы, например...

Напугать Назар-оглы непросто. Некрофил, начитался Ницше, Нострадамуса. Ночами наслаждается невинностью Настеньки Назаровской, неграмотной наложницы. Наливает нагой нимфе наперсток наливки, начинает нежно нюхать ножки, нашептывать невозможное...Нирвану наладил на нечерноземных нивах, негодяй!

Наливайко начал наскоком:

- Ну, насосался народного нездоровья, Назар-оглы? Наш недосмотр! Необсуждаемый наказ: немедленно направляй наворованную наличку наверх!

- Никогда! – набычился Назар-оглы. – Незнание неопубликованных наказов – ненаказуемо!

Насупился начальник налоговой. Нарушителей нет, налогов - ноль. Никого не накажешь! Никиту Ниловича – нельзя! Назараускаса – нельзя. Назарбекова нельзя, Назармана нельзя, Назар-оглы нельзя. Неприкосновенные! Неприкасаемые! Недосягаемые!

Николай Николаевич Наливайко напечатал название налоговой, наставил напротив названных налогоплательщиков нулей. Нахмурился. Немного наклонив несгораемую нишу, нащупал недельный неучтенный навар. Новенькие, незалапанные...Налил немного «Наполеона», нюхнул. Настроение начало налаживаться.

СУРОВАЯ СУДЬБА

Сергей Сергеевич Скворцов стал страдать слабостью, сонливостью, сыпью.

- Сифилис! – сказал сексопатолог.

Стал Сергей Сергеевич соображать...Сенегал? Семинар стран социалистического содружества, соблазнительная соотечественница Сара Самуиловна Струлис. Скульптор, самородок. Состоятельная: собственная сауна, собака-сенбернар. Само собой, семья, сын. Смотрит сурово, самоуверенно. Солгал: синхрофазотронщик. Сфотографировались, слушали сюиту. Стакан скандинавского спирта с содовой, сигара... Сама сняла сорочку. Семь суток сумасшедшего совокупления! Связался с садисткой... Стыд!

Симферополь? Санаторий «Седьмой съезд Советов», социолог Софья Саблезубова. Сибирячка, сама скромность. Солгал: сталевар, стахановец. Сервировал столик: салат,

салями, студень, селедка. Слушали стереомагнитофон «Сони», смотрели слайды. Сначала сопротивлялась, строгая. Стопка самогона – сдалась! Скучно стало, соромно...

Столичный стадион? Сейшн, синий свет, сигаретный смог...Сексапильная студентка - старшекурсница сельхозинститута Сусанна. Стильное сафари, серые сабо, современная, стройная. Свечи, свежая скатерть, «Старка», сигареты «Салем», свежевыжатый сок, сыр, семга...Солгал: скрипач-самородок. Стал соблазнять: сыграем свадьбу, Стамбул, Стокгольм, Сан-Франциско...Стрекоза слушала, скучая. Стал серьезнее: сережки, сапоги, сумочку...Стала сговорчивее, слезла со стула. Сварганили сухой соломки, совокупились. Слезы, сопли...Стрекоза сбацала стриптиз...Стоп! Слева скальной стеной стоит сутенер Сусанны – свирепый, смотреть страшно.

– Стольник!

– Сколько?

Сутенер сдавил сустав:

– Стольник!

Сильный, сволочь. Своеобразная ситуация... Светать стало – смотался. Спаси-сохрани!..

Ставропольский совхоз «Сорокоуст»? Село Семиречье, сентябрьское солнышко, светловолосая старшеклассница Светлана Сорокина. Ситцевый сарафанчик, сама святость. Сосед Спиридон смеется: «Светка? Сучка! Самой семнадцать, сожительствует с сорокалетним Степкой-сварщиком. Седьмого сентября совратила семиклассника Славку Сухостоева, семнадцатого – семинариста Сергия Староблагодатского. Спала со склеротиком Савелием, совхозным семеноводом. Сучара!».

Стемнело. Стоит Сергей Сергеевич, смотрит. Слева – совхозная свиноферма, справа – сарай сгнившей свеклы, сзади степь. Спереди – Светка. С сигаретой, стиляга.

– «Стюардесса»? – спрашивает Скворцов.

– «Стрела», – смеется Светка.

Схлебнули сивухи, стало славно. Светка спрашивает:

– Сержант? Старшина?

– Старший сержант срочной службы. Стройбат!

– Смотри, старший сержант, сверло сломаешь...

– Служу Советскому Союзу!

Сама слюну сглатывает, со стога солому сбрасывает. Сообразил Сергей Сергеевич: свой собственный сценарий, сучка, стряпает. Скорей сваливать! Салют, Светлана Сорокина!

Самарская свалка? Снег, собаки, слепой солдат со сломанными санками, сутулый старик-сектант. Сириец Саид, сбежавший с секретных спецкурсов. Спившаяся спекулянтка Соня со снятой судимостью, светлоглазая сентиментальная сирота. Сварили суп, согрели самовар. Стопка спирта, сушеный синец. Солгал: слесарь-сантехник, серьезный специалист. Сонька стремительно:

– Сэр, сдаюсь! Солидольчиком смажь...

Сугробы свалки скрыли спонтанное соитие. Семь секунд сладости, сумеречных скитаний...Судорога! Свалился Сергей Сергеевич с Соньки, сердцем сугроб сжигает. Спазм сфинктера? Столбняк? Солидольный синдром?

...Сводный список случайных связей Сергея Сергеевича составил семнадцать страниц. Суровая судьба! Смотрел сексопатолог список, серьезнел:

– Санчасть! Срочно санировать!

Сергей Сергеевич судорожно сосал сигаретку – серо-синий, страшный. Сгорбился, ссутулился. Свирепые собаки страдающего самолюбия сжирали сознание Сергея Сергеевича.

«Соньке – самосуд!».

ЧТО НАМ ДЕЛИТЬ?

Уважаемые собратья по перу!

Минуло уже больше десяти лет с той поры, как организационно оформились два крупнейших в России объединения литераторов, два писательских союза – Союз писателей России и Союз российских писателей. Наверное, это разделение принесло кому-то и пользу, но все-таки больше – вред. Ведь пишущих людей, входящих в две эти организации, очень многое объединяет – любовь к родине, причастность к великой русской культуре, к лучшим традициям нашей литературы. Несмотря на разницу в политических и эстетических взглядах, эти люди могут и должны трудиться вместе – на благо России и нашего народа.

Время разбрасывать камни прошло. Растущая в российском обществе бездуховность чревата культурной катастрофой, потерей всего, что нам дорого. Перед лицом этой опасности те, кто претендует на звание инженеров человеческих душ, обязаны забыть прежние распри и явить лучшее в себе – то, что когда-то, в юности, подвигло их на духовный подвиг творчества, бескорыстного служения родной культуре.

«Литературные боссы» давно канули в небытие, цензуры нет, возможность издавать свои книги есть практически у каждого. Любой из авторов, молод он, или стар, творит сегодня, как Бог на душу положит – и это прекрасно! Но тогда – что писателям делить? Зачем им сидеть по разным углам? Ведь читатель ждет от книги только светлого духовного потрясения и ему абсолютно все равно, к какой партии или церкви принадлежит автор.

Журнал «Русский путь», первый номер которого вы держите в руках, намерен внести посильную лепту в дело единения творческих людей, хотя бы только на ярославской земле.

Мы принципиально отказываемся от деления литераторов на «чистых» и «нечистых», на «членов нашего Союза» и «чужаков», мы намерены публиковать на страницах этого издания всех талантливых людей, которым небезразлична судьба родины.

Время собирать камни!

Редакция журнала «Русский путь»